МАЛЕНЬКАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ НАУКЕ.

Ф. Ф. Менде

Пролог.

На маленьком полустанке стоит маленький человек, а мимо с грохотом и свистом проносятся поезда. Одни везут весёлых пассажиров, другие уголь и руду на платформах третьих зачехлённые танки. Это жизнь проносится мимо нас, и, кажется, нет конца и края этим вагонам. Но нет, промелькнул последний вагон, и последний поезд унёсся вдаль и только эхо от улетающего поезда ещё долгое время нарушает тишину полустанка. Но нет уже на полустанке человека, нет и полустанка, а, может быть, ничего не было? Нет, было. Даже самая маленькая букашка оставляет свой след на земле, она жила, она к чему-то стремилась, она сделала что-то полезное и что-то плохое.

Октябрь 1957 год, прошло всего 12 лет со времени окончания Великой Отечественной. И тут как взрыв бомбы. Советский Союз запустил спутник. Как могло так случиться, что, имея во сто крат более мощный промышленный потенциал, страна, на которую за время войны не упала ни одна бомба, могла отстать в таком важном вопросе. Значит, плохо работала их разведка, значит, не сумели они воспитать те научные и технические кадры, которые смогли бы решить такую задачу. Значит, не было у них таких самоотверженных людей, которые, несмотря на все препятствия и лишения, смогли пройти этот путь. А у нас они были. Некоторые из них начинали этот путь в шарашках, где на положении заключённых вели исследовательскую работу. Другие начинали путь в высших учебных заведениях, в ФЗО и ПТУ, ибо без высококвалифицированных специалистов и высококвалифицированного рабочего класса такое не могло произойти. Роль подготовки в школьных учебных заведениях тоже трудно переоценить. Когда был запущен первый спутник, Кеннеди сказал, что Россия выиграла соревнование с США за школьной партией. И это действительно так, потому что без основательной школьной подготовки не может быть качественного высшего образования. Но разве только спутник? Оборона СССР была в целом самой могучей за всю тогдашнюю историю.

В предлагаемом читателю повествовании и пойдёт речь о рядовом этой могучей армии, которая в столь тяжёлых условиях смогла всё это совершить, о тех людях, которые, не страшась усталости, ковали надёжный щит страны, страны, которая ни перед кем не кланялась и не унижалась, как теперь это делают остатки той великой державы. Речь пойдёт о маленьком человечике, когда-то стоявшем на полустанке, о той маленькой песчинке, миллионы ко-

торых, скреплённые цементом ежедневного непосильного труда и верой в победу ковали оборону могучей Державы.

Все события, о которых пойдёт речь, имели место на самом деле, даже имена и фамилии героев реальные. Повествование, будет интересно прочитать и тем старым учёным и оборонщикам, которые сами прошли этот путь и молодым учёным, дабы не совершать тех ошибок, которых полно в жизни каждого человека.

По длинному коридору первого этажа лабораторного корпуса, немного сутулясь, шел уже далеко не молодой человек. Сколько бурь прошумело, сколько гроз прогремело в этих стенах. Но сейчас здесь было тихо и пустынно. Дойдя до лифта, Фёдор так никого и не встретил, как будто все вокруг вымерло. Лифт не работал, его теперь часто отключали, экономили электроэнергию. Пришлось на пятый этаж идти пешком. Раньше это трудности не представляло, но теперь сердце было уже не то и ему пришлось несколько раз останавливаться. Так знакомы были эти стены, но кабинет теперь больше походил не на кабинет ученого, а на мастерскую. На столах лежал различный инструмент, на полу около книжного шкафа различные заготовки. Да, очень пригодилось то, что он все умел делать своими руками. Если нужно он мог быть и токарем, и фрезеровщиком, и слесарем, и столяром, и каменщиком и еще бог знает кем. Многому научила его жизнь. Но самое главное она научила никогда и нигде не терять своего лица и до самого последнего момента не считать положение потерянным.

Сколько бед и страданий принесла народу эта самая «незалежність»? Сколько обездоленных и просто нищих? Сколько сирот и бездомных, сколько голодных и больных, а что она сделала с наукой? Да, каждый удельный князь, каждый феодал, хочет быть удельным и делать со своими вассалами то, что ему заблагорассудится без посторонних глаз.

Но Фёдор был реалистом, он никогда не витал где-то в облаках, а знал, что к своей цели, порой обливаясь потом и падая от усталости, нужно неустанно идти каждый день и тогда к ней обязательно придешь. Он прекрасно понимал, что он ничего уже в этой жизни изменить не может, прежде всего, потому что стар и что у него уже просто нет сил для этого. Но в душе, наверное, как и любой человек, он даже сейчас оставался молодым, и поэтому не унывал. Еще несколько лет назад, когда положение казалось практически безвыходным, он пообещал себе, что все равно победит и что, по крайней мере, и себя и своих близких в обиду не даст. Нет, не просто было положить его на лопатки и все, что происходило теперь, было тому подтверждением. Нет, не погасли на старом лице его глаза, не иссякла уверенность в победе, и с этой уверенностью он практически всегда в своей жизни начинал любое дело и всегда побеждал. Так было и сейчас, хотя резерва времени уже практически не было.

Когда вечером, утомленный дневными заботами, Фёдор приходит в свой маленький кабинет на даче, где живёт летом со своей семьёй, к нему часто забегают внуки Лёша и Женя.

— Дедушка, давай запишем пулю!

В эту игру он научил их играть, когда они еще не ходили в школу, но сейчас внуки уже вполне взрослые ребята и могут посостязаться даже с опытным партнером, так что играть с ними интересно.

— Да, что-то не хочется, устал я, да и время уже позднее.

— Ну, тогда расскажи нам какую-нибудь историю.

— Детки мои, да я вам их уже столько нарасказывал, думаю, что все уже и рассказал.

— Нет не все, мы уверены, что не все, ведь у тебя их столько...

— Да нет, интересные уже все рассказал, остались только неинтересные и печальные, да еще истории как вообще поступать не следует.

— Мы и их хотим послушать, — не унимаются внуки.

— Ну ладно, вы уже совсем взрослые. Пора вам уже и печальные истории рассказывать.

Внуки поудобнее устраиваются рядом с ним. Фёдор перебирает в своей памяти события и начинает свой неторопливый и печальный рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Время!

Начинаю про жизнь свою рассказ,
Но не потому, что боли нету более.

Время!

Потому что жуткая тоска
Стала резкой и осознанною болью.

1. Паника.

Самым первым впечатлением в своей жизни, которое он помнит, был случай, когда отец, вернувшись из города, привез ему качели. У качелей были белые шелковые шнуры, которые были продеты через деревянные трубчатые перекладины, и светлое сидение. Качели отец сразу же повесил в галерее, усадил на них сына и спросил:

— Нравится?

Он не помнит, что тогда ответил отцу, но этот случай запомнился ему на всю жизнь. Почему именно этот, может потому, что очень любил кататься на качелях, а может потому, что эта его любимая игрушка однажды исчезла навсегда.

Уже в первые полеты немецкой авиации на районный центр Золочев одна из бомб упала рядом с домом, практически полностью разрушив галерею. Когда семья вернулась в дом, а во время налетов все прятались у соседей в погребе, он начал искать свои качели. Качелей нигде не было и нашел он только трубчатую перекладинку расколотую пополам, за которую обычно держался руками, когда качался на качелях.

Второй случай, который Фёдор видит до сих пор, как наяву, произошел вскоре после первого, и тоже в очередной налет немецкой авиации.

Нина Николаевна, мать Фёдора, вместе с ним и его сестрой Ириной сидели на лавочке около дома, как вдруг все услышали приближающийся гул немецкого самолета. Ему, порой, кажется, что все то, что тогда произошло, он видит как наяву, но иногда то, что ему рассказывали и то, что они видели сами, настолько переплетено, что бывает трудно отделить виденное от рассказов.

Все, кто бывал уже под бомбежками, хорошо могли отличить немецкие самолеты от своих, их звук почему-то напоминал «везу-везу». Этот зловещий звук приближался. Вдоль улицы на бреющем полете шел немецкий самолет. В панике мать, схватив сына на руки, вместе с дочерью бросились бежать через дорогу в соседский погреб. Те, кто летал на самолетах и тем более прыгал с парашютом, хорошо знают, что с высоты, все, что происходит на земле, видно как на ладони. Немецкий пилот, конечно, видел, что через ули-

цу бежит женщина с двумя детьми, но, тем не менее, небольшая бомба взорвалась перед бегущими. Потом выяснилось, что это действительно была небольшая осколочная бомба и почему-то алюминиевая, потому что все извлеченные осколки оказались алюминиевыми. Когда мать остановилась во дворе у соседей, её лицо заливала кровь. Кровь текла из рассеченного виска, заливая лицо и платье. Сам он тоже был весь в крови, осколок попал ему в затылок, мать несла его на руках, прижав лицом к себе. Но сестры нигде не было. Крик ее услышали в саду. Все ноги ее были в крови. Она бегала и что-то кричала. Осколок бомбы навывлет прошил ей ступню, другой осколок застрял под коленом.

Таковы были первые эпизоды, запомнившиеся Фёдору в его жизни.

2. Родители.

Дед Фёдора, был инженером. У него сохранилась его фотография тех времен, когда дед был еще студентом. С фотографии смотрит молодой человек с небольшими пышными усами, на нем студенческая форма с погонами, которые в то время носили студенты. Карточку эту подарил ему не отец, а родной дядя.

На протяжении всей своей жизни Фёдор никогда не слышал, чтобы отец рассказывал что-либо о деде. И уже, будучи студентом, он узнал от своего дяди очень невеселую историю их детства.

Дед был хорошим инженером и, по словам дяди, волевым человеком. Однажды конь, на котором он ехал, споткнулся и поломал ногу, тогда дед вынул пистолет и на месте пристрелил жеребца. Но не поселял этот рассказ дяди в душе Фёдора уверенности в волевых качествах деда, скорее наоборот, ему очень жаль было невинную лошадь.

Дед бросил свою жену с тремя детьми, когда старшему из них Федору не было еще и десяти. Оба брата, Пантелеймон и Николай, были еще меньше. Какой повод послужил такому поступку деда, дядя не знал, но все они, оставшись без отца и не получая от него никакой помощи, вынуждены были сами зарабатывать себе на пропитание.

Их мать была человеком очень набожным и абсолютно не приспособленным к жизни. Основным средством существования были поденные работы. На первых порах это делали Федор и Пантелеймон, позже к ним начал присоединяться и Николай. Наиболее удачной они считали поденную работу по заготовке дров. Пила и топоры у них всегда были в идеальном состоянии. Точил и ухаживал за ними старший брат.

Детство у матери Фёдора тоже было не из легких. Когда ей было тринадцать лет, родилась сестра Ольга, но роды были неудачными, и мать вскоре умерла. Отец женился вторично. В доме появилась молодая, красивая и очень властная женщина. Нетрудно представить, как дальше жилось и Нине и Ольге. Мачеха была оперной певицей, и ей было и не до мужа, и не до детей. Все домашнее хозяйство легло на плечи старшей дочери, и она на всю жизнь за-

помнила, что такое мачеха. Но отец все-таки сумел дать образование дочерям. Сам он был геодезистом, и это в свое время сыграло определенную роль в выборе профессии Нины. Впрочем, через несколько лет оперная певица сбежала с каким-то офицером. В дальнейшем отец с дочерьми жили втроем.

Познакомилась Нина Николаевна и Федор Фёдорович на землеустроительных курсах, после окончания которых они и поступили в Харьковский землеустроительный институт.

Еще, будучи студентами, они поженились. Война застала семью Менде в районном центре Золочев, где отец Фёдора преподавал в Одноробовском сельскохозяйственном техникуме геодезию, а мать работала преподавателем математики в средней школе. Там и родился у них сын, которого называли Фёдором.

3. Война.

Каждый день люди жадно вслушивались в сообщения по радио, и с каждым днем становилось все яснее, что линия фронта быстро и неуклонно движется на восток. Тревога и какая-то непонятная неопределенность все больше вселялась в сознании, мыслях и действиях людей. Ничего подобного люди раньше просто не испытывали. Многие из них хорошо помнили годы гражданской войны, когда порой трудно было разобраться в том, что вообще происходит, где белые, где красные, где свои, где чужие. И хоть крови, мук и страданий было ни чуть не меньше, чем на любой войне, все же то была драка между своими. Совершенно другие ощущения были у людей сейчас. Сообщения по радио о зверствах фашистов на оккупированных территориях действовали угнетающе. Но даже невооруженным глазом можно было заметить у некоторых людей безразличие к происходящему, а в отдельных случаях и молчаливое злорадство.

Федор Фёдорович уже в течение почти двух недель был болен какой-то непонятной болезнью. Температура то падала, то опять повышалась. Местный врач – молодая женщина уже несколько раз навещала больного, но ничего определенного сказать не могла. Ее точка зрения склонялась к тому, что у больного воспаление лёгких. Нина Николаевна была очень доброжелательным человеком и, несмотря на некоторую кажущуюся внешнюю строгость, всегда быстро находила нужную форму общения практически с любым человеком. Так было и на этот раз, хотя с врачом она была знакома и раньше.

Врач советовала давать Федору Фёдоровичу максимально калорийную пищу, и хорошо кормить. Зайдя как-то в очередной раз проведать больного, она долго его слушала, и на лице ее можно было прочесть беспокойство. Когда она уже собиралась уходить, она попросила Нину Николаевну выйти с ней.

— Я очень боюсь, чтобы у Федора Фёдоровича эта болезнь не кончилась туберкулезом, потому что у него, уже плеврит. Кормите его хорошо и давайте регулярно лекарства.

Нетрудно было понять чувства жены. Идет война, все уже понимают неизбежность близкой эвакуации, муж на грани туберкулеза, на руках двое маленьких детей. Но не таким была Нина Николаевна человеком, чтобы впасть в растерянность и панику, слишком много уже пришлось пережить.

В тот же день она пошла к директору техникума и попросила дать ей директорских лошадей и конюха. Отец был в хороших отношениях с директором и тот, конечно, не отказал. Мать поехала в соседнее село, где жил старый земский врач. Он уже не занимался врачебной практикой, но по виду еще был крепкий старик, с типичной врачебной бородкой и в пенсне.

Трудно сказать, как удалось Нине Николаевне уговорить этого своевольного старика поехать по открытому воздуху совсем в другое село. Мать уехала рано утром на следующий день, а где-то к обеду около дома остановились директорские лошади. С повозки достаточно бодро сошел старик в пенсне и галантно подал руку матери. Они вошли в дом и он, помыв руки, спросил:

— Где больной?

Мать указала на дверь и хотела его проводить.

— Пока буду осматривать больного, прошу в комнату не входить, — коротко бросил он.

Врач был у больного недолго. Наконец дверь открылась, на пороге стоял земский врач, и возмущение было написано на его лице. Мать так и не поняла, к кому были обращены те слова, которые он произнес, то ли к отцу, то ли к ней, то ли к врачу, который лечил отца раньше.

— Какой дурак! У больного брюшник!

Это означало, что у больного брюшной тиф. Потом врач спросил, соблюдает ли больной диету, а когда мать рассказала, чем и почему она кормит отца, он ответил:

— Еще несколько дней такой диеты и у больного было бы прободение кишечника, а это при тифе верная смерть. Я напишу сейчас участковому врачу все, что нужно делать. Запомните! Необходима строжайшая диета, все протертое, пока не минует кризис. Тиф протекает на фоне воспаления легких, все это очень опасно. Воспаление легких на исходе. Каждый день больному нужно ставить банки.

Врач оделся, мать попыталась отблагодарить его, но он категорически отказался, сел в повозку и попросил конюха ехать.

Отец начал постепенно выздоравливать. Однажды вечером в гости к нему зашел директор.

— Обещают через неделю вагон для эвакуации сотрудников техникума, — сказал он.

— Иван Петрович, — с тревогой в голосе сказала Нина Николаевна, — большое спасибо вам за заботу, но ведь и мне и вам ясно, что в таком состоянии ехать ему нельзя. Да и кто разрешит взять в вагон больного тифом?

Но в назначенный срок вагон за сотрудниками техникума так и не прибыл. Срок его прибытия несколько раз переносился. Фронт был уже совсем

рядом. Эвакуироваться удалось только одному директору. Каким-то чудом он пристроил жену и детей на проходящий состав. Сам же, как рассказывали, чуть ли не на подножке уехал одним из последних составов, следующих через Золочев. Все преподаватели техникума эвакуироваться не смогли.

4. Оккупация.

Так семья оказалась в оккупации. Не известно, по какой причине, но боев в Золочеве не было. Наши отступали вечером, а утром на улице уже была слышна немецкая речь. Немцы не проявляли особой агрессивности, но уже на следующий день начали выселять жителей из домов, но их семью почему-то не тронули. Очень скоро появились два полица. Местные говорили, что один из них был сыном какого-то уголовника из соседнего хутора. Другой был из местных, мать его хорошо знала, потому что он заканчивал школу, в которой она преподавала.

Прошло несколько дней. В окно кто-то постучал. На пороге стоял молодой парень в форме полица.

— Николай, это ты?

— Да, я! — вызывающе ответил полицай.

— Николай, зачем ты одел эту форму? — строго спросила мать.

— Нина Николаевна, вы не знаете, что моего отца сослали в Сибирь ни за что. Как же я после этого должен относиться к советской власти? Мать молчала.

— Вам повестка из комендатуры, — после непродолжительной заминки сказал полицай. И он передал повестку. В повестке отцу предписывалось явиться в комендатуру, было даже указано точное время.

С тяжелыми мыслями шел в комендатуру Федор Фёдорович. Комендатура была расположена в здании райкома партии, он не был членом партии, но по делам техникума ему приходилось там бывать, и он достаточно хорошо знал некоторых сотрудников аппарата. По натуре отец был доброжелательным и общительным человеком, и у него были дружелюбные отношения со многими людьми. Он предъявил повестку, и его провели прямо к коменданту.

В кабинете секретаря райкома партии сидели двое. Грузный мужчина лет сорока в форме немецкого офицера, а за столом рядом сидела хорошая знакомая отца. Это была Алевтина Васильевна, в райкоме партии она работала машинисткой. Никто не знал, почему, будучи очень привлекательной женщиной, она не была замужем и где-то перед самой войной уехала из Золочева. Поговаривали, что она, наконец, встретила своего суженого и вышла замуж. Все эти домыслы и слухи как-то смутно промелькнули в его голове. Увидев вошедшего, Алевтина Васильевна немного смутилась, и что-то по-немецки сказала коменданту. Тот улыбнулся. Она подняла глаза и тоже улыбнулась.

— Федор Фёдорович, ведь мы с вами знакомы! — Отец растерянно кивнул головой.

— Как видите, теперь я работаю в комендатуре, — и она как-то смущенно улыбнулась.

Комендант что-то сказал ей.

— Комендант интересуется, откуда у вас немецкая фамилия.

Отец ответил не сразу. Слишком неожиданной и непривычной была ситуация, в которую он попал.

— Видите ли, это вопрос, непростой. Я в раннем детстве потерял отца, и ни он, ни мать мне об этом никогда не рассказывали. Может быть, история этой фамилии восходит еще к петровским временам. Ведь вы, наверное, знаете, что в Москве существовала целая немецкая слобода, где жили немцы. Да и у самого Петра его ближайшим другом был немецкий посол Лефорт.

Переводчица перевела, и комендант улыбнулся, а затем сказала:

— Комендант приглашает вас на службу к немцам, если вы дадите согласие, то вам подыщут подходящую работу. Он знает, кто вы по специальности и кем работали раньше. Имея уже достаточный жизненный опыт и обсуждая дома причины вызова в комендатуру, мать и отец пришли к единодушному выводу, что именно по этому вопросу его и вызывают, поэтому ответ был готов заранее.

— Я был бы рад служить у вас, но пока сделать этого не могу. Я совсем недавно перенес брюшной тиф и воспаление легких одновременно и еще слишком плохо себя чувствую, но как только наладится мое здоровье, я приду к вам.

Комендант опять сказал что-то по-немецки и нахмурился.

— Мы об этом знаем. И, тем не менее, даете вы свое согласие или нет?

— Но вы не знаете еще одно обстоятельство, я болен еще и эпилепсией, — соврал отец, — поэтому я невоеннообязанный.

— Похоже, что вы отказываетесь служить великой Германии! — уже без улыбки переводила переводчица.

— Нет, ни в коем случае, но прежде мне нужно поправиться. Когда это случится я сам приду к вам.

Лицо коменданта немного посветлело, и переводчица перевела.

— Комендант желает вам скорейшего выздоровления, и как только вы поправитесь, будет рад с вами снова встретиться.

Когда Федор Фёдорович вышел из комендатуры, у него отлегло от сердца. Он знал, что самый верным способ провалить любое дело это проволочки. Так или иначе, но первое сражение он выиграл, неопределенность же по-прежнему тяготила, совершенно не было ясно, что делать и как поступать дальше.

Но время ждать не заставило. Была темная дождливая осенняя ночь. Семья уже давно спала, как вдруг Федору Фёдоровичу послышался стук в окно. Он прислушался, легкий стук повторился. Отец встал и подошел к окну. Через мокрое стекло он увидел силуэт мужчины. Он был в длинном плаще, ка-

пюшон почти полностью закрывал его голову и лицо. В душе Федора Фёдоровича шевельнулась тревога. Человек постучал в окно в третий раз, и, увидев, что шторка на окне отодвинулась, незнакомец рукой дал знак, означавший просьбу впустить его. Отец подошел к двери.

— Кто вы будете и чего пришли? — спросил он сквозь дверь.

— Федор Фёдорович, я к вам по делу у меня есть к вам поручение.

— Я не знаю вас, и впустить не могу.

— Не бойтесь я ваш друг, — и отцу его голос показался очень знакомым, — я ведь хорошо знаю, как звали вашу мать и вашего отца.

Такого ответа Федор Фёдорович не ожидал. Он неуверенно повернул ручку замка. Пришелец был весь мокрый. Капюшон по-прежнему практически полностью закрывал его лицо, но голос казался отцу знакомым.

— Извините, пожалуйста, за ночной визит, и вы, конечно, вправе меня опасаться. Время сейчас тяжелое и опасное, но чтобы вы не думали, что я провокатор, вот несколько эпизодов из вашей жизни. Когда вы учились в институте физику, у вас преподавал профессор Шкляревский, правда?

— Правда.

— Я мог бы продолжать и дальше, но у нас не так много времени, хочу сказать вам о целях моего визита. Я к вам с особым заданием. Мы всегда знали, что вы честный и порядочный человек, а эти качества и любовь к Родине всегда ходят рядом. Вы согласны?

— Конечно.

— Мы уверены, что, невзирая на вашу не совсем русскую фамилию, вы тоже являетесь патриотом нашей Родины. Правильно я говорю?

— Конечно.

— Так вот наша задача заключается в том, чтобы разгромить фашистов. И я сейчас задам вам вопрос прямо. Согласны ли вы принять участие в этой борьбе? Как вы понимаете, это очень рискованное дело.

Отец задумался, а затем твердо сказал.

— Согласен.

— Главной нашей задачей сейчас является срыв поставок хлеба в Германию. Мы уже знаем, что вас вызывали в комендатуру, и что вы пока отказались. Вы должны явиться в комендатуру и постараться устроиться уполномоченным по хлебозаготовкам. Как действовать в дальнейшем вам придется решать самому. Все ясно?

— Да.

Пришелец встал и попрощался. На следующий день Федор Фёдорович обо всем рассказал Нине Николаевне. По сути дела предстояла подпольная работа, а опыта такой работы не было, а чем это грозило, было и так ясно. Но Федор Фёдорович был человек слова, через неделю он пошел в комендатуру.

— Мы довольны вашим решением, — сказал уже знакомый ему офицер, — сейчас при управе формируется группа участковых агрономов по организации поставок хлеба в Германию. Район разбит на участки, вы можете выбрать, какой вам нравится, — и офицер протянул ему руку. Никогда еще до

сих пор Федору Фёдоровичу не приходилось обмениваться рукопожатием с врагом, и это рукопожатие, хоть и не было в нем чего-то особенного, запомнилось ему на всю жизнь, и означало оно очень простую истину – Кто, кого! На мгновение ему показалось, что сама смерть протянула ему руку, и он ответил ей тем же. Не знал немецкий офицер, не мог даже и предполагать, что все еще впереди, и что миллионы его соотечественников, порой даже невинных, как может быть и он сам, попадут на просторах России в объятия таких рукопожатий, и будут пожимать руки всем им еще не один раз, и что именно эти рукопожатия и сломают хребет непобедимой армии со свастиками на рукавах.

Федор Фёдорович выбрал участок поближе к дому. В него входило четыре бывших колхоза, двух бывших председателей он знал хорошо, знал он и многих родителей своих учеников, которые работали в этих колхозах.

Хлеб почти кругом успели скосить и даже сложить в копны, но вот обмолотить не успели. Часть его так и стояла в копнах на поле. Инструкция, которую он получил в управе, заключалась в том, что сразу же должен быть проведен точный учет того, что осталось в поле, и составлен график обмолота с учетом имеющихся в распоряжении молотилок.

Федор Фёдорович знал, что у немцев существуют почти врожденные особенности характера, такие как точность, обязательность и прямолинейность. Привыкнув сами поступать так, они часто полагались на то, что и другие будут поступать так же. Например, даже воевать они пытались по часам, соблюдая перерывы на обед. По крайней мере, эти обстоятельства подлежали проверке. Однажды, когда на колхозный ток были свезены очередные снопы для обмолота, Федор Фёдорович отозвал в сторону механика, которого хорошо знал, так как его сын учился в техникуме.

— Немцы народ очень доверчивый и аккуратный. Если вы быстро обмолотите хлеб, то они сразу же увезут его в Германию, и у вас даже не будет времени для того, чтобы хоть как-то пополнить свои запасы. Тем более, ток вмещает только определенное количество снопов, поэтому от скорости обмолота зависит темп подвоза снопов с поля. Пока снопы в поле они учету поддаются плохо, и у людей есть возможность, хотя и под угрозой расстрела, забирать его оттуда. Все это говорит о том, что обмолот нужно вести медленными темпами.

Механик поколебался и спросил:

— Как это сделать?

— Очень просто. Не начиная молотить, разбирайте молотилку, а я объясню немцам, что у нас поломалась очень важная деталь. У вас же найдется какая-нибудь поломанная?

— Конечно, найдется!

— Когда разберете, отдадите эту деталь мне, пускай ищут замену.

На том и договорились. Когда немцы нашли деталь, и молотилка была отремонтирована, снег занес поля, и весь хлеб остался под снегом.

Когда в очередной раз Федор Фёдорович увидел знакомого механика, тот сказал:

— Ну и ну, но если бы узнали, так точно бы обоих расстреляли.

— Это как пить дать, — засмеялся отец и пошутил, — голь на выдумки хитра!

Оказывается, нужную деталь немцы достали в соседнем колхозе, где участковый агроном с усердием выполнял все их распоряжения. Говорили, что он однажды даже побил одного колхозника. Участок Федора Фёдоровича заготовил самое малое количество хлеба. Когда в управе его упрекнули в этом, он ответил:

— Участок, который выпал мне, имеет самые плохие почвы в районе, да к тому же вы сами виноваты, ведь, сколько молотилка простаивала по вашей вине, не моя же задача доставать запасные части.

Молчаливо, хотя и нехотя, комендант проглотил пилюлю.

Все упорнее начали ходить слухи, что немцы скоро начнут угонять в Германию молодежь на принудительные работы. Началась перепись, под которую попадали все учащиеся техникума. И тогда Федор Фёдорович пошел в управу, тут его уже хорошо знали.

— Вы, наверное, знаете, что до войны в Одноробовке функционировал сельскохозяйственный техникум, ведь село без специалистов, сами понимаете, обойтись не может. Если вы преследуете здесь долгосрочные цели, то следует возобновить работу техникума. Если вы сумеете это сделать, то ваше руководство будет вами очень довольно, ведь немцы умные и расчетливые люди.

Комендант молчал. Затем, подумав, сказал:

— Зайдите ко мне через пару дней, я проконсультируюсь по этому вопросу.

Через два дня Федор Фёдорович снова пришел в управу.

— К сожалению, мы этот вопрос сами решить не можем. Для этого требуется разрешение областной управы, но нам сейчас не до этого.

— Дайте мне соответствующее письмо в областную управу и полномочия вести там переговоры, и я постараюсь решить этот вопрос.

Офицер недоверчиво посмотрел на отца.

— А сумеете?

— Постараюсь.

На следующий день рано утром Федор Фёдорович уже шел в Харьков. Ему предстояло пройти более сорока километров. На пути его дважды останавливали патрули, но, посмотрев выданные ему документы, тут же отпускали. К вечеру он был уже на месте. Знакомые улицы было трудно узнать, следы бомбежек, остовы обгоревших зданий. Такого он еще никогда не видел.

— За что, почему? — роились мысли в его голове, а сердце ныло и щемило. Хозяйка, у которой они когда-то снимали квартиру, встретила его с радостью.

— Живой, откуда?

Отец рассказал, зачем и почему пришел в город.

— Надо спасать ребят любой ценой, это основная сейчас задача.

Хозяйка рассказала ему о зверствах фашистов, о массовых расстрелах и очень уговаривала его не ходить в областную управу.

Нужно отдать должное, но немцы решали все вопросы без всякой волокиты. Каждый действовал в пределах своих полномочий, и через три дня в кармане у Федора Петровича лежало предписание в местную управу об организации техникума.

На следующий день утром, когда он уже собирался уходить, вбежала взволнованная хозяйка и заперла за собой дверь.

— Федор Фёдорович, на улице облава, хватают всех без разбору!

— А что случилось?

— Говорят, партизаны взорвали то ли управу, то ли комендатуру. Не ходите на улицу. Схватят, могут расстрелять без суда. Они все могут.

Отец решил переждать день, но когда он вышел на следующий день утром на улицу, то увидел ужасающую картину. На балконах вторых этажей висели повешенные. Уже много позже он узнал, что действительно при помощи радиоуправляемого фугаса, который заложили наши войска при отступлении в административное здание комендатуры, был произведен взрыв, от которого погибли очень большие немецкие чины. Он понимал, что находиться в городе при такой ситуации рискованно, потому что знал, что облавы, и обыск будут продолжаться, и не дай бог даже с документами попасть под горячую руку. Несмотря на все уговоры хозяйки, он все-таки решил уходить. Он хорошо знал город и на следующий день рано утром попрощался с хозяйкой. До окраины города он добрался без приключений, и нужно было пройти всего лишь небольшой железнодорожный мост через небольшую речушку. Перед мостом стоял патруль. По свастике на рукаве Федор Фёдорович сразу понял, что это эсэсовцы. Отступать было некуда, он уверенно подошел к патрулю и подал документы. Эсэсовец их внимательно прочел и начал что-то громко ему объяснять сильно жестикулируя. Хоть Федор Фёдорович и не очень хорошо знал немецкий язык, он понял, что у офицера есть предписание никого из города не выпускать. Сделав вид, что всё понял, и коротко ответив по-немецки «понял», он взял у офицера документы и смело пошел на мост. Офицер ему вслед что-то крикнул, но он, не оборачиваясь, продолжал идти. Федор Фёдорович почувствовал, что земля уходит из-под ног и что вот-вот он получит пулю в спину. Очнулся он уже за несколько километров от моста. Ноги делали свое дело и шли все дальше и дальше от только что витавшей над ним смерти.

В тот же день он пришел в Золочев. Радости и преподавателей, и студентов не было предела. В предписании значилось, что все студенты техникума освобождаются от отправки на работу в Германию. Директором техникума назначался Федор Фёдорович.

5. И снова оккупация.

Вскоре началось наступление наших войск. Пришло долгожданное освобождение. И опять сильных боев на территории Золочева не было. Немцы срочно начали собираться. Ходили слухи, что их войска где-то попали в окружение. Они исчезли вечером так же неожиданно как в свое время и пришли, а на утро походные порядки наших войск уже шли через село.

После освобождения на местах очень быстро устанавливалась советская власть. Отец много рассказывал сыну о том трудном времени, и он очень гордился отцом за его бесстрашие и героизм в те годы, хотя в жизни какой-то особой оперативностью, особенно когда вопрос касался его личных интересов, никогда не отличался. Фёдору почему-то всегда казалось, что излишняя интеллигентность отца просто не дает ему возможность поступать так, как поступают все. И в этом смысле он казался ему просто белой вороной в том обществе, в котором жил.

Через несколько дней после прихода наших войск, отца вызвали райисполком. В кабинете председателя сидел военный.

— Здравствуйте, Федор Фёдорович, — приветливо сказал он, — не буду вам долго объяснять, время дорого. Вот вам мандат, вы назначаетесь уполномоченным Исполнительного комитета Золочевского района по хлебозаготовкам. Приступайте к выполнению обязанностей. Подберите себе помощников, мандаты мы им выдадим.

Федор Фёдорович сразу поехал на свой участок, его там встретили с радостью. Механик, который так хорошо ремонтировал молотилку, сказал:

— Помните того агронома, у которого немцы достали деталь для нашей молотилки?

— Конечно, помню!

— Вчера его наши расстреляли.

— Думаю, что заслужил!

Люди трудились день и ночь. Лозунг «Все для фронта!» приобретал в их действиях материальное воплощение.

И снова сводки информбюро были неутешительными, начиналось летнее наступление фашистских войск. Скоро стало ясно, что Золочев опять будет сдан. Федора Фёдоровича вызвали в райисполком. Было ясно, что оставаться в Золочеве ему нельзя, но и семью эвакуировать тоже нет никакой возможности.

— Мы советуем отступить с нашими войсками, хотя, конечно, понимаем, что грозит вашей семье, если вернется прежняя администрация. Но вы то уж точно будете расстреляны. Документы в случае положительного решения получите в соседней комнате.

Выбора не было. Судьба распорядилась так, что матери с детьми суждено было остаться. Мать собрала вещмешок. Отец крепко обнял всех и поцеловал, он смотрел так, как будто видит всех последний раз. В окно постучали. Уходил он не один

И снова потянулись безрадостные дни оккупации. Средств к существованию не было никаких. Спасало только то, что была своя корова, звали ее Зойка, и она была почти членом семьи. Благо, что пастбищ хватало, поля заросли травой, немцам было не до урожая. Снова появились полицаи.

Медленно тянулось время. Безработные дни и ночи сменяли друг друга. Был ясный солнечный день, вся семья сидела на лавочке около дома. Подошел полицай и спросил:

— Вы гражданка Менде?

Мать кивнула.

— Вас вызывают в комендатуру. Завтра к 8-00 вы должны туда явиться.

У матери екнуло сердце: «Это за мужа». Полицай ушёл и вдруг она услышала уже знакомый звук «везу – везу». Улица просматривалась очень далеко и мать увидела, что где-то в ее начале на небольшой высоте идет немецкий самолет. Мать в отчаянии схватила сына на руки и все они кинулись через дорогу в соседский погреб. Совершенно ясно, что в такой ситуации нечего было бежать в погреб, потому что самолет был практически рядом, гораздо правильнее было спрятаться в своем же дворе. Но паника есть паника. Бомба взорвалась прямо перед бегущими. О том, что было дальше, мы уже знаем.

Трудно сказать, что было лучше попасть под бомбежку или идти в комендатуру. Так хоть ранило, а то могли и расстрелять.

Медикаментов и бинтов не было. На перевязочный материал мать рвала белье. Семья жила в сарае. В доме жили немецкие солдаты. Рана у сына на затылке была небольшая, но на ощупь мать определила, что остался осколок. Раны сестры и матери были серьезные, они начали гноиться и там начали заводиться черви. Немецкие солдаты были самые обыкновенные люди, они ни коим образом не относились враждебно к семье, живущей в сарае. Мать рассказывала, что иногда они даже угощали детей, а порой давали что-нибудь поесть.

Ранение матери было тяжелым, но не критичным. Осколок скользящим ударом разворотил левый висок, но кость задета не была. Хуже дело обстояло у сестры. Осколок навывлет прошел через щиколотку. При непринятии мер это грозило гангреной. И тогда мать обратилась к одному из немецких солдат. На следующий день он принес какой-то белый порошок и сказал, что его нужно засыпать в раны. Трудно сказать, что это было, по-видимому, стрептоцид. Раны после этих процедур начали очень быстро заживать, черви исчезли. У матери отлегло от сердца.

Линия фронта была уже где-то совсем рядом, все отчетливее была слышна канонада. Где-то совсем рядом шли ожесточенные бои. Это было видно и по настроению немцев, по всему было видно, что они готовятся к отступлению. Несколько дней подряд на севере стояло зарево, и практически не утихала канонада. По всему было видно, что где-то там, совсем недалеко идут ожесточенные бои. Все ждали, что вот-вот, вот-вот! Но немцы не уходили. Только потом стало известно, что то шли бои на Курской дуге. Но да-

же после Курской дуги еще длительное время немцы оказывали упорное сопротивление, и наши войска продвигались вперед очень медленно.

И опять немцы ушли также внезапно как и пришли. Все проснулись от страшного грохота. Мать выскочила на улицу:

— Детки, наши, наши пришли! Наши, наши, наши!!!

Фёдор выбежал на улицу и то, что он увидел там, он тоже запомнил на всю жизнь. С ревом и грохотом по улице непрерывным потоком шли танки. Танкисты по пояс высунувшись из люков махали руками. Люди плакали и обнимались. Но Фёдору плакать не хотелось. Он махал руками и тоже кричал: «Наши, наши!!!». Мать взяла на руки сестру и вынесла ее на улицу: «Девочка моя, родненька, смотри наши!»

6. Победа.

Войска отступали, с ними уходил и Федор Фёдорович. Судьба забросила его в районный центр Двуречную. Очень скоро его вызвали в райком партии. В кабинете сидел крепкий мужчина в военной форме, он представился:

— Мажицкий, — и продолжил, — Федор Фёдорович, мы вас вызвали по очень важному вопросу, стране нужен хлеб. Вы назначаетесь уполномоченным представителем районного комитета партии по хлебозаготовкам в районе. Мы вам порекомендуем помощников из местного населения. Завтра же приступайте к работе. По всем возникающим вопросам можете обращаться ко мне лично. Хлеб стране нужен не меньше, чем танки.

Федор Фёдорович был обязательным человеком и с неиссякаемой добросовестностью принялся выполнять поставленную задачу. Мешало то, что он не знал людей, не знал район, его особенностей и специфику. Но труд делал свое дело. Через месяц его опять вызвал Мажицкий.

— Мы довольны вашей работой. Решением Исполнительного комитета вы назначаетесь исполняющим обязанности главного землеустроителя района. Познакомьтесь — это Иван Васильевич Бабыка, начальник районного сельскохозяйственного отдела. Слева от секретаря на стуле сидел крепкий мужчина лет сорока. Он приветливо улыбнулся и протянул руку.

— Мне о вас говорили только хорошее, надеюсь, сработаемся.

— Я тоже надеюсь.

Все с нетерпением ждали сообщений Совинформбюро. И, пожалуй, с особым нетерпением ждал их отец Фёдора. Где находится его семья, он прекрасно знал, всего лишь каких-то 150 километров разделяли его с ней. Но он не знал, живы ли его близкие. Грянула Курская битва и он прекрасно понимал, что в случае победы очень скоро Золочев будет освобожден от захватчиков. Да, был труден путь войск после Курской дуги и длился он не один день.

Однажды, вечером, он услышал голос Левитана. Сообщалось, что в тяжелых кровопролитных боях Красная Армия освободила от немецких захватчиков ряд населенных пунктов, в том числе и Золочев. Наутро Федор Фёдорович пошел в райком партии

— Александр Михайлович, — обратился он к Мажицкому, — вы, наверное, знаете, что моя семья находится на оккупированной территории.

— Знаю, — ответил секретарь.

— У меня к вам большая просьба, помочь мне забрать родных.

— Но ведь Золочев оккупирован.

— Нет, вчера было сообщение о его освобождении.

— Это вопрос непростой. Дело в том, что если Золочев и освобожден, то он находится в прифронтовой зоне, а чтобы попасть в прифронтовую зону, нужен особый пропуск. Я такими полномочиями не обладаю.

— Что же делать? Неужели нет выхода. Ведь кто знает, опять начнется наступление немцев?

— Война есть война, все может быть.

— Александр Михайлович, я вас очень прошу, ведь партия большая сила.

— Федор Фёдорович, я еще вам совершенно откровенно говорю, что это не в моих силах. Эти вопросы решаются в соответствующих, неподвластных мне органах.

— С тяжелыми мыслями ушел он из райкома. Он и сам прекрасно понимал, что получить пропуск в прифронтовую зону, да еще штатскому человеку, задача не решаемая. Работа, работа, работа — это хоть как-то отгоняло тяжелые мысли.

— Так прошли две недели.

— Вас просил зайти Иван Васильевич, — сказала секретарша, когда Федор Фёдорович пришел на работу.

— Только что звонили из особого отдела и просили туда явиться, — не без тревоги в голосе сказал Бабыка, когда Федор Петрович зашел к нему в кабинет. Всем хорошо было известно, что вызов в этот отдел ничего хорошего не предвещал.

— Ну, что ж, чему быть, тому не миновать, — с несколько притворным спокойствием ответил Федор Фёдорович

— Когда я должен явиться?

— Сказали, как только появишься.

— Знаешь, где находится особый отдел?

— Не знаю.

— Иди в милицию, там скажут.

Разные мысли кружились в голове. Ведь был в оккупации. Времена неспокойные. А вдруг донос, ведь, сколько людей из той же Двуречной забрали.

Зайдя в милицию, он представился дежурному.

— Подождите, я доложу, присаживайтесь. С тяжелым сердцем сел на стул Федор Фёдорович и подумал.

— Может, отсюда уже и не выйду?

Дежурный был недолго.

— Пойдемте со мной.

Он провел через двор в соседнее здание. За столом сидел подтянутый военный. Уже длительное время, работая в районе, Федор Фёдорович знал и начальника милиции и других ее работников, но этого он видел в первый раз. Сидящий за столом человек не представился.

— Федор Фёдорович, вы хотели забрать свою семью из Золочева?

— Да, очень хочу!

— Мы решили выдать вам пропуск в прифронтовую зону. Радости он скрыть не мог. Сам, того не понимая, бросился целовать военного, по щекам катились слезы.

— Спасибо, громадное спасибо!

— Вы себе представляете, что такое прифронтовая зона? — спросил военный.

— Нет.

— В прифронтовой зоне действуют отряды по борьбе с диверсантами и дезертирами. Эти органы наделены чрезвычайными полномочиями, а поэтому, как говорится, могут действовать без суда и следствия.

— Что это значит?

— Это значит, что могут расстрелять по ошибке.

— Чему быть, тому не миновать!

— Подумайте, но я вас предупредил. — Он достал из планшета карту и показал, где примерно находится линия фронта.

Рано утром, собрав вещевой мешок и положив туда все, что было съестного, он вышел из Двуречной. Как опытному геодезисту, ему не представляло труда проложить правильный маршрут своего движения. Не знал он, однако, что проложенный им маршрут пройдет через населенный пункт, с которым в будущем будет связана значительная часть жизни его семьи. Где найдет свою любовь его Фёдор, куда будут приезжать из далекой Канады его внуки и правнуки. А сейчас он отсчитывал шаги и шел вперед и вперед в полную неизвестность.

По его расчетам нужно было преодолеть около 150 километров по проселочным дорогам. Было тепло, и дороги уже высохли, так что идти было легко. Когда солнце начало склоняться к вечеру, позади было уже почти 50 километров, ноги с непривычки гудели, и он понял, что пора остановиться на ночлег. Заночевал он в копне соломы, ночь промелькнула как один миг. Проснулся он чуть начало светать, было холодно, ноги болели. Перекусив, он пошел дальше. Шел он практически параллельно линии фронта, но чем дальше он шел, тем отчетливее вырисовывались контуры жестоких боев: разбитые машины и орудия, подбитые танки, километры противотанковых

рвов, окопы, воронки от снарядов. После Курской дуги это было место ожесточенных боев.

Из лесополосы его окликнули, он оглянулся и увидел троих приближающихся к нему военных. На них была практически новая форма НКВД, и это ему сразу бросилось в глаза. Офицер и два автоматчика подошли к нему.

— Предъявите документы? - строго обратился к нему старший.

Федор Фёдорович спокойно достал пропуск и подал ему, тот внимательно прочел его.

— Удостоверение личности, пожалуйста, — уже более мягким тоном попросил офицер.

— Мы должны вас временно задержать, такая у нас служба, — совсем вежливо сказал военный. Федор Фёдорович пожал плечами. Его отвели в полуразрушенную землянку, там сидело еще несколько человек. Он попытался завязать разговор, но разговаривать с ним никто не хотел. Прислонившись в углу на лавке он задремал. Его разбудил резкий окрик:

— Гражданин Менде, вставайте!

— Следуйте за мной, — строго сказал офицер.

Они вышли из землянки и направились к дороге, там стояла полупанельная машина, и два автоматчика что-то в сердцах объясняли водителю. Кроме водителя в кабине сидел еще какой-то военный. По всему было видно, что они ругаются.

— Что за базар? — подойдя, строго спросил сопровождающий.

— Не хочет ехать, — ответил ему один из автоматчиков.

— Вы знаете постановление ГКО об образовании отрядов специального назначения, — спросил офицер у сидящего в кабине военного и достал из планшета какую-то бумагу.

— Вот предписание, по которому мы имеем право, задержать любой транспорт для решения специальных задач. Он подал документ военному. Тот долго читал.

— Но, что я скажу своему начальству, по поводу задержки машины.

— Мы дадим вам соответствующую справку.

Сидящий в машине выматерился.

— Раз лазутчик расстреляли бы его на месте, а то вези его еще черти куда.

— Это наши вопросы, — спокойно ответил офицер.

— Садитесь, — со злостью сказал военный.

Автоматчик автоматом указал Федору Фёдоровичу на кузов.

Машина тронулась, и опять надвинулись тягостные мысли. Куда и зачем его везут, он не знал, но чувствовалось недоброе. Помолчав некоторое время, он обратился к сопровождающему.

— Объясните все-таки, в чем дело, ведь документы у меня в полном порядке.

— Федор Фёдорович, — неожиданно вежливо ответил офицер, и в его голосе чувствовалось не то извинение, не то укор в чей-то адрес, — в наши задачи входит борьба с диверсантами, лазутчиками и дезертирами. Докумен-

ты у вас в полном порядке, но беда заключается в том, что у нас нет своего транспорта, а мне сегодня нужно быть на опорном пункте в селе Липцы, туда около 20 километров, вот я и решил воспользоваться специальными полномочиями, чтобы не идти туда пешком. Приедем, я вас отпущу, да и для вас лишних 20 километров урежем.

— Ну, слава богу, а я думал кранты!

Дорога была разбита, кое-где попадались колдобины, заполненные водой, но полуторка бесстрашно ныряла в них и с честью выходила победительницей. Не прошло и часа, как впереди показались дома.

— Приехали! — весело сказал попутчик, — от Липец вам следует двигаться через лес в сторону Белгородской трассы.

— Я знаю, ведь я геодезист.

— Удивительно, ведь у меня отец тоже землемер, — ответил военный.

Дорога из Липец шла через лес. Не успел он пройти и 5 километров, как его опять остановили. Но обращение было куда более грубым.

— Много тут таких шляется! — кричал главный.

— Отконвоируйте задержанного в Липцы, там разберутся.

На опорном пункте никого не было. Пришлось ждать.

— Федор Фёдорович, вы откуда? — вдруг услышал он знакомый голос. Перед ним стоял тот офицер, который вез его на полуторке.

— Да вот опять поймали.

— Ну и ну! громко рассмеялся офицер. — Ну и везёт же вам сегодня. Мы вам в пропуске поставим отметку, и вас уже дальше никто трогать не будет, — успокоил он.

На третий день пути Федор Фёдорович уже подходил к родному дому. Чувство страха и надежды боролись в его душе.

— Фёдор! Живы! — неистовым голосом закричал он. Около калитки стоял сын.

— Папочка, родненький! Папочка пришел! — кричал Фёдор. Выбежала Нина Николаевна. Отец бросился к ней. Громадный свежий шрам на левом виске, вся седая. Он крепко обнял ее.

— Где Ирина?

— Потом все расскажу!

— Жива?

— Да.

Вошли в дом. Ирина лежала на кровати и радостно улыбалась:

— Папочка, папочка! Как мы тебя ждали!

Она привстала с постели.

— Что с тобой, деточка?

— Ранили.

Времени у Федора Фёдоровича не было, нужно было собираться в обратный путь. И речи не было о том, чтобы достать какой-либо транспорт, да к тому же и Ирина еще ходить не могла. И здесь ему пригодились те мастеровые навыки, которые были еще с детства. За три дня он смастерил двухко-

лесную повозку. Колеса взял от разбитой телеги. Благо в подручных материалах нехватки не было. На четвертый день рано утром, сложив пожитки на повозку и усадив в нее детей, двинулись в путь. Повозка была тяжелая, и уже через несколько километров Федор Фёдорович почувствовал, что ему одному предстоящий путь не одолеть. Опять выручила Зайка. Вместе с коровой тянуть повозку было совсем легко.

На обратном пути их уже никто не останавливал, через несколько дней они добрались до Двуречной.

Жизнь начинала потихоньку налаживаться. Квартиру им дали около ветеринарной лечебницы. Это был большой трехквартирный дом еще дореволюционной постройки. В доме жил заведующий ветлечебницей с семьей и еще какой-то специалист.

Сводки с фронта были все радостнее. Войска продвигались вперед и вперед. Фёдор, конечно, тогда еще не понимал, что к чему, но однажды к ним вбежала соседка и закричала:

— Победа! Победа!

Мать начала смеяться и плакать, и он понял, что произошло что-то такое, чего люди с нетерпением и надеждой так ждали все это время.

Через год Фёдор пошел в школу, Ирина ходила уже в 4-й класс. Однажды отец пришел после работы в хорошем настроении.

— Представляешь, — сказал он матери, — меня сегодня вызвали в райисполком, и в торжественной обстановке наградили медалью.

— Какой медалью? — с удивлением спросила Нина Николаевна.

— «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне».

7. Школа.

Учился Фёдор плохо, не был даже хорошистом, но побаловаться любил.

— Когда я вижу твою учительницу, то стараюсь ее обойти десятой дорогой, — как-то сказала ему мать, — как ее не встречу, она всегда жалуется, что ты плохо себя ведешь. Когда это закончиться? Еще пожалуется – выдеру.

Фёдор знал, что мать шутить не любит.

В табеле за четвертый класс у него были все четверки, в том числе и за поведение. Но четверку по поведению в то время ставили только отъявленным хулиганам. С тяжелым сердцем Фёдор шел домой, табель тяжелым грузом лежал в сумке. Войдя в дом, он увидел, что в гостях у них начальник отца Иван Васильевич. Это был веселый и обходительный человек, чистокровный хохол и говорил он всегда по-украински.

— Выдали табель? — спросила мать.

— Да.

— Ну-ка покажи.

Фёдор долго искал табель в сумке, наконец, подал матери. Она посмотрела, а потом недоумевающе заморгала глазами.

— И поведение четыре? — угрожающе спросила она.

Он молчал.

— Не нужен мне ни такой табель, ни такой сын, — грозно сказала она. Бросила табель на пол и наступила на него ногой.

— Що там таке, Ніна Миколаївна? — невозмутимо спросил Иван Васильевич.

— Подумайте только, мало того, что ни одной пятерки, так еще и поведение четыре.

— А ну, Хведю, дай подивлюсь.

Фёдор поднял табель и подал Ивану Васильевичу.

— Та нічого страшного тут нема, що ж то за хлопець якщо де чого і не нашкодить, то вже зовсім дівчина. А оцінки в тебе гарні. П'ятірок в тебе нема, але ж і трійок теж. Отак завжди і держись у середняках, і не відставай дуже, і уперед не пнишь.

— Спасу нет, я его учителей уже встречать боюсь, всегда жалуются на поведение, — пожаловалась мать.

— Ніна Миколаївна не журіться, запам'ятайте моє слово, ще й який хлопець з нього виросте, пальці в рот не клади.

Мать доброжелательно заулыбалась.

— Да, я и сама считаю, что парень должен быть парнем, но не хулиганом же!

— Та ніякий він не хуліган, а за себе в житі, чого доброго, постояти зуміє.

Нельзя сказать, чтобы Фёдор был драчуном или кого-то обижал, но всегда умел дать сдачи, если его трогали. Слова Ивана Васильевича запомнились ему на всю жизнь. «Нужно уметь постоять за себя». Но не только этот очень важный принцип помогал ему в жизни, очень скоро он начал понимать, что для того, чтобы постоять за себя, нужно быть сильным, и не только физически.

8. Работа, работа, работа.

У Федора Фёдоровича всегда на первом плане была работа. Каждый год как главный землеустроитель района он должен был сдавать годовой отчет о состоянии землепользования всего района. Эта работа начиналась обычно в начале декабря, и отец в это время практически дома не ночевал, уходил рано утром, а возвращался уже за полночь. Он просто не умел делать что-либо неаккуратно. И хотя часто отчет он сдавал с опозданием, но его отчеты всегда приводились в пример всей области.

Но большой труд обычно порождает и новые идеи. Фёдор начал замечать, что мать с отцом часто обсуждают какие-то производственные вопросы. Это было и не удивительно, потому что мать тоже была специалистом в области землеустройства и геодезии. Однажды он спросил у матери об этом. Она подумала и сказала:

— Твой отец очень умный человек, ты видишь, сколько он работает, а большой труд никогда не проходит даром. Ему в голову пришла очень интересная мысль, но в двух словах это не расскажешь. Ты как-нибудь попроси его, он хороший рассказчик, и я думаю, он сумеет тебе объяснить, чем так усиленно последнее время занимается.

Фёдор с нетерпением ждал отца в тот день.

— Папа, мама мне сказала, что у тебя есть какие-то интересные идеи, и что ты мне о них расскажешь, — обратился он к отцу, когда тот пришел с работы.

— Я и сам тебе хотел это рассказать, но вот все думал, поймешь ли ты, но думаю, что да, ведь ты уже в шестом классе.

В семье существовало очень простое правило. Все всегда друг другу рассказывали обо всем, и в семье вообще, как ему казалось, не было никаких секретов.

В то время был расцвет культа личности Сталина, но дома об этом говорили напрямую, объясняя Фёдору, что это деспотизм и беззаконие и все, что из этого проистекает. Правда, говорили ему и о том, что если то, о чем говорят дома, он будет рассказывать своим друзьям, то и отец и мать окажутся в тюрьме. И уже с тех пор он привык держать язык за зубами.

Отец объяснил ему, что те вопросы, которыми он занимается вот уже несколько лет, касаются чисто производства и никаких предостережений по поводу их секретности не высказал. Он умел очень хорошо и доходчиво объяснять даже не очень понятные вещи, и Фёдор с интересом его слушал. Он подробно рассказал ему, что такое геодезия, землеустройство, севооборот, какие геодезические инструменты при этом используются и как они устроены. Рассказывал он это ему несколько дней, но Фёдор не уставал его слушать и все больше понимал, насколько это интересно.

Основные новшества, которые отец предлагал ввести в землеустройство, касались организации севооборота колхозов с сильно растянутым землепользованием. Самыми трудоемкими в севообороте всегда были пропашные культуры, особенно сахарная свекла, потому что на ее прополку требовалось очень много времени. В то время ни техники, ни гербицидов для обработки таких культур не было, и все решала обычная сапка да руки тех, кто ее держал. Но до обрабатываемого участка нужно было еще дойти, а это время. И вот, когда участки с пропашными культурами оказывались на большом расстоянии от села, это было бедствием для тех, кто их обрабатывал. Колхозы с планами урожайности не справлялись, председателей колхозов снимали с работы. Нельзя сказать, что не было расчета трудоемкости затрат для таких случаев, но во всех существующих методиках использовались так называемые средние расстояния.

— Представь себе, — говорил отец, — что землепользование растянуто на 15 – 20 километров, а таких колхозов у нас хоть отбавляй, ведь все села обычно располагаются возле реки, а земля нарезана полосами поперек и ухо-

дит вглубь на большие расстояния. В один год пропашные около села рядом, а в другой на расстоянии 20 километров. Какое будет среднее расстояние?

— Очевидно 10 километров.

— Правильно. Но на расстоянии 10 километров еще можно участок обработать, хотя на то, чтобы дойти до участка, нужно потратить половину рабочего дня. Но вот на расстоянии 20 километров уже невозможно, потому что все рабочее время уйдет на ходьбу.

— Ну, это понятно.

— А вот тем, кто выпускает такие инструкции, а это рекомендации Института по сельскому хозяйству, нет. Но мы обязаны этим инструкциями пользоваться.

— Так что, головотяпы там сидят?

— Нет, не головотяпы, но люди обычно не знающие реалий сельской жизни, ведь на селе практически все держат коров, а доить корову и среди дня нужно, так что с поля и к обеду многим приходиться приходиться. Но это еще не все, оказывается, что непроизводительные затраты времени растут не по арифметической, а по геометрической прогрессии при таком подходе, но об этом наши ученые мужи даже не догадываются.

— Как это? — не понял Фёдор.

— Да очень просто. Тебе понятно, что если все рабочее время тратить только на ходьбу, то обрабатывать участок невозможно.

— Ясно.

— Так вот, каждый лишний километр больший, чем среднее расстояние, которое принимается при расчетах, тяжелым бременем ложится на плечи работающих. Отсюда и геометрическая прогрессия, потому что когда все время тратить только на ходьбу, то время необходимое для обработки, стремится к бесконечности.

— Так что, такие простые вещи не понимают ученые, — удивился Фёдор.

— К сожалению, не понимают. Над этим вопросом я и работаю несколько лет. Сейчас все эти результаты приведены в систему, разработаны методики, построены соответствующие графики. В ближайшее время я хочу доложить это в областном управлении сельского хозяйства.

— Мама мне говорила, что у тебя очень хорошие отношения с начальником областного управления землеустройства.

— Да, мы с Николаем Добротиним знакомы еще с института.

9. Калинка, малинка!

После войны жизнь была очень трудной, многие люди голодали. Непосильное бремя было взвалено на плечи крестьян. В колхозах техники практически не было, все приходилось делать вручную. Даже пахать часто приходилось, запрягая в плуги коров. Особенно трудным выдался 1947 год. На фоне общей разрухи еще и неурожай. Люди пухли от голода. Чтобы купить бу-

ханку хлеба, нужно было с ночи занимать очередь у магазина. Колхозникам же не платили вовсе, оплата за трудодни проводилась один, в лучшем случае, два раза в год, и когда на этот самый трудодень давали 100 граммов зерна, считалось уже хорошо. Пьянства совсем не было, и что это такое Фёдор начал узнавать уже значительно позже. Отец вовсе не пил, как говорится, и в рот не брал.

Как-то раз во двор зашел человек, у него вместо ноги была колодка.

— Позови мать, — обратился он к Фёдору на русском языке.

Для Фёдора это было как-то непривычно, потому что все вокруг говорили на украинском, школа тоже была украинская, и, несмотря на то, что дома говорили на русском, на улице он всегда общался на украинском языке.

— Не купите ли вы у меня мясо? — обратился он к матери, когда та вышла к нему.

— У нас сейчас нет денег, — сказала мать, и он ушел.

— Наверное, выпить нужно, — мимолетом сказала мать, как бы давая ответ, почему она даже не посмотрела, что он принес.

Потом Фёдор узнал, что звали этого человека Калиныч, и что он работал резником на бойне.

Ветлечебница, около которой жила семья, была расположена километрах в полуторах от центра Двуречной, и туда можно было попасть, только пройдя дамбу, на которой было два небольших моста. Протекала под этими мостами небольшая речушка, которая и дала название селу Двуречной. Летом это была совсем небольшая река, но во время весеннего паводка, она сильно разливалась, и собственно дамба и сдерживала весенние воды. Иногда дамбу прорывало, и тогда на некоторое время сообщение с центром, а там была и школа, прерывалось, что, конечно, с большим удовольствием воспринималось школьниками, живущими за дамбой.

Чтобы укрепить дамбу, и не дать в паводок воде ее прорвать, начиная с зимы, ее укрепляли. С местного карьера возили туда мел. Когда начинались дожди, все это превращалось в липкую белую кашу, которую очень трудно было отмыть с обуви.

И вот однажды, дело это было весной, дети отпросились у матери в кино. Кинотеатр был маленький и представлял собой тесное помещение, в котором стояли лавки, причем излюбленным местом для школьной детворы были места на полу перед передними лавками. Мест в билетах тоже не указывали, а садились там, где кто займет. Но ходить в кино любили все. Для Фёдора интересно было все, и если мать отпускала в кино – это был праздник. Чтобы занять места перед передними лавками, нужно было приходиться примерно за час до начала сеанса. Все же не успевшие занять места на полу и на лавках стояли прямо в проходах.

Ирина успела занять место на первой лавке, а он устроился на полу почти перед самым экраном. Вскоре кинозал был забит до отказа, начался сеанс. И тут вдруг Фёдор почувствовал, что ему стало тепло-тепло, как будто он сел в теплую воду. Но интерес был настолько сильный, что он сразу как-то и не

обратил на это внимания. Но не прошло и десяти минут, как он почувствовал, что замерзает.

— Что такое?

Ощупал штаны, они были мокрые. Понюхал руку и тут все понял. Когда вышли из кинозала, он пожаловался сестре.

— Скажу матери, что ты уписался, — пошутила она.

— Да если бы я, а то кто-то другой, а мне штаны стирать, — разозлился Фёдор.

Дорога домой лежала через грязную дамбу и настроение у него совсем испарилось.

— По темноте обязательно где-то в эту белую грязь влезем, — сказал он сестре.

— Все равно тебя отмывать, — опять пошутила она.

— Да если бы только отмывать, а то и штаны стирать придется.

Не успели они выйти на дамбу как услышали, что там, изо всей дурацкой мочи, кто-то поёт «Калинку». Подойдя ближе, дети с недоумением увидели, что посреди дамбы, в этой самой белой жидкой сметане, в полушубках лежат два мужика и во все горло поют эту самую «Калинку». И самое главное, как заметил Фёдор, что они вполне довольны и даже не пытаются встать. По тому, что у одного из них была не нога, а колодка, он понял, что это Калиныч.

— Что там за песни и хохот стоит на дамбе? - спросила у детей Нина Николаевна, когда они, изнемогая от смеха, пришли домой.

Когда они рассказали, что видели, она покачала головой и сказала:

— Да, широка же русская душа.

Не думал тогда Фёдор, что и ему самому в своё время придется испытать эту самую широту русской души, а пока пришлось мыть обувь и стирать штаны. Мать стирать штаны не захотела.

10. Та учися милий синку, та читай багато, бо зостанешся ти дурнем, а я твоім татом!

Мастеровые навыки отец прививал Фёдору с детства. Сам он был хорошим столяром, у него был отличный инструмент. В самом конце войны он решил заняться пчеловодством. Таких ульев как у Фёдора Фёдоровича не было ни у кого в Двуречной. Это были прекрасно выполненные, окрашенные в светло голубой цвет ульи. Выстроенные в ровные ряды они напоминали сказочный городок, но делал отец эти ульи не один год, помогал ему в этом столяр Семен Семенович, который жил по соседству. В те времена люди были гораздо более общительными, и за правило считалось ходить вечером друг к другу в гости. Этой сельской традиции семья приучена не была, но всегда приветливо встречала проходящих вечером, как говорилось, посидеть. Особенно часто приходил Семен Семенович, и Фёдор был всегда очень рад его приходу. Гость рассказывал всякие интересные истории из своей жизни и о том, что слышал от других.

Сельская жизнь очень отличается от городской, прежде всего тем, что в селе жить без подсобного хозяйства было просто невозможно. Тем более, в те первые послевоенные годы, когда за зарплату отца можно было купить разве что десяток кусков хозяйственного мыла. Сколько Фёдор помнил, семья жила бедно, несмотря на достаточно высокое служебное положение отца. Отец никогда не брал взяток и подаяний, хотя в то время отношение к земле было совсем иным и в стране в целом и у каждого человека в отдельности. Количество земли, которое мог получить в пользование колхозник или служащий было строго ограничено, а поскольку земля это была жизнь, каждый хотел получить хороший участок. Когда Федор Фёдорович нарезал себе участок, все удивлялись.

— Неужели главный землеустроитель района не мог найти себе участок лучше?

Но таков был отец. Участок, который он сам себе выделил, был частью старого заброшенного сада и чтобы его освоить прежде всего нужно было выкорчевать все деревья. Корчевали деревья почти год. Фёдор также запомнил, что однажды к отцу пришел какой-то мужик и пытался предложить ему деньги, как потом он узнал, тот хотел получить хороший приусадебный участок, на котором хотел строить дом. Отец просто его выгнал и пригрозил, что пожалуется в прокуратуру. В прокуратуру жаловаться, конечно, он не стал, но в Двуречной все знали, что к Федору Фёдоровичу с такими предложениями ходить нечего.

Где-то в шестом классе Фёдор увлекся радиолобительством. Брат его школьного приятеля был радиолобителем. Когда однажды, будучи у него в гостях, тот дал ему наушники и в них Фёдор услышал музыку, то очень удивился.

— Что это, — спросил он.

— Детекторный приемник.

— А что нужно, чтобы его сделать?

— Только антенну и сам приемник.

— А из чего он состоит?

— Катушка, детектор и наушники.

— Так просто?

— Да, очень просто.

В жизни каждого человека бывают случаи, которые переворачивают или, вернее, поворачивают ее в совсем другое русло. Именно этот случай и стал основополагающим отсчетом во всей жизни Фёдора.

Антенну он сделал быстро, но вот эмалированную проволоку для катушки достать было негде. В Двуречной был радиоузел, и однажды, идя со школы, он решил туда зайти. Дверь была заперта, он постучал. Щелкнул замок, и дверь отворилась. На пороге стоял молодой парень, он вопросительно смотрел на него. Фёдор смутился.

— Дяденька, у меня к вам большая просьба.

— Какая? — спросил парень.

— Я радиолобитель, хочу сделать детекторный приемник, но вот провода на катушку нет.

Парень улыбнулся.

— Ну, раз радиолобитель, заходи, я тоже радиолобитель.

Фёдор представления не имел, что такое радиоузел. То, что он увидел, его буквально ошеломило. В просторной комнате стояли приборные стойки на них горели лампочки, в такт со звуками подергивались стрелки на приборах. Парень заметил восторг в его глазах и спросил:

— Нравится?

— Очень!

— Хочешь, расскажу, как все это работает?

Глаза Фёдора загорелись. И парень не спеша начал указывать на блоки, расположенные на стойках и рассказывать, что они из себя представляют. Фёдор практически ничего не понял из его рассказа, но с восхищением смотрел то на парня, то на блоки.

— Это очень интересное дело! — закончил рассказ парень. — Какая проволока тебе нужна?

— Ну, хотя бы пол миллиметра толщиной.

— К сожалению, проволоки такой толщины у меня нет, но вот в три десятых могу дать. Сделаешь вариометр, и будет прекрасно работать. Фёдору неудобно было спросить, что такое вариометр, но он кивнул головой.

— Сколько тебе метров?

— Ну, хотя бы метра три.

— Нет, трёх будет мало, нужно, по крайней мере, метров десять.

Домой Фёдор летел на крыльях. Он вскоре нашел в книжках конструкцию вариометра, и через несколько дней детекторный приемник был готов. С дрожью в руках он подключил его к антенне и надел наушники. В наушниках послышалось легкое шипение и треск. Фёдор начал поворачивать ручку вариометра, и вдруг откуда-то издали он услышал музыку.

— Папа! — закричал он. — Приемник принимает.

Подошел отец, надел наушники и его лицо расплылось в улыбке.

— Молодец, сын, хвалю.

Он ушел на работу, а Фёдор целый день просидел у приемника. Приемник принимал только одну станцию. Вечером он включил приемник снова, и каково было его удивление, когда он смог настроиться уже на три станции.

Кроме радиолобительства Фёдор был еще и страстным рыболовом. В Двуречной, кроме небольшой, была и большая река Оскол. На десятки километров расстились плавни, в которых было громадное количество стариц и мелководий, мелководья зарастали камышом. В старицах было много рыбы. Если посмотреть с пригорка на плавни, то казалось, что камышам нет конца, и только где-то вдали виднелся лес — там и протекала основная река. Плавни перегораживала длинная дамба, а сама река протекала под почти полукилометровым деревянным мостом. Конечно, река не была так широка, но в плавне даже такой широкий проем с трудом справлялся с паводком. Мост

был очень высоким, а перед сваями, на которых стоял мост, высились мощные ледорезы из деревянных свай. Ледорезы предохраняли сваи моста от натиска ледохода. Здесь и было основное место лова рыбы. Сваи были перевязаны поперечными бревнами на трех уровнях и с моста, хотя и рискованно, но можно было на них попасть. Оттуда и ловили рыбу. Во время войны мост был разрушен и сразу по ее окончании его начали отстраивать. С пригорка хорошо было видно, как при помощи большой железной бабы забивают сваи. От места наблюдения до моста было около километра, и Фёдор начал замечать, что после того как баба падала на сваю, звук удара было слышно только спустя некоторое время.

— В чем дело? — недоумевал он.

Однажды он спросил об этом отца.

— Это явление связано с тем, что скорость распространения света в воздухе гораздо больше, чем скорость распространения звука. Звук до нас доходит позже, чем долетает свет. Поэтому момент падения бабы мы видим практически мгновенно, а вот звук ее удара до нас долетает гораздо позже. Предлагаю решить тебе одну задачу. Известно, что скорость звука примерно 300 метров в секунду. Если ты услышишь звук падения бабы через три секунды после того как увидел, что она упала на сваю, то сколько метров до сваи?

Фёдор сообразил сразу.

— Девятьсот метров.

— Вот теперь и определи, какое расстояние от твоего места наблюдения до моста.

На следующий день, когда отец пришел с работы, Фёдор отчитался.

— До моста полтора километра, потому что звук летит пять секунд.

— Правильно, — сказал отец.

Жизнь текла, и дальнейшие события не заставили себя ждать.

11. Секретар райкома партии и конюх.

Однажды отец пришел с работы хмурым.

— У тебя неприятности? — спросила у него мать.

— Похоже да. Наш секретарь райкома партии поссорился с нашим конюхом.

— Как поссорился? — недоумевающая спросила мать.

— Помнишь, я тебе рассказывал, что наш конюх Савелий начал строить дом, но отвод земли до сих пор полностью не оформлен. Дом стоит около стадиона, а отвод на стадион еще тоже не оформлен, так что та часть его участка, которая прилегает к стадиону не имеет границы. Решение этого вопроса, я решил отложить до оформления отвода на стадион.

— Так в чем вопрос?

— Да не в стадионе дело. Дело в том, что недалеко от Савелия живет сестра нашего секретаря. Дом, который построил Савелий гораздо лучше ее дома, вот зависть и гложет эту самую сестру.

— Но ты то туту причем?

— Очень даже причем. Сегодня меня вызвал Иван Васильевич и очень популярно объяснил суть дела. Ты же знаешь, какой сукин сын наш секретарь Конотоп, этого он так не оставит, это тебе не Мужичский. Вот и хотят моими руками решить этот завистливый вопрос.

— Но каким образом?

— А очень просто. Раз отвод на стадион еще не сделан, то границу стадиона следует провести так, чтобы Савелию пришлось дом сносить.

— Да ты что, ну и сволочь!

— Конечно, но ведь ты прекрасно понимаешь, что значит поссориться с секретарем райкома партии. Не знаю, что делать. Тем более, к такому решению вопроса склоняется и Иван Васильевич.

— Но ведь Савелий ваш конюх.

— Да, но ведь и Ивана Васильевича этот вопрос может рикошетом зацепить.

После этого разговора прошло какое-то время, отец ходил как туча. Но однажды, придя с работы, отец как-то облегченно сказал:

— Я принял решение.

— Какое? — спросила мать.

— Сегодня я вынес в натуру границу стадиона, она проходит в десяти метрах от дома Савелия. Ты сама понимаешь, что это означает.

— Да, — горестно улыбнулась мать.

12. Не воруй!

Мозг человека устроен так, что надолго запоминает события, которые, как говорится, врезались в память. Но потому они и врезаются, что приносят или большую радость или большое горе: поймал в первый раз крупную рыбу, полюбил девушку или разлюбила любимая. Да мало ли каких событий крупных и мелких вбито в наши головы. По сути дела они и представляют нас как личность, ибо не было бы этих событий, не было бы и нас самих, по крайней мере, и в своем собственном представлении и в представлении других людей. Но все события нас чему-то учат – хорошему или плохому сказать иногда трудно, но, взвешивая целый набор таких событий в нашей жизни, мы и принимаем наши решения. Плохих людей от рождения не бывает, но вот от того, чем сумели набить наши головы наши родители, учителя и сама жизнь и зависит оценка человека тем обществом, в котором он живет.

Как-то раз мать послала Фёдора на огород посмотреть, нет ли еще огурцов. Придя туда, он увидел, что своих огурцов еще нет, но вот у соседки на грядке огурцы уже были. Ему очень захотелось съесть огурец. Он тайком со-

рвал один и съел. Потом подумал и сорвал еще один и положил в карман. Вернувшись домой он доложил, что огурцы еще не спели. Когда переодевался злополучный огурец выпал из кармана.

— Откуда это? — строго спросила мать.

Фёдор покраснел до ушей.

— У соседки сорвал.

— Одевайся, — строго сказала мать.

— Зачем?

— Потом узнаешь.

Она взяла Фёдора за руку, видно было ее возмущение и негодование.

— Бери огурец! — Фёдор не спорил.

— Куда мы идем? — спросил он у матери.

— К соседке. Сейчас ты расскажешь ей, что украл у нее огурец и попросишь прощения.

На всю жизнь запомнил Фёдор этот огурец.

13. Лодка.

Фёдор все время мечтал о своей лодке, но он прекрасно понимал материальное положение семьи, и у него даже в мыслях не было попросить у родителей об этом. Летом он днями пропадал на реке. Ходил с удочкой, или с ребятами ловили рыбу рогатой. Рогатая представляла собой достаточно примитивную сетку, выполненную в виде остроконечной крыши дома, затянутой сеткой со всех сторон, кроме одной. Несмотря на простоту орудия лова, в нее попадалась достаточно крупная рыба, особенно хорошо ловились раки. Рыбу забирали домой, раков пекли на костре. Однажды он решил пойти порыбачить с удочкой под мостом. На сваях хорошо ловилась рыба, и связано это было с тем, что во время хлебозаготовок часть зерна, которое просыпалось из кузовов машин, попадало в речку, что служило кормом для рыбы. Попасть на перекладину свай было не просто, потому что крайние из них были расположены под пешеходным настилом и нужно было на большой высоте, повиснув на руках, поймать ногами первую перекладину на сваях. Но пацаны есть пацаны – всегда лазили и ничего не боялись.

Фёдор закинул удочку и вдруг увидел, что поплавок как-то странно подпрыгивает. Он подсек, но не тут-то было, леску и удочку повело в сторону. Опыта вытаскивать большую рыбу еще не было. Он двумя руками схватил удочку и потянул на себя. Вяло хлопая хвостом, на поверхности появилась громадная рыба, плыла она на боку. Как он вытащил эту рыбу, он не помнил, по-видимому, просто леска не подвела. Это был лещ до двух килограммов. Идя домой, Фёдор специально нес его на кукане, чтобы все видели.

— Ну и ну! — сказала мать, когда он зашел во двор. - У тебя сегодня двойной улов, — лукаво прищурившись, продолжала мать.

— Какой еще двойной?

— Сказать? — весело посмотрев на отца, спросила мать.

— Конечно!

— Отец купил тебе лодку, — мать и отец радостно улыбались.

Радости Фёдора не было предела, он запрыгал, а потом кинулся обнимать родителей. С появлением лодки начался новый рыболовный этап в его жизни. Лодка предоставляла в этом отношении самые разные возможности. Он ловил на удочку, ставил переметы и сетку, так что дома на столе рыба была практически всегда.

Среди рыбаков ходили слухи о каких-то таинственных волосах, которые якобы жили в реке и впивались в людей, но Фёдор этих волосов никогда не видел и считал, что это просто рыбацкие байки. Но однажды, вытаскивая в лодку сетку, он вдруг увидел, что в ней шевелится клубок черных конских волос. Клубок упал в лодку, и тут он с ужасом увидел, что конские волосы живые. По виду это были обычные черные конские волосы длиной 20 – 30 сантиметров, но они шевелились, и как только упали в лодку, сразу же начали по ней расползаться. Они ползли по снастям и по бортам лодки, по рукам и ногам. Фёдор со страху прыгнул в воду и уже вплавь дотащил лодку до берега. В лодке было еще много этих самых волосов, и он начал их рассматривать. С виду это был волос из конского хвоста только живой, впереди торчали два небольших усика, которые слегка шевелились.

— Так вот какие волосы, - подумал Фёдор, - но что-то ни один из них в меня не впился, да и как это он сможет сделать, если у него рожки спереди?

Но все-таки ощущение было неприятное. Он перевернул и вылил воду из лодки. Больше никогда в жизни Фёдор волосов не видел. Но слухи о том, что они впиваются, продолжали ходить среди рыбаков.

14. Генеральная линия партии.

В отличие от Фёдора Ирина всегда была примерной ученицей, училась хорошо, хотя не была круглой отличницей. Мать всегда приводила ее ему в пример.

— Вот видишь, я с удовольствием встречаю учителей Ирины. Они всегда говорят о ней только хорошее, а твоих встречать просто боюсь, потому что всегда только и разговоры, что ты хулиган.

Но однажды, придя из школы домой, Ирина сказала:

— Мама, тебя вызывают в школу.

— Зачем? — с удивлением спросила мать.

— Мы писали сочинение, и была тема «Катерина луч света в темном царстве» по драме Островского «Гроза».

— Ну и что же?

— Так вот я написала это сочинение под заглавием «Катерина не луч света в темном царстве».

— А почему ты так написала?

— Да если бы Катерина была этим самым лучом, так нужно было бороться за своего мужа, а не поступать так, как она поступила.

Нина Николаевна задумалась.

— А ты знаешь, я ведь тоже так считаю, но зачем же меня в школу вызывают?

— Не знаю, сказали, что бы ты пришла.

Директором школы была достаточно властная женщина по фамилии Третьякова, работала она в этой должности всего год или полтора, а до этого была инструктором райкома партии. Школьники ее побаивались и почему-то дали ей кличку «Полундра».

— Вы меня вызывали? — вежливо спросила Нина Николаевна, зайдя в кабинет.

— Да, — тоже вежливо и приветливо ответила директор, - приглашая сесть.

— Хочу поговорить с Вами о вашей дочери. Я знаю, вы человек интеллигентный и мне бы хотелось, чтобы вы меня поняли правильно, - также приветливо продолжала директор.

— Я для этого и пришла.

— Наверное, вам уже сказала дочь о том, что послужило причиной вашего приглашения в школу?

— Сказала, но я совсем не понимаю, может ли быть причиной вызова в школу родителей факт написания сочинения по драме Островского.

— Вот об этом я и хочу поговорить с вами. Я думаю, вы понимаете, что такой предмет как литература несет на себе определенную идеологическую нагрузку и все, что мы преподаем, мы делаем именно под этим углом зрения. Факт же написания вашей дочерью сочинения с таким названием свидетельствует о том, что мы не смогли донести нашу идеологическую линию до некоторых наших учеников. Вам может показаться странным, но о подобных фактах, я как директор школы, должна в письменном виде информировать Областной отдел народного образования.

Прийдя домой, Нина Николаевна рассказала о разговоре с директором.

— Это вполне естественно, — сказал отец, — ты видишь, что делается в газетах и по радио, сколько десятков, может быть и сотен раз за день, мы слышим по радио слово Сталин. Основная идеология партии – это культ личности Сталина. Вопрос же стоит так: шаг влево, шаг вправо от генеральной линии партии – расстрел.

— А что такое генеральная линия партии? — спросил Фёдор.

Отец улыбнулся, взял лист бумаги и провел на ней две параллельные линии.

— Вот видите, дети, это правый уклон в партии, — и он показал на линию справа, — а вот это левый уклон, — и он показал на другую линию, - а вот генеральная линия партии, — и он провел волнистую линию между двумя параллельными.

Дети расхохотались.

— Шутки плохи, — серьезно сказал отец. — Ведь в стране настоящий физический и моральный террор, казалось бы, нужно ли из-за такого пустяка

вызывать в школу родителей, а тем более писать докладные в Облоно. Вы еще маленькие и многого не понимаете, но, когда вырастете, поймете в какое жестокое время вам и вашим родителям пришлось жить. Сейчас еще ничего, хоть как-то поутихло, а что было в 37-мом... Людей забирали по ночам, а куда они исчезали так никто и не знал. Даже анекдот такой был, но и за него тоже могли расстрелять.

— Расскажи, папа.

— Ну вот, ночью страшный стук в дверь коммунальной квартиры, около двери собрались жильцы, но открывать боятся. Стук усиливается. Наконец, одна старушка решается открыть. — Вы что тут оглохли все! - кричит вбежавший. - Выносите вещи, дом горит. — Ну, слава богу, — облегченно вздыхают жильцы, — а мы думали НКВД.

— И что за такой анекдот могли расстрелять?

— Да, могли и расстрелять, могли и на 20 лет посадить, за антисоветскую пропаганду.

— Дети, — строго сказала Антонина Николаевна, — я еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что все то, что говорится дома, вы ни в коем случае не должны рассказывать даже своим самым близким друзьям, потому что мы живем в государстве тотальной слежки.

— Да, — обратился ко всем отец, — совсем забыл сказать. Ты знала Пронько?

— Да, вроде фамилия знакомая.

— Ему же 15 лет дали.

— За что?

— За анекдот. Когда я последний раз возил отчет в областное управление, я ночевал у Гальперовича.

— У главного инженера управления?

— Знаешь, что он мне рассказал? Вызвали его в особый отдел и начали расспрашивать о Пронько. Он им все, что о нем знал, рассказал. А его потом спрашивают:

— А вы знаете, за что его осудили?

— Нет, — говорит он, — откуда мне знать?

— Он занимался антисоветской агитацией, и, в частности, распространял следующий анекдот. Сидят в Москве около Кремля грузины-чистильщики, подходит к ним человек и просит почистить ботинки.

— Не чистим, — отвечают они.

— А чего же вы тут сидите? — спрашивает.

— Назначения дожидаемся.

— Я, говорит, после этих слов чуть в штаны не наложил, ведь это я ему этот анекдот рассказал. Ну, думаю, была ни была, все равно знают — надо признаваться, и говорю, а с меня пот льет.

— Ведь, говорю, этот анекдот я ему рассказал.

— Мы знаем, — отвечает особист, — но ведь вы ему с глазу на глаз этот анекдот рассказали, а вот он его в коллективе рассказывал, а это уже пропаганда, за это и получил.

— Я после этого разговора неделю отойти не мог, думал, заберут, но вот пока дома.

— Видите, дети, как анекдоты рассказывать, - заключила мать, - так что смотрите.

15. Электроконструктор.

Видя, что сын увлекается радиолюбительством, Федор Фёдорович всячески поощрял это увлечение. Сам он хорошо знал физику, потому что до поступления на землеустроительный факультет, два года проучился в университете на физико-математическом факультете и, конечно, на все вопросы сына у него всегда были готовы ответы. Мать тоже была достаточно образованным человеком. До поступления в институт она окончила гимназию. Хорошо знала не только математику, но и увлекалась литературой, прочла много книг, и по этой части Фёдор всегда мог получить исчерпывающий ответ на любой вопрос. Мать хорошо знала также историю русского революционного движения. Ее отец был эсером, и бывал в ссылках, мать и родилась в Чите как раз в один из периодов отбывания отца в ссылке в Сибири.

Однажды, приехав из очередной командировки, отец достал из вещмешка большую красочную коробку и подал Фёдору. На коробке было написано «Электроконструктор». Это был замечательный подарок. На унифицированной плате можно было собирать множество электрических устройств, начиная от демонстрации опытов по электромагнетизму, когда при помощи стальных опилок воочию можно было наблюдать наличие магнитных силовых линий вокруг постоянного магнита или электромагнита, и заканчивая настоящим электрическим двигателем постоянного тока. Каково было удивление Фёдора, когда, собрав электрический звонок, он подключил к нему батарейку, и тот зазвонил. Еще больший восторг был, когда он собрал электромотор. Он своим глазам не поверил, когда электромотор при подключении к нему батарейки вдруг начал вращаться с бешеной скоростью. Из под щеток сыпались искры, и в воздухе начинало пахнуть чем-то кисловатым. Когда отец пришел с работы, он с гордостью показал ему действие электромотора, и отец подробно рассказал ему, почему мотор вращается. Он всегда рассказывал очень понятно, и Фёдор очень любил эти рассказы.

— Папа, а что это пахнет, когда мотор вращается?

— Это запах озона. Видишь, как искрят щетки. Искры и производят озон.

— А что такое озон?

— Ты, наверное, знаешь, что человек при дыхании потребляет из воздуха кислород, кислород участвует в окислительных процессах, которые происходят в организме. Кстати, когда горят дрова или уголь, это тоже окис-

лительный процесс. При окислении выделяется тепло. Когда это происходит в печи это наглядно видно, в организме происходит то же сгорание топлива, только немного по другой схеме. Благодаря такому сгоранию, мы и можем выполнять физическую работу, а также поддерживается определенная температура тела.

— Но причем тут озон? — снова спросил Фёдор.

— Так вот кислород в воздухе содержится в виде молекул, когда два отдельных атома кислорода прилипают друг к другу и в таком виде и летают в воздухе. Электрическая же искра разбивает молекулу кислорода на два отдельных атома. Атомарный кислород является гораздо более сильным окислителем и быстро окисляет даже те вещества, которые молекулярный кислород окисляет с трудом. Поэтому мы и слышим специфический кислородный запах. Тебе приходилось наблюдать, как свежо бывает после грозы? Молния это громадная искра, и она тоже вырабатывает озон, запах которого мы и слышим после грозы.

— Как все интересно и просто, — подумал Фёдор.

Но не только радиолюбительством и рыбной ловлей увлекался он. Как-то раз он увидел, как старшие школьники запускают модель самолета. К длинной тонкой планке были прикреплены крылья и хвостовое оперение, обтянутые пергаментом. Пропеллер вращался при помощи резинки, которая была натянута вдоль всего самолета. Каково же было удивление Фёдора, когда, накрутив резинку, мальчик как-то слегка вниз толкнул самолет, отпустив пропеллер, и самолет полетел. Похожий на стрекозу, он пролетел метров 50 и плавно опустился на землю.

Прожив большую жизнь и повидав многое, мы уже практически ничему не удивляемся, но вот то удивление, которое мы испытываем в детстве, часто запоминается на всю жизнь. Оно-то очень часто и заставляет нас делать самые разные новые дела.

14. Плагиат.

Но мало помалу, совсем незаметно, над семьей начали сгущаться тучи. Дети как-то особенно каким-то только им известным чутьем понимают это. Чувствовал это и Фёдор. Родители начали мало смеяться, они часто о чем-то тихо говорили между собой. И он однажды спросил об этом у матери.

— У отца неприятности на работе, — ответила она, — он тебе рассказывал о новых методах землеустройства, которые он предлагает.

— Да, рассказывал.

— Так вот об этом он рассказал на совещании в Областном управлении. Всем его доклад очень понравился.

— Так это же хорошо, — порадовался Фёдор.

— Хорошо, да не очень. Через некоторое время его вызвал начальник Управления Добротин. Они ведь с отцом старые друзья. И что ты думаешь, он ему предложил?

— Не знаю.

— Он сказал, что собирается писать книгу по землеустройству, в которую хотел бы включить и материалы, полученные отцом.

— Так это же хорошо! — удивился Фёдор.

— Нет, это очень нехорошо и нечистоплотно. Представь себе, что ты делал приемник или самолет, а потом к тебе приходит кто-то и говорит, что бы ты его отдал, да еще потом и скажет, что сам сделал. Тебе будет жалко его отдавать?

— Да сам самолет я, может быть, и отдал бы, но вот то, что он его сам сделал, это уже нечестно.

— Вот так и отец считает. Эта же работа заняла не один год упорного труда, а ее практически хотят украсть.

— Что же делать?

— Вот и думаем, что же делать. А как бы ты поступил? — вдруг спросила Нина Николаевна.

— Я бы не отдал.

— Вот и отец отдавать не хочет, но не отдать это значит сильно испортить отношения с начальством, а отдать — это значит совершить сделку со своей собственной совестью.

— Не отдавать ни за что! — уверенно сказал Фёдор.

— Начальник управления человек мстительный и начнет выживать отца с работы, а ты ведь характер отца знаешь, в таких условиях он работать просто не сможет, да еще ты знаешь, какие в настоящее время отношения у отца с райкомом партии.

Как-то нехорошо стало на душе у Фёдора. Жалко, страшно жалко было отца. И тут он в первый раз почувствовал, что в жизни все не так радостно и безоблачно, как ему казалось раньше. И он понял, что боль и обида за близкого человека, которого ни за что ни про что так унижают, это совсем не простое чувство, чувство, которое, прежде всего, вызывает отвращение к несправедливости. Но чем он мог помочь отцу, разве только сочувствием.

Когда отец пришел вечером домой, он сказал ему:

— Мама мне обо всем рассказала, не горюй, прорвемся, но никому ничего не отдавай.

Отец радостно улыбнулся, и его глаза заблестели как-то по-особенному.

— Спасибо тебе, сын. Конечно, прорвемся! - и он крепко обнял Фёдора. Правду говорят в народе: пришла беда, открывай ворота.

17. Мама, почему ты плачешь?

Перед глазами стояла какая-то дымка, а вокруг тишина. Такую тишину Фёдор еще никогда не ощущал. Тишина и дымка, да еще голова все время куда-то проваливается, то вдруг начинало казаться, что перед глазами глубокое-глубокое небо. Фёдор никак не мог понять, что происходит. Он попытался открыть глаза и вдруг увидел заплаканное лицо матери.

— Мама, почему ты плачешь?

Мать всхлипнула, и он снова куда-то провалился. Сознание к нему приходило не сразу.

Утром, идя в школу, они с одним из попутчиков решили поиграть в квача. Дорога проходила через старый заброшенный сад, и они начали прыгать с дерева на дерево, гоняясь друг за другом. Как он сорвался и упал головой вниз, он не помнил, но в школу он ушел рано утром, а очнулся, когда уже вечерело.

— Мама, что случилось? — опять ничего не понимая, спросил Фёдор.

— Сынок, тебе нельзя ни шевелиться, ни разговаривать, — горестно ответила мать, лицо ее было заплакано.

— Ты упал с дерева.

Полубессознательное состояние длилось несколько дней, но молодой организм делал свое дело. Где-то на третий день он уже мог поворачиваться с боку на бок, а через неделю уже начал вставать с постели.

Правду говорят – пришла беда, отвори ворота.

Не успел он оправиться от случившегося, как новая беда уже подстерегала его.

Для рыбной ловли нужно большое количество грузил. Для этого плавил свинец и разливали его в специальные формы. Делал грузила и Фёдор. Как-то раз он поставил банку со свинцом в горящую печь и забыл про нее. Когда хватился, банка была раскалена докрасна. Не долго думая, он схватил плоскогубцы и попытался вытащить банку из печи. К несчастью только перед этим мать помыла пол и тот был еще мокрым. Банку с расплавленным свинцом он не удержал и уронил. Облако пара и раскаленного свинца ударили в лицо. Он начал лихорадочно оттирать свинец, но он снимался вместе с кожей. Почти все лицо было обожжено, что-то очень жгло в левом глазу. Он моргал глазом, но жжение не прекращалось. Мать вбежала в комнату и ахнула.

— Боже, боже, что же ты наделал?

— В глазу жжет.

Мать попыталась приоткрыть обожженное веко.

— В глазу свинец, — с ужасом в голосе сказала она, — что делать!?

Фёдор никогда не видел мать такой. Обычно она никогда не теряла самообладания, но сейчас на ней не было лица.

— Да все будет в порядке, — попытался утешить ее Фёдор.

— Ты можешь потерять глаз, — горестно заплакала она.

Вскоре пришел отец.

— Да, в глазу свинцовая капля, — сказал он, посмотрев в глаз.

Все лицо кровоточило. Отец натолк стрептоцида и засыпал раны. Затем замотали лицо полотенцем и повели его в больницу. И тут Фёдор вдруг понял, как страшно быть слепым. Кругом одна темнота и ничего больше. «Какой ужас, а как же если человек полностью слепой?» — думал он пока шли в

больницу. И в его голове, несмотря на жгучую боль и жжение в глазу, вдруг промелькнула радостная мысль.

— Слава богу, хоть один глаз, а если бы оба?

Хирург оказался человеком решительным, он, не долго думая, открыл обожженный глаз и пинцетом вынул свинцовую каплю.

— Посмотри на меня.

Фёдор открыл обожженный глаз.

— Вижу, — радостно сказал он хирургу.

— Парня нужно срочно везти в Харьков, сильный ожог и это может закончиться слепотой.

На следующий день Федор Фёдорович и Фёдор уже ехали в город. До этого ему никогда не приходилось ездить на поезде, и он смотрел и смотрел в окно вагона. Пробегали поля, деревья, постройки. Жгло лицо, болел глаз, но новые впечатления заглушали боль. Он думал, что они скоро приедут в город, в котором он тоже никогда не бывал. Ему хотелось, чтобы поезд шел скорее и скорее.

В глазной клинике сказали, что ожог хотя и сильный, но излечимый и придется пробыть на лечении дней десять. Этому Фёдор особенно обрадовался, не видел он до этого ни трамваев, ни троллейбусов. Все это: дома, асфальтированные улицы, большое количество автомобилей его поражало.

Но особенно ему понравился обед в столовой. Он в своей жизни еще никогда не ел макарон, а что такое шницель и вообще не слышал. И таким ему все показалось вкусным, что он каждый день с нетерпением ждал похода в столовую. Раны на лице быстро подживали, глаз болел все меньше, а к концу лечения и вовсе боль прошла. Врачи сказали, что ожог прошел почти без последствий, но с возрастом может наблюдаться некоторый процент потери зрения. Фёдора это уже абсолютно не волновало. На лице после ожогов остались красные пятна, но врачи сказали, что и они где-то через пол года исчезнут. Но и это уже не волновало Фёдора. Он с удовольствием думал, как они с отцом будут опять ехать домой на поезде, как он опять будет заниматься радиоделом, как будет ловить рыбу. Небо впервые было безоблачным и ясным. Вот только в школу ходить не хотелось.

— Посмотри, что я тебе купил, — сказал отец, подавая ему книгу.

На обложке было написано «Юный радиолюбитель». Когда они ехали домой, он уже не смотрел в окно, а читал подаренную книгу. В ней было очень много интересного, но схемы ламповых приемников, которые там были приведены, казались ему очень сложными. В конце книги была приведена схема и описание всеволнового приемника РЛ-1.

— Вот бы сделать такой приемник, — подумал он, — но сколько же деталей нужно для этого?

Так начался путь к первому ламповому приемнику в его жизни.

18. На распутьи.

Время шло, он заканчивал шестой класс, а сестра десятый. Закончила она его всего лишь с двумя четверками, чуть-чуть не дотянув до медали. Нужно было выбирать дальнейший жизненный путь. В семье по этому поводу много говорили, и в процессе этих разговоров Фёдор понял, что и над Ириной и в будущем над ним висит одна практически непреодолимая угроза. Семья была на оккупированной территории, а такие люди в соответствии с существующей идеологией были людьми второго сорта, к тому же еще и нерусская фамилия. Все это очень беспокоило родителей и вольно или невольно это беспокойство передавалось детям. Но Фёдору, несмотря на все разговоры по этому поводу, почему-то мало верилось в эту, как ему казалось, мифическую угрозу.

— Папа, ведь у тебя медаль «За доблестный труд», — говорил он.

— Каждому человеку дорого свое место и в таком случае, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Был на оккупированной территории? Был. А фамилия? А может еврей? И никому не докажешь, да и доказывать то некому, а как в особом отделе решать, так и будет.

— Но какой особый отдел в университете? — удивился Фёдор.

— Поживешь, узнаешь какой.

Но каждый день по радио рассказывали, как прекрасно жить в Советском Союзе, какой великий вождь и учитель Сталин. И Фёдор никак не мог понять, что же так сильно волнует родителей.

Поступать в университет на физико-математический факультет из Двуречанской школы поехали трое: Ирина, ее подруга Галина Бабыкина и еще один их одноклассник Володя Гаврасиенко. И прогнозы родителей сбылись. Галина и Володя поступили, а Ирину срезали на математике, на ее любимом предмете. И если отец и мать были морально готовы к такому исходу, то для Фёдора это был шок. Он впервые почувствовал, что такое незаслуженная дискриминация, что такое незаслуженное унижение. Ему было стыдно и за себя и за Ирину и за родителей, и он впервые понял, что можно ненавидеть и даже мстить за нанесенные унижения.

— В стране таких миллионы, — сказала мать, — а знаешь ли ты как поступали во время войны и после войны с военнопленными? Ведь их практически без суда и следствия отправляли в лагеря в Сибирь на каторжные работы.

— Так что же это за государство? — возмутился Фёдор.

— Это тоталитарный режим, где человек - ничто не стоящий винтик в громадной деспотической машине.

— Это ужасно, — думал он.

И мать, как бы прочитав его мысли, сказала:

— Но, впрочем, не будь этой жестокой системы, не понятно смогли бы мы победить Гитлера.

— А причем тут это?

— Очень причем, представь, каждый знал, что если попадет в плен или тем более сдастся, то всю семью могут в Сибирь отправить. Вот и приходилось выбирать.

— Так, что все были такие? — опять спросил Фёдор.

— Нет, конечно, далеко не все. Были, конечно, и фанатики, и таких тоже было не мало, которые, не смотря ни на что, верили, в так сказать, правое дело партии. А сколько было полицаев, которые добровольно шли на работу к немцам. И правду говоря, их тоже можно понять. Сколько семей раскулачили и сослали в Сибирь только за то, что они были хозяйственными, и поэтому зажиточными людьми. А сколько репрессированных! Представь на минутку, что твоих родителей ни за что ни про что вдруг взяли и сослали в Сибирь?

— Но почему же тогда отец рисковал и своей жизнью и семьей, занимаясь подпольной работой? Почему?

— Твой отец, прежде всего, честный человек. И он, и я прекрасно понимали, что фашизм - это чума и что эта чума угрожает нам всем и нашей Родине, а что такое Родина ты поймешь, сынок, когда вырастишь.

Узнав о том, что Ирина не поступила в университет, отец собрал вещмешок, одел медаль и уехал в город. Где-то около двух недель никаких вестей от них не было. Приехали они вместе с Ириной, и по всему было видно, что дело сдвинулось с мертвой точки. Он рассказал о всех своих хождениях по административным кабинетам и что, в конце концов, Ирину удалось зачислить на заочный факультет и получить негласное согласие декана факультета на посещение ею лекций на стационаре.

— Да, — заключил отец, — не было бы у меня медали, решить бы этот вопрос не удалось. Но, так или иначе, мы уже одной ногой в университете.

Не успела семья оправиться от университетских неприятностей, как новая беда пришла в дом.

Из очередной командировки в Областное управление отец вернулся очень расстроенный.

— Разговаривал со мной заместитель начальника управления, сказал, что и в управлении и в районе моей работой недовольны и предложил подать заявление об увольнении. Конечно, я мог этого и не делать, но коль уже взялись, так все равно съедят.

Ты подал заявление, — с беспокойством спросила мать.

— Да, подал.

Мать задумалась.

— Хоть и тяжело все это, но ты поступил правильно, нечего унижаться перед этими негодьями. Не такое переживали, — мать обняла и поцеловала отца.

Комок подступил к горлу, Фёдор почувствовал, что вот-вот зарыдает. Стиснув зубы, он вышел из комнаты.

— Молодец отец, он гордый человек, - подумал он.

Но не понимал Фёдор, что означает остаться без работы в глухом провинциальном районном центре, да еще при таких отношениях с райкомом партии. Многие сочувствовали Федору Фёдоровичу. Особенно сокрушался Иван Васильевич, знал он, что такого специалиста у него больше не будет. Председатель райисполкома, даже не боясь навлечь на себя гнев райкома партии, специально вызвал его в райисполком и долго там с ним беседовал. Но все прекрасно понимали, что работы для Федора Фёдоровича в районе уже не будет. Были, конечно, и такие, которые злорадствовали. Кто не наживал себе врагов за добросовестное отношение к своим обязанностям?

Вскоре отцу предложили освободить ведомственную квартиру. Деньги копить в семье не умели и поэтому жили практически от зарплаты до зарплаты.

На окраине Двуречной, около самого леса стоял полузаброшенный дом, в который и переехала семья. В доме до этого уже несколько лет никто не жил, прошлые хозяева умерли, и дом по наследству принадлежал женщине, которую хорошо знала Нина Николаевна. Эта женщина и сдала за небольшую плату его в наем. Электричества в доме не было, рамы были одинарные, пол был глиняный, а впереди была зима.

Единственным украшением, которое хоть как-то сглаживало унылый пейзаж, были уже известные ульи, которые ровными рядами стояли около дома и напоминали какой-то сказочный городок.

У Фёдора впереди был седьмой класс. Ирину нужно было как-то содержать в городе, семье чем-то нужно было питаться. Благо был свой огород, и все овощи были свои. Денег не было даже на хлеб. И вот тогда-то Фёдор и узнал, что такое голод, когда хочется, очень хочется хлеба, а его нет. И сколько не ешь чего-то другого, а хлеба все равно хочется.

Нужно было принимать какое-то кардинальное решение. Нужны были деньги, а, следовательно, нужна была работа. Впереди была зима. Отец собрался и уехал в Харьков. Вернулся он через неделю.

— Я был в геодезическом отряде, там набирают опытных геодезистов.

— А что за работа, — спросила мать.

— Планировка какого-то закрытого объекта, какого не говорят, но трудность заключается в том, что нужна супружеская пара. Зачем супружеская - тоже не говорят.

— Да, вопрос практически неразрешимый, — горестно сказала Нина Николаевна.

— А почему неразрешим? — удивился Фёдор.

— Да на кого же мы, сынок, тебя оставим, зима впереди, топки нет, да и ты еще совсем ребенок!

— Ничего себе ребенок! Я уже совсем взрослый, а что дрова? Лес то рядом, что я дров из лесу не наносу?

— Нет, сынок, на это мы решиться не можем, а печь топить, угоришь еще.

— Да что, я трубу не умею закрыть или печь топить? - не унимался Фёдор.

Прошло несколько дней и родители, и он понимали, что другого выхода нет. Мать украдкой плакала отец тоже как в воду опущенный.

Через неделю пришла телеграмма: «Ваша кандидатура утверждена, телеграфируйте согласие».

Отец подошел к Фёдору и обнял его.

— Положение безвыходное, сынок, я сам остался без отца в десять лет, и что мы пережили, один бог знает, ведь кроме меня было еще два младших брата.

— Папочка, вам нужно ехать и думать тут нечего, я тебя уверяю – прорвемся.

У отца на глазах показались слезы.

— Да, сын, я тоже в это верю.

19. Новый год.

Уезжали в город трое: отец, мать и сестра. Фёдор оставался. Мать и Ирина плакали, отец крепко обнял его. И тут Фёдор вдруг почувствовал, что ему впервые в жизни поручается очень серьезное дело, и что он должен, во что бы то ни стало справиться.

Пока было тепло, единственную трудность, которую испытывал он, заключалась в том, что нужно было варить себе еду, причем это можно было сделать только тогда, когда горела печка. Фёдору очень не хотелось готовить, и целыми неделями он питался всухомятку.

Вскоре от родителей пришло письмо, и он сразу же написал ответ, сообщая, что у него все в порядке, что он начал заготовку дров, что ходит в школу регулярно, что оценки у него хорошие. Фёдор чувствовал, что все то, что происходило с семьей последнее время, как-то изменило его взгляды на жизнь, на родителей, изменился и он сам. Он прилежно выполнял домашние задания и практически стал отличником, он стал регулярно писать родителям, и те тоже регулярно ему отвечали.

Пришла осень, наступили холода, топить нужно было чаще, дров нужно было больше и почти каждый день, придя из школы, он шел в лес за дровами. Когда начинало темнеть, он разжигал печь, зажигал керосиновую лампу и садился учить уроки.

Выпал первый снег, топить нужно было много, одинарные окна слабо держали тепло в доме, но снегу Фёдор очень обрадовался, можно было за дровами в лес ездить на санках.

Однажды, поехав в лес, он увидел там очень крупные собачьи следы и мимоходом подумал, а не волки ли это.

Догадка ждать себя не заставила. Выйдя как-то утром из дома, он обнаружил такие же следы во дворе, а соседи сказали ему, что волки украли у них собаку. Ему как-то не верилось, что волки могут украсть и съесть собаку, но вскоре и другие начали говорить, что волки крадут собак. А волков после войны в лесах было великое множество.

По-прежнему Фёдор ездил в лес, возил оттуда дрова, возить дрова на санках было просто и удобно.

Однажды вечером, затопив печь, он пошел на улицу за дровами. Выйдя на крыльцо, он вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Рядом с сараем светились два зеленоватых огонька, Фёдор присмотрелся, около сарая спокойно сидел волк, его глаза светились зеленоватым светом. Фёдор попятился и быстро захлопнул дверь. Волка он до сих пор никогда не видел, и, наверное, поэтому ему показалось, что волк огромный. «Да, — подумал он, — у страха глаза велики». Он попытался успокоиться, но чувство, что он в доме один, а вокруг бродят волки, не покидало его. Это чувство еще усилилось, когда он, ложась спать, погасил лампу, казалось, что волки заглядывают в окна. Он встал и опять зажег лампу.

Когда он проснулся утром, спокойно горела закопченная лампа, на дворе ярко светило солнце, страхов как не бывало. Фёдор понял, что в школу он уже опоздал и решил в этот день туда не ходить. В школе знали, что он живет один, и учителя относились к нему снисходительно. В этот день он рано затопил печь и приготовил себе еду. Какими вкусными показался ему борщ и жареная картошка! Он наносил в дом много дров, чтобы не ходить за ними ночью. Не хотелось снова встречаться с волками.

Перед новым годом от родителей пришло письмо, в нем сообщалось, что к Новому году они должны быть дома. Фёдор вырубил в лесу елку и как мог ее украсил. Это была не та нарядная елка, которые мы видим в домах сейчас, но на ней висели не только самодельные игрушки, но и конфеты и пряники. Ему так хотелось, чтобы родители на Новый год были дома, так хотелось!

Выходя утром во двор, особенно, когда накануне ночью шел снег, он часто обнаруживал во дворе волчьи следы, но как-то это его уже сильно не тревожило, скорее он воспринимал это как должное.

Наступило 31 декабря. Целый день Фёдор прождал родителей, но их не было. Наступил вечер. Родители не были суеверными людьми, так же был воспитан и он, но все-таки он в канун Нового года загадал два желания, они были очень простыми. Первое из них заключалось в том, чтобы встретить Новый год всей семьей вместе, второе - чтобы новый год был хоть чуточку добрее и лучше, чем прошедший.

Стемнело, но родителей не было. И вдруг Фёдору стало так грустно и одиноко, никогда еще за свою хоть и недлинную жизнь ему не было так горько. За окном мела пурга, Фёдор поставил на печку чайник, начал готовить себе ужин, но вдруг совершенно произвольно, примерно так же как он почувствовал, что на него смотрит волк, он вдруг почувствовал, что он не один, что отец и мать где-то совсем рядом. Ему даже показалось, что он слышит их голоса. И в это же мгновение в окно постучали. Да, это, несо-

мненно, был отец, только он так барабанной дробью стучал в окно. Фёдор кинулся к двери и выскочил на улицу. Во дворе стояли мать, отец и сестра.

— Мои дорогие! — кинулся он к отцу и зарыдал. — Мы прорвались, прорвались! — сквозь слезы кричал он.

— Да, дорогой! Да! Да, родненький! — сквозь слезы говорила мать.

Новый год удался на славу. Родители привезли не только много денег, но и много еды, конфет и подарков. Ирина тоже была счастлива, учеба у нее шла хорошо, ей не запрещали ходить на лекции, и она училась практически наравне со студентами стационара и была отличницей. Тем более там же учились и ее одноклассники. Единственно на что он обратил внимание, что она была очень плохо одета, на ней была обычная рабочая фуфайка и старые изношенные ботинки. Проговорили они всю ночь.

Из рассказа Ирины он узнал, что живет она на квартире у уборщицы, которая работает в университете. Но оказалось, что ее квартирная хозяйка Мария Яковлевна Голикова, хоть и работает уборщицей, но достаточно культурный и порядочный человек и что она является родной тетей Аркадия Гайдара. Это Фёдора крайне удивило – тетя Гайдара и уборщица! Но каких-то оснований не доверять сестре и родителям у него не было, ведь они всегда говорили ему правду. Мария Яковлевна убирала не только кабинет ректора университета, но и комнаты особого отдела, то есть в каком-то смысле была уборщицей привилегированной.

Ирина рассказала, что она несколько раз ходила на прием к самому ректору с просьбой перевести ее на стационар, но все просьбы оставались без результатов.

Родители очень были довольны результатами учебы детей, а Фёдору мать сказала:

— Мы гордимся тобой! ты настоящий мужчина, и я верю, что ты вырастешь сильным и смелым человеком!

Дом стал таким теплым и уютным, и даже завывания вьюги за окном были какими-то приветливыми. «Да, какое благо, когда есть хорошая дружная семья», — думал он.

— А правду говорят, что друзья в беде познаются? — неожиданно спросил Фёдор.

— Правду, — ответил отец, — в беде и проверяется настоящая дружба.

20. Переправа, переправа.

Шло время, вот уже и весна на пороге. Маленькая речушка Двуречная впадала в Оскол, и его разлив во время паводка представляли удивительное зрелище. Многие километры плавней были залиты водой, и эти плавни перегородивала высокая дамба, посреди которой был выстроен деревянный мост на высоких сваях. Он казался огромным. Перед сваями стояли ледорезы, их называли почему-то быками, и защищали они в весенний паводок деревянные сваи от напора идущего по реке льда.

В тот год паводок оказался особенно сильным. На мосту круглые сутки дежурили бригады взрывников, которые подрывали ледяные заторы, но все равно, в конце концов, два пролета моста были снесены льдом.

Мост соединял Двуречную с железнодорожной станцией. Это сейчас мы привыкли понимать под железнодорожной станцией какие-то постройки, зал ожидания, кассы и т.д. В то же время железнодорожной станцией Двуречная служила теплушка, все после войны было разбито и разрушено. Последствия войны оставили жестокий след не только на строениях. Воровство и бандитизм то и дело давали о себе знать. Дорога от железнодорожной станции проходила через лес, и там то и дело происходили ограбления и убийства.

Грабители знали, что люди, идущие на поезд или обратно, обычно что-то несут.

После того как снесло пролеты моста, сообщение с железнодорожной станцией практически прекратилось. Только днем люди на лодках могли переправиться через реку, и то в сильный ледоход это было рискованно.

Сразу после ледохода очень хорошо ловилась рыба, начинался нерест щуки, тем более в те времена не было запретов на ловлю сетями. Фёдор просмолил и спустил на воду лодку, и с нетерпением ждал окончания ледохода.

Вечером, когда уже почти стемнело, пришел почтальон и принес телеграмму: «Меня приняли на стационар, приезжаю Казанским. Ирина».

Мать и Фёдор начали прыгать от радости.

— Мы опять прорвались! — кричал он.

Но радость была недолгой.

— Казанский поезд приходит в два часа ночи, — вдруг испуганно сказала мать, — а ведь сообщения со станцией нет, выйдет девчонка одна с поезда ночью и что дальше?

— Да, — озадачился Фёдор, — что-то нужно предпринимать, но что?

— Нужно срочно дать ответную телеграмму, чтобы купила билет на другой поезд, — заторопилась мать.

— В том то и дело, что другого поезда нет, но если бы и был, то телеграмму Ирина уже получить не успеет.

— Что же делать, что делать? — всплеснула руками Нина Николаевна.

— Чего ты так переживаешь, а лодка у нас зачем? — спокойно сказал Фёдор и потом добавил. — Не в таких переделках бывали.

— Не скажи, плыть во время ледохода даже днем опасно, а ночью?

— Но ведь сейчас полнолуние, и ночью видно почти как днем.

— Ах, если бы отец был дома!

— А чтобы мог сделать отец? Ведь лодкой он так управлять, как я не умеет.

— Сынок, что же нам делать?

— Не беспокойся, мать, переплыву и преспокойно встречу АлисИрину, что я реку не знаю!

— Нет, тебя самого не отпущу ни за что на свете!

— Ну, тогда поплывем вместе, я тебя уверяю, что все будет в порядке.

И тут он почувствовал, что его уверенность начала передаваться матери.

— Хорошо, сынок, я уверена в тебе, поплывем вместе.

Надо сказать правду, Фёдору было страшно. Ночью, в ледоход, около самых ледорезов, а вдруг лодку опрокинет, сколько в холодной воде выдержишься, тем более еще и мать. Но отступить было некуда.

— Луна взойдет где-то часов в десять, тогда и поплывем.

— Хорошо, сынок, — согласилась Антонина Николаевна, с трудом скрывая волнение.

Была тихая теплая весенняя ночь, такая бывает только в конце апреля. В бездонном небе висели звезды, знакомые созвездия смотрели вниз. Когда огромный красный диск луны всплыл над горизонтом, Фёдор сказал:

— Пора, мать.

Он взял весло, такое привычное и легкое. По пути он весело рассказывал матери всякие рыбацкие истории, а у рыбаков их очень много. Мать тоже пыталась подбодрить сына, не подавая и тени сомнений, рассказывала ему, как однажды, ловя рыбу с отцом, прыгнули в воду за рыбой в одежде.

Они не заметили, как прошли дамбу, и подошли к мосту. Лодка стояла на месте, и Фёдор снял замок с цепи. Сели в лодку и тут он понял, что лодкой управлять практически невозможно. Мать была тяжелее него, и нос лодки, на котором она сидела, глубоко сидел в воде, а корма, на которой сидел он, торчала над водой.

— Э нет, мать, давай поменяемся местами, — весело сказал он, — а то мы все дно носом перепашем.

Мать сразу поняла, в чем дело, и они пересели. Хоть и трудно гнать лодку задом наперед, но весла она слушалась хорошо.

— Теперь поехали, — сказал Фёдор и взмахнул веслом.

Ледоход был уже на исходе, но по реке все равно плыло много льдин, тем более опасным было то, что небольшие льдины были практически не видны из воды, но каждая из них, утыкаясь в борт лодки, сбивала ее с курса. Плыть пришлось по течению выше моста, потому что за мостом были сплошные буруны. Зрелище, которое открылось, было просто потрясающим. Льдины со скрежетом и стоном ползли на ледорезы, а те как могучие богатыри, кряхтя и скрипя, сбрасывали их со своих могучих плеч в стороны, защищая своими телами сваи. Крупные льдины были видны издали, и обойти их было несложно, хотя и это удавалось не сразу. Настоящим бедствием оказалась мелочь, которая все время скапливалась у левого борта лодки, затягивая ее под ледорезы. Фёдор боролся из всех сил, но тщетно. Пройдя очередной ледорез, он понял, что на следующий, они уже точно угодят.

— Что делать? — с отчаянием подумал он.

Мать тоже видела серьезность положения, но не подавала вида. И тут Фёдор вспомнил слова, которые часто говорил отец:

— До самого последнего момента никогда не считай положение потерянным!

Нужно было срочно искать какое-то решение. Чтобы хоть немного передохнуть он круто развернул лодку носом против течения. И выход нашелся сам собой, Фёдор просто начал лавировать между льдинами, чуть-чуть кося лодку в сторону противоположного берега. Маневр удался, хоть и медленно, но практически без риска напороться на ледорез, лодка двигалась к намеченной цели, и в лодке были два близких и родных человека, которые бесстрашно плыли и плыли к своей заветной цели.

Поезд немного опоздал, но оказалось, что Ирина приехала не сама, а с подругой Галиной. Все вместе решили дожидаться утра на станции.

Три раза пришлось Фёдору преодолевать один и тот же путь через реку туда и обратно, потому что в лодку он мог взять только одного человека. Так Ирина, затем её подруга и, наконец, мать и он сам оказались по ту сторону моста, а у Фёдора на руках начали лопаться кровавые мозоли.

Когда пришли домой, мать спросила у Ирины, как она добилась зачисления на стационар.

— Да ведь это не я добилась

— А кто же? — с удивлением спросила мать.

— Ведь ты знаешь, что Мария Яковлевна давно работает в университете, она хорошо всех знает, в том числе и ректора. Так вот, пошла к ректору и попросила за меня. Ректор у нее спросил, по поводу моей фамилии, так Мария Яковлевна сказала, что, во-первых, я не еврейка, а во-вторых, что я её племянница. Через два дня меня вызвали в деканат и сказали, чтобы я написала заявление с просьбой о зачислении на стационар, и вот со вчерашнего числа я студентка стационара.

— Ну и Мария Яковлевна, - всплеснула руками Нина Николаевна, — дай бог ей здоровья, не знаю, как ее и благодарить.

21. Что же дальше?

Экзамены за седьмой класс Фёдор сдал на отлично и получил похвальную грамоту. Все предметы, за исключением русского языка, он действительно знал на отлично. По русскому языку известная уже нам «Полундра» тоже поставила ему пятёрку. И он понимал, что это сделано в какой-то мере в знак признания того, что всего за один год он из посредственного ученика превратился почти в отличника. Конечно, дома были очень рады этому, его хвалили и отец, и мать. Это было очень приятно, но главное, что он понял то, что если чего-то очень хочешь и если, невзирая ни на что, каждый день идешь к поставленной цели, то можно добиться многого.

Впереди было лето, речка, рыбалка, радиолобительство, авиамоделизм, но мечта, которая теперь не покидала Фёдора, был мотор к лодке. Такой мотор был всего у одного рыбака на всю Двуречную. Он цеплялся к одному из бортов, и хоть лодка двигалась не очень быстро, но все-таки это было не весло. По физике в седьмом классе проходили принцип работы четырехтактного

двигателя внутреннего сгорания, и Фёдор решил сделать двигатель сам. Но для двигателя, в первую очередь, нужен цилиндр. Вскоре он нашел втулку от старого колеса сеялки и решил, что из нее можно сделать цилиндр, втулка была массивная и длинная. Нужно было ее распилить на две части. Фёдор наладил ножовку, закрепил втулку в тиски и начал пилить. Подошел отец.

— Ты что это пилишь?

Фёдор подробно рассказал отцу о своем проекте. Тот внимательно выслушал, и как-то хитровато улыбнувшись, сказал:

— Ну что ж, попробуй.

Конечно, из этой затеи ничего не вышло, хотя сил на ее осуществление было потрачено немало. И когда Фёдор уже стал взрослым, он часто думал, почему отец ему прямо не сказал, что его затея просто абсурдна при том уровне технических возможностей и знаний, которые были у него. Ведь для отца это было, конечно, очевидным. Но уже позже, когда он сам стал и крупным специалистом и руководителем, он начал хорошо понимать, что на чужих ошибках мало кто учится, а вот на своих — все.

У родителей по-прежнему не было работы, заработанные за время зимней командировки деньги, заканчивались. Нужно было что-то предпринимать. Начиналась хрущевская оттепель, это чувствовалось во всем. Можно было свободно рассказывать анекдоты, и за это уже никого не сажали. Девиз «Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения!» хоть и воспринимали с некоторым юмором, но люди были приучены верить пропаганде и многие это воспринимали всерьез. Повсеместно строились целые животноводческие комплексы, поля засеивались кукурузой на силос. «Ну, хоть не перегоним, так хоть догоним и то хорошо». Сельские жители могли получать паспорта, и этим практически заканчивалось советское крепостное право.

Однажды отец пришел домой и с восторгом показал Фёдору небольшую книжонку, на ней было написано «Кибернетика», автором ее был Норберт Винер.

— Что это за слово? — с удивлением спросил Фёдор.

— Это наука об управлении, и у нее громадное будущее, — ответил отец, — раньше эта наука была у нас практически запрещена и считалась лженаукой, впрочем, как и генетика. Надеюсь, тебе приходилось видеть в журналах карикатуры с изображением дерущихся роботов или «думающих» машин.

— Приходилось, особенно много их в «Огоньке», почти в каждом номере.

— Так вот за этими самыми роботами и думающими машинами и есть будущее техники.

— А что машина действительно может думать как человек? — удивился Фёдор.

— Ну не совсем как человек, но думать может.

— Да я никогда не поверю, что машина может думать, — опять засомневался Фёдор.

— Хорошо, если ты так возражаешь, тогда скажи мне, что означает слово «думать»?

Фёдор задумался.

— Думать это означает думать, — наконец изрек он.

— Ничего не скажешь, очень талантливый ответ. Прежде всего, если мы говорим о чем-то, то мы должны дать определение этому чему-то. Поэтому давай попытаемся определить, что мы понимаем под словом «думать», но для этого сначала давай несколько упростим задачу. Когда ты производишь сложение или вычитание, то ты определенно думаешь. Согласен?

— Да, вроде так, — согласился Фёдор.

— С другой стороны, если бы в твоей памяти ничего не было, например, если бы ты не знал, что такое цифры или числа так и думать было бы не о чем.

— Да, вроде так.

— Но знать и понимать, что такое числа еще недостаточно, чтобы произвести сложение или умножение, нужно еще знать правила, по которым производятся данные операции. Согласен?

— Да.

— Так вот, под простейшим понятием «думать» давай определим умение решать задачи, например, сложения и умножения, но как мы выяснили для этого нужна память и правила обращения с числами. Ты видел, как мы пользуемся арифмометром, да и сам умеешь на нем считать. Если хочешь, это и есть очень примитивная механическая думающая машина, потому что в память арифмометра мы вводим числа, а в самом арифмометре заложены правила их сложения, вычитания, умножения или деления, достаточно только правильно покрутить ручку.

Фёдор знал, что отец зря говорить не будет, но никак не мог понять, как это этот самый арифмометр думает.

22. Переезд.

Но вскоре мысли о думающих машинах, которые еще несколько дней вертелись у него в голове, заслонили куда более прозаические дела. Он знал, что многие жители села, живущие недалеко от плавней, вяжут из мелкого камыша маты, которые в неограниченном количестве принимали в заготовительной конторе. Фёдор понимал, что это реальная возможность материально помочь семье и решил заняться этим делом. Каждое утро он уходил в плавни и косил там мелкий камыш. После того как камыш подсыхал, он приносил его домой, и когда он окончательно высохал, вязал из него маты.

Однажды, придя домой, Фёдор увидел, что мать и отец что-то обсуждают.

— Похоже, что у отца появилась возможность найти работу по специальности.

— И где же?

— При машинотракторных станциях по всей стране вводится должность землеустроителя. Представляешь, сколько землеустроителей нужно, чтобы заполнить эти вакансии.

— Но ведь райком партии постарается, чтобы отца в нашу МТС не взяли.

— Конечно, постарается, но ведь на нашей МТС свет клином не сошелся.

— А областное управление землеустройства?

— К этой должности оно никакого отношения не имеет.

— Так что же тогда думать, нужно искать подходящую МТС.

— Да, конечно, и желательно поближе к городу, ведь там Ирина, да и твое окончание школы не за горами.

Вскоре отец нашел работу. Это был небольшой районный центр недалеко от Харькова, и назывался он Липцы. Те самые Липцы, через которые он проходил, когда шел за семьей в Золочев. В первом же письме, которое прислал он, была интересная новость. Оказалось, что председатель районного исполнительного комитета в Липцах тот самый Павел Петрович Токарь, который занимал ту же должность в Двуречной и который очень хорошо относился к отцу. Сына его Александра Фёдор хорошо знал, хотя он и был немного старше, в Двуречной они вместе занимались авиамоделизмом.

— Вот тебе и на, так значит, у меня в Липцах уже и друг есть!

— Выходит так.

Отец смог забрать семью из Двуречной только к концу учебного года, когда Фёдор заканчивал уже восьмой класс. Несколько недель они с матерью укладывали в ящики вещи и готовили к перевозке ульи. Наконец, все было готово и в канун Первомайских праздников Фёдор вдруг увидел, как к дому подъезжают две грузовые машины, это был отец. Радости его не было предела, он очень любил отца и сильно за ним скучал. Радовались все и встрече и тому, что жизнь начала благосклоннее к ним относиться.

Фёдор радовался и тому, что вскоре все они поедут на автомашинах так далеко, что будет жить на новом месте почти рядом с городом. Настроение было радостное и приподнятое. Но когда уже заканчивалась погрузка, погода испортилась, надвинулись тучи, и начал моросить дождь. Водители долго совещались - ехать или не ехать, но всем хотелось на майские праздники быть дома, и они, в конце концов, решили ехать. Машины тронулись, и Фёдор вдруг почувствовал, что он покидает что-то такое родное, такое близкое и у него защемило на душе. Не будет старых школьных друзей. Машины поднимались вгору, вот уже и окраина Двуречной.

— Остановите, пожалуйста, машину, — попросил он водителя.

С отцом они вышли из кабины, внизу как на ладони лежал Двуречная.

— Прощай, Родина!

Дождь усиливался, но водители, как ни в чем не бывало, уверенно вели машины.

— У нас водители закаленные ведь от Липец до Харькова дорога грунтовая и ездить туда им приходится в любую погоду, так что это для них семечки.

Но дождь все усиливался и усиливался. Машины начали буксовать. Фёдор видел как машина, едущая перед ними ерзает по скользкой дороге, как заносит ее вправо и влево, как из-под колес летят комья грязи, но почему-то ему все это очень нравилось.

— Какая же это дорога без приключений? — думал он.

Но вдруг у впереди идущей машины что-то затрещало, и она остановилась. Водители вышли из кабин, дождь уже стих, но дорога была грязная и разбитая.

— Что случилось? — поинтересовался Фёдор.

— Водители говорят, что полетела планетарная шестерня в заднем мосту.

— А что это значит?

— Это значит, что машина дальше идти не может и нужен ремонт.

— А запасная шестерня есть.

— В том то и дело, что нет, но если бы даже и была, то ее установка на место в полевых условиях невозможна.

— Что же делать?

— Сейчас посоветуемся и решим.

Совещание было недолгим. Водители поставили машину на донкрат, разобрали задний мост и сняли неисправный узел.

Мать с водителем неисправной машины остались в поле ночевать, а Фёдор с отцом на исправной поехали дальше. К вечеру они уже подъезжали к месту назначения.

В Липцах Фёдора поразило многое: ширина центральной улицы, обустроенность села. Ни одного дома под соломенной крышей, в то время, как в Двуречной их было большинство. А главное клуб! Громадное здание с колоннами в фойе, просторный зрительный зал с пронумерованными местами просто поразили его. Ни в какое сравнение этот клуб с Двуречанским не шел. Школа тоже была очень красивой, и Фёдору предстояло в ней учиться.

23. Новая школа.

Но, придя на первое занятие, Фёдор почувствовал себя как-то неуютно, не было вокруг знакомых лиц соучеников и учителей, все было чужое.

Экзамены были на носу, до их начала оставалось две недели. Но даже за эти две недели он почувствовал, что подготовка учеников в новой школе, по крайней мере, по физике, математике и химии хуже, чем у его сверстников в Двуречанской.

Все эти впечатления не заставили себя долго ждать, все экзамены Фёдор сдал на отлично, а по русскому сочинению получил двойку. Пришлось все лето ходить на дополнительные занятия по русскому языку. Но он тогда еще не понимал, что строгий учитель это большое благо, потому что в жизни нужны не приятные воспоминания, а знания. Учительницу русского языка он, естественно, невзлюбил.

Совсем рядом с Лпцами было небольшое село Варошиловка, там было русскоязычное население и русскоязычная школа. Получив на переэкзаменровке тройку, Фёдор дома заявил, что больше в Липецкую школу не пойдет, а будет переходить в Варошиловскую. Родители отговаривать его не стали, и он отнес свои документы туда. Но каково же было его удивление, когда придя в девятый класс, он узнал, что русский язык в его классе преподает ни кто иной, как дочь той самой строгой учительницы Губа Мария Алексеевна, от которой он ушел. Более того, она была еще и классным руководителем, и оказалось, что она еще строже своей матери. Но отступить было некуда. Языки всегда давались Фёдору плохо, скорее всего потому, что он их не любил. Но с какой благодарностью, будучи уже взрослым человеком, он всегда вспоминал свою классную руководительницу, прежде всего за то, что она сделала из него грамотного человека, научила его не только грамотности, но и любить русский язык.

Навыки и знания в области радиолюбительства скоро пригодились. Учителем физики был Александр Иванович Самков, и Фёдор с ним быстро подружился, по этому предмету он был первым учеником в классе. Вскоре они вместе организовали радиокружок, а еще через некоторое время решили своими силами сделать школьный радиоузел.

Но однажды Александр Иванович буквально поразил его воображение, да и не только его. В школе, естественно, как и во всех других школах была перекладина и на переменах мальчишки, в том числе и Фёдор, конечно, упражнялись на ней. Но все школьники на перекладине умели делать только простейшие упражнения. И вот однажды, на большой перемене, когда около перекладины стояли мальчишки, подошел Александр Иванович. По всему было видно, что спорт для него не в новинку, он был коренаст, плотно сложен и бицепсы на его руках так и играли.

— Чем занимаетесь? — спросил он.

— Да вот тренируемся, — ответил кто-то.

— А можно мне попробовать? — весело спросил учитель физики.

Он подпрыгнул, схватился за перекладину и одним махом оказался на ней. Сделав мощную отмашку назад, он вытянул руки и начал крутить солнце. Изумленные мальчишки, не шевелясь, стояли у перекладины. Сделав десяток оборотов, Александр Иванович ловко спрыгнул на землю.

— Ну что, ребята, если хотите, буду вас учить не только физике.

Захотели, конечно, все. Крутить большие обороты или, как их называли солнце, вещь не простая, и, чтобы научиться это делать, нужно много тренироваться. Чтобы хорошо работать на перекладине нужно не только желание и

упорство, конечно, очень желательно иметь еще и определенные физические данные. Именно все это оказалось и у Фёдора и у Анатолия Мудрова, его одноклассника. Часто до крови натерты, а иногда и сорванные, очень плохо зарастающие мозоли на руках, постоянная боль в мышцах, ничто не могло остановить. Если другие мало помалу начали выпадать из обоймы, то Анатолий и Фёдор тренировались сколько хватало сил. Однажды Александр Иванович, посмотрев на то, как они на перекладине делают упражнения, сказал:

— Скоро, ребята, будете крутить большие обороты, главное первый раз перевалить через перекладину, хоть даже на согнутых руках. Все зависит от того, насколько сильный мах назад может сделать спортсмен.

Вот этот мах Анатолий делал лучше Фёдора. На одной из перемен Анатолий начал упражнения первым. Он долго примерялся, и вдруг сделал такую отмашку назад, что почти стал на перекладине на вытянутых руках. Именно такую отмашку делал всегда Александр Иванович, когда начинал крутить большие обороты.

— Ну, давай! — закричал Александр Иванович.

Тело Анатолия как пушинка понеслось вниз. На вытянутых руках он достиг верхнего положения и буквально в этом положении почти остановился. Еще мгновение и тело Анатолия опять понеслось вниз, но второй оборот он сделать не решился. Еще несколько недель понадобилось Фёдору, чтобы догнать Анатолия, но к концу девятого класса они уже оба отлично крутили солнце. Примерно к этому же сроку был готов и школьный радиоузел.

— Внимание, внимание говорит школьный радиоузел Варошиловской средней школы! - начал первую передачу Фёдор.

24. Мисевра.

Дома своего у семьи не было, и они жили на квартире. Первую квартиру они снимали у некоего Алексея Петровича Мисевры, который был очень своеобразным человеком. Сам он был осужден в свое время по политической статье якобы за то, что агитировал не покупать облигации займа. После отбывания срока ему было запрещено жить в Харькове, и поэтому он жил в Липцах. В городе у него был собственный дом и там жила его законная жена, которую он довольно часто навещал. В Липцах у него тоже был собственный дом, в котором он жил вместе с незаконной женой, которую звали Кузьминична. Кузьминична работала продавцом в ларьке, и когда она приходила с работы, Алексей Петрович ее сразу же спрашивал:

— А кто тебя сегодня провожал с работы?

— Алешенька, да никто меня не провожал.

— А я точно знаю, что провожал.

— Я тебе клянусь, никто меня не провожал.

Эти разговоры по поводу провожатых длились иногда по часу, и так каждый день.

У Алексея Петровича была тихо помешанная двоюродная сестра, которая иногда приезжала к нему погостить. То, что она тихо помешанная знали все. В момент приступа ей начинало казаться, что с потолка льется кровь Христа. Когда на нее находило такое состояние, Алексей Петрович начинал ей читать проповедь. Начинал он вполне благопристойно рассказывать, а в бога он и сам верил. Он начинал объяснять сестре, что Иисус все видит и все знает, что он добрый, что никакая кровь с потолка не течет. После такой проповеди сестра начинала заходиться еще сильнее. Тогда Алексей Петрович начинал прибегать к более внушительным формам убеждения.

— Ах ты, старая курва, ты что не понимаешь, что Христос все видит, все знает, всем помогает.

— Кровь, кровь течет, — еще сильнее плакала сестра.

— Распро... твою мать, да тебе что повылазило, что ли, старая сука, ты что не понимаешь, и т.д. и т.п.

Тут Алексей Петрович совсем выходил из себя, и семиэтажные выражения разносились на всю улицу. До этого Фёдор ничего подобного не слышал, и ему становилось непосебе.

Но кроме недостатков у Алексея Петровича были и хорошие качества. Он был прекрасным специалистом-механиком, у него была прекрасная мастерская. Такого обилия разнообразных инструментов Фёдор никогда не видел. В мастерской был даже свой горн, в котором можно было калить и нагревать различные заготовки.

Алексей Петрович нигде не работал, а зарабатывал тем, что покупал старые швейные машины, ремонтировал их, а затем продавал. Ремонтировал он также музыкальные инструменты и вообще все, что ему приносили на ремонт. Сам он был общительным человеком и охотно делился с Фёдором своими навыками в слесарном деле. Но Алексей Петрович был не только прекрасным специалистом, но и в какой-то мере новатором, не лишенным, как все новаторы, некоторых чудачеств.

Он держал кролей, а за травой для них нужно было ездить достаточно далеко. Он соорудил тачку на велосипедных колесах, цеплял их к своему велосипеду, на тачку сажал свою Кузьминичну, которая весила килограммов за сто, и они ехали за травой. Но еще более впечатляющее зрелище открывалось, когда они возвращались обратно. На копне травы сидела Кузьминична, а Алексей Петрович, обливаясь потом, крутил педали. Конечно, в селе такие его действия вызывали различные пересуды, но на это он никакого внимания не обращал.

Ульи, которые родители Фёдора привезли из Двуречной, стояли рядом с домом, и Алексей Петрович все время присматривался к пчеловодному делу. Фёдор тоже умел ухаживать за пчелами и рассказывал ему, как это делается. По всему было видно, что Алексей Петрович присматривается к пчелам не зря. Однажды он прибежал домой запыхавшись, и закричал:

— Фёдор, в лесопосадке около леса сел рой, поехали его поймать.

— А далеко это?

— Да километров пять, но это на горе. Я там вокруг уже все кусты вырубил. Поехали.

Фёдор отказать Алексею Петровичу не мог и согласился.

— Но нам нужно взять с собой роевницу.

— Бери и поехали. Садись с ней на багажник.

Фёдор сел на багажник велосипеда. Без всяких передышек, не вставая с велосипеда, Алексей Петрович выехал на гору, и через пол часа они были уже на месте. На несколько метров вокруг того места, где сидел рой, кустарник был вырублен, но роя уже не было.

— Не нужно было рубить кусты, рой испугался и улетел.

Хоть рой тогда они и не поймали, но с тех пор Алексей Петрович стал заядлым пчеловодом и завел себе пасеку.

Фёдор никогда не видел и не слышал, как работают часы с боем. Но однажды он услышал очень мелодичные звуки боя часов.

— Что это? — спросил он у Алексея Петровича.

— Красил крышу одной женщине, так она со мной за это часами расплатилась.

С тех пор слышно было, как каждый час часы мелодично отбивали время.

Мог ли подумать тогда Фёдор, что долгие годы эти самые часы висели над кроватью его будущей любимой Галины, его друга и соратника, его будущей жены. Похоже, что с мелодичного боя этих часов и началась их дружба, и этот мелодичный бой и был их собственной жизнью, хотя, конечно, мелодичность эта иногда и нарушалась жизненными неурядицами, которых в их жизни было предостаточно.

25. Светильник.

Вскоре родители поменяли место жительства. Они сняли квартиру недалеко от речки, а такая, хоть и маленькая, все-таки в Липцах была. Отец решил строить собственный дом и, конечно, выбрал себе участок недалеко от реки.

Одной из определяющих черт характера Федора Фёдорович была чрезвычайная аккуратность. Все он делал очень аккуратно и тщательно. Но такой подход приводил к тому, что начатое дело он делал чрезвычайно долго, и поэтому был человеком очень непрактичным. Если добавить к этому, что он был безукоризненно честным человеком, то можно представить, чем стало строительство дома для их семьи.

Купленный кирпич и пиломатериалы лежали нереализованными годами и их разворовывали. Отец работал землеустроителем в МТС, а мать преподавала в вечерней школе математику. Но денег, конечно, всегда не хватало. Жили плохо, одевали Фёдора хуже всех в классе. Отец всегда и всецело был занят работой, и на домашние дела у него времени не хватало. Как-то в разговоре с отцом, Фёдор сказал ему:

— Ты, знаешь, люди говорят, что мы не умеем жить.

Отец строго посмотрел на Фёдора и спросил:

— Ты что предлагаешь мне воровать?

После этого Фёдор больше никогда на эту тему с отцом не говорил, но себе пообещал, что, когда вырастит, то в его поле зрения, в первую очередь, будет семья и его близкие, а все остальное будет только средством для того, чтобы его близкие ни в чем не нуждались. И еще Фёдор твердо решил, что мужик должен быть мужиком и что не чуждо мужику выпить и рюмку водки, и побуяннить и подраться.

На улице, где жила семья, жил еще один совсем уж обездоленный парень такого же возраста как он. Звали его Иван Дрантё, ходил он всегда оборванный. Отца у него не было, мать пила. И этот самый Дрантё очень привязался к Фёдору. Все его как-то сторонились, но родители Фёдора, да и он сам относились к нему очень доброжелательно, и Иван это чувствовал.

С электроснабжением в те времена было очень плохо. Электроэнергию включали только вечером, и то напряжение было такое, что лампочка еле горела. Случалось, что электричество и вечером не включали. Видя, как ярко горит у сварщиков пламя ацетиленовой горелки, Фёдор задался целью сделать ацетиленовый светильник, тем более что в МТС всегда можно было достать карбид. Он попросил об этом отца, и тот принес ему карбид. Запах, конечно, у карбида не из приятных. Он достал консервную банку, проколол в ее дне отверстие, налил в тарелку воду, бросил туда карбид и накрыл банкой. Светильник был готов. Фёдор понимал, что теперь и запаха не будет, и выходящий из отверстия в дне банки ацетилен будет гореть ярким пламенем. Он зажег спичку и поднес к отверстию. То, что произошло дальше, превзошло все его ожидания. Раздался громкий взрыв, банка взлетела вверх, в кровь разбив пальцы, вода с карбидом разбрызгалась по всей комнате.

— Ну и дурак же я, ведь в банке то гремучая смесь образовалась, вот и рвануло.

Когда на следующий день к нему пришел Иван, Фёдор предложил:

— Иван, около нашего дома завтра бабы на базар будут идти, давай их напугаем.

На том и порешили. Но была одна проблема, которую нужно было решить. Как незаметно взорвать банку было неясно, не было бикфордова шнура, да и если бы и был, то горит он так, что сразу его можно заметить. Начали экспериментировать. Попробовали суровую нитку намочить бензином, но пламя по ней двигалось слишком быстро. В конце концов, оказалось, что наиболее подходящей смесью является бензин, керосин и воск. Смешивая их в разных пропорциях, можно было добиться разной скорости горения нити. Большого труда не составило подсчитать необходимую длину нити и время ее поджога с учетом средней скорости ходьбы баб. Чтобы взрыв был сильнее, нашли большую жестяную банку из-под халвы.

Посреди дороги, напротив дома, где жил Фёдор, была громадная лужа. Найдя длинную хворостину, они подвесили к ней нитку и на рогульках по-

ложили над лужей. Затем бросили в лужу карбид и начали ждать. Вскоре в начале улицы появилось несколько женщин. Фёдор быстро поставил банку на то место, где из воды выходили пузырьки ацетилена, а Иван поджег нить. Сами они спрятались за забор и начали в щель смотреть на дорогу.

Нить горела слабым, еле заметным пламенем, которое медленно ползло по ней. Бабы приближались, и едва они миновали лужу, раздался страшный взрыв, как будто на улице взорвалась бомба. Грязью из лужи облило баб, и они от страха поприседали. Одна из них уронила бидон с молоком. Еще больше они испугались, когда банка с большой высоты опять шлепнулась в лужу. Бабы похватили свои корзинки и побежали в сторону базара. Фёдор и Иван тоже насмерть перепугались и по-пластунски поползли через двор в огород. Просидели они там минут двадцать, и тут Фёдор понял, что банка из-под халвы и хворостина, лежащие в луже, являются вещественными доказательствами. Подойдя к калитке, он выглянул на улицу. Там никого не было. Он быстро забрал банку и хворостину и вытащил рогульки.

— Ну, Иван, если узнают, что это наша работа, мы пропали, так что держи язык за зубами.

То, что это была их работа, так никто и не узнал, но на улице все начали говорить, что в луже взорвалась граната, и что баб чуть не поубивало.

После этого случая Фёдор зарубил себе на носу, что всяким шуткам должен быть предел, а то и за решетку можно угодить.

26. Снова переправа!

Речушка в Чипцах была небольшая и лодок там ни у кого не было, потому что плавать на лодке было практически некуда. Но вот в половодье река сильно разливалась, по ней шел лед, как по большой реке, и жители иногда со страхом смотрели, как Фёдор вместе с Иваном плавают по ней на лодке среди плывущих льдин.

Сразу после половодья в сеть очень хорошо ловилась щука, и вместе с Иваном они постоянно ездили рыбачить. Вообще-то это занятие было небезопасное. Воды было еще достаточно много, и на самой реке было быстрое течение, рыболовы были обычно одеты в фуфайки и в резиновые сапоги. При этом боевую сеть нужно было расставить вдоль прибрежных кустов или камышей, а затем выбрать ее и так несколько раз. Но у Фёдора был большой опыт, и они никогда не переворачивались. Для него все-таки эта река по сравнению с Осколом была большой лужей.

Но однажды, все-таки, ему пришлось продемонстрировать всем Липцам, что он не даром вырос на большой реке. Случилось так, что мост, соединяющий центральную часть Липец с тем местом, где была расположена МТС, на зиму разобрали и начали строить новый мост.

Зима выдалась очень теплая и в феврале месяце после сильного дождя река совершенно неожиданно разлилась. Утром еще как-то можно было пе-

ребраться с одного берега на другой, а уже к обеду началось настоящее половодье. Отец на обед пришел домой.

— Ты знаешь одна из наших сотрудниц с трудом сегодня попала на работу, а на той стороне у нее остались дети, домой попасть никак — река разлилась. Может как-то поможем?

— Нет вопросов, что ты не знаешь, что наша лодка все умеет.

— Тогда я после обеда возьму машину в МТС, отвезем лодку к мосту, и ты ее перевезешь. Согласен?

— Конечно!

Пришла машина, лодку погрузили, Фёдор сел в кабину. Но когда приехали к мосту оказалось, что с обеих сторон моста стоит уйма народу. В такую ситуацию, как сослуживица отца, попали многие. Лодку спустили на воду. Все с недоумением смотрели на происходящее.

— Не бойтесь? — спросил он у женщины.

По лицу было видно, что она боялась. Течение было сильное, по реке плыли отдельные льдины.

— Не бойтесь, все будет в порядке, главное сидите спокойно и не шатайте лодку.

Фёдор посадил женщину на корму, сам сел на нос.

— Будем плыть задом на перед, — пояснил он, — так как вы тяжелее меня.

Он столкнул лодку с берега, сел в нее и взял весло.

На обоих берегах воцарилось молчание, слышно было только, как под мостом шумит вода. Места для особого маневра не было. Справа было здание комунхоза, а на другой стороне в воде, правее моста, росло много деревьев, так что плыть нужно было совсем недалеко от моста, на бурном течении. Фёдор прекрасно знал, что нужно в этом случае делать. Но, как только он вырулил на быстрое течение, на противоположной стороне моста из толпы выскочил мужик и неистовым голосом закричал:

— Куди ж ти їдеш, сукин син, ти ж її втопиш!

Начали кричать и другие. Но Фёдор, не обращая внимания на крики, спокойно дела свое дело. На попутчице не было лица. Не прошло и пяти минут, как он был уже на другой стороне. Женщину и его окружили.

— І мене, і мене, — упрашивали Фёдора.

Несколько часов подряд лодка курсировала взад - вперед.

Хлопец, а чого ти грошей за переправу не береш? — спросил один из пассажиров.

Фёдор посмотрел на него:

— Не приучен!

Мозоли на руках начали лопаться.

— Не могу больше! — наконец сказал он.

— Та ми самі, чи й не хитрість, — съязвил кто-то из желающих переправиться.

— Держите! — сказал Фёдор и подал весло.

Два мужика бодро сели в лодку. Сразу было видно, что далеко они не уплывут, но доказывать им это было бесполезно. Фёдор только сказал:

— Я бы на вашем месте не плыл.

— Та бачили ми таких, — опять съязвил один из них.

Не доплыв до середины реки лодка перевернулась и оба мужика, бросив ее, вплавь с трудом добрались до противоположного берега. Лодка же поплыла по течению. Только на следующий день ее с трудом удалось выловить далеко внизу по течению.

27. Грузчики.

Все радиолюбители – фанатики. Радиодетали для них дороже всяких денег, и Фёдор по крупицам собирал детали для своего супергетеродинного приемника. Мать пообещала:

— Закончишь девятый класс с похвальной грамотой – дам 100 рублей на радиодетали.

К концу девятого класса приемник был почти готов, но не хватало радиоламп и динамика. За девятый класс похвальную грамоту Фёдор не получил, опять подвело русское сочинение, по которому он получил четверку. Конечно, за девятый класс он сделал громадный шаг вперед по русскому правописанию, но понимал, что четверку получил заслуженно и на Марию Алексеевну не обижался.

Впереди было целое лето. Хотелось закончить приемник, но денег не было. Однажды, придя с работы, отец сказал:

— У нас в МТС начинается крупное строительство, нужны грузчики на автомашину, не хочешь поработать?

— Хочу, — не очень раздумывая, ответил Фёдор, — а можно и Ивана туда устроить?

— Думаю, что можно.

Через два дня он на грузовике вместе с Иваном уже ехал в город за кирпичом. Ездили они каждый день, и вот тут Фёдор и начал понимать почему она копеечка. Работа была очень тяжелая. На заводе каталей (так называли рабочих, которые на тачках вывозили кирпич из печей) не хватало и горячий кирпич приходилось выгружать прямо из печи. Опыта не было. Тачку с кирпичом из печи нужно было везти по узкой стальной ленте, и если колесо соскакивало, то ее приходилось разгружать, а потом опять загружать. Приходя домой вечером, Фёдор буквально падал, а с рассветом опять нужно было ехать, чтобы во время занять очередь на кирпичном заводе. Но постепенно в работу и он, и Иван начали втягиваться. Шоферы их любили и всегда просили именно их на свой рейс.

Фёдора больше всего удивляло то, что грузчикам платили не только за погрузку, но и за километраж. Значит, чем дальше едешь, тем больше получишь. И особенно они любили ездить за известью. Известковые заводы, где из мела путем отжига в специальных печах делали негашеную известь, были

в другом районе, и туда ехать было далеко. Более того, сама погрузка была очень простой. Под печь, очень похожую на доменную, только меньших размеров, подгоняли машину, затем открывали створки, и куски извести падали в кузов. Вот и вся погрузка. Единственным неприятным обстоятельством было то, что на обратном пути кому-то приходилось ехать в кузове, а известь сильно пылила от чего потом очень сильно слезились глаза. Ездили с Иваном в кузове по очереди.

Конечно, пацаны есть пацаны, и им очень хотелось когда-нибудь попробовать хоть немного поводить машину. Когда водителей не было, они садились в кабину, включали первую скорость и нажимали на стартёр, машина медленно начинала двигаться, и это доставляло им море удовольствия. Однажды это заметил водитель.

— Хлопці, цього не робіть, бо аккумулятор посадите.

Фёдор и сам прекрасно понимал, что для аккумулятора эта процедура не подарок, и после замечания водителя они больше этого не делали. Но однажды случилось непредвиденное. После того, как они привезли и разгрузили очередную партию извести, водитель сказал, что отлучится на пол часа и что затем они еще должны куда-то ехать. Фёдор уже прекрасно знал, как заводится машина и как включаются скорости и как пользоваться сцеплением.

Посидев немного в кабине, он предложил Ивану:

— Давай попробуем поездить.

— Давай.

Фёдор сел за руль, отжал сцепление, завел машину и включил первую скорость. Не учел он только одно обстоятельство. Машина стояла таким образом, что ее передние колеса были сильно вывернуты и смотрели прямо на кучу извести. Он нажал на газ и отпустил сцепление. К его недоумению машина как сумасшедшая устремилась прямо на известковую кучу. И в этот же момент Фёдор с ужасом увидел, что с пола кабины клубами повалил белый дым. Он испугался и еще сильнее нажал на газ. Машина уткнулась носом в известковую кучу и заглохла. Чихая и кашляя, они вылезли из кабины. Оказалось, что это был не дым, а известковая пыль, которую вентилятор радиатора разогнал по всему мотору и кабине.

Подошел шофер и ахнул.

— Що ж ви хлопці нароби́ли! — и добродушно добавил, — Тепер самі машину мить будете.

— Вот спасибо вам, только и сказал Фёдор.

Заканчивалось лето. он окреп и возмужал. На перекладине он мог спокойно делать 20-30 оборотов. Мышцы становились все тверже и крепче.

Он стал вынослив как хороший грузчик. Однажды отец пришел домой и сказал:

— Я разговаривал в отделе кадров, обещали выдать тебе трудовую книжку.

За лето Фёдор прилично заработал. Купил все недостающие для приемника детали, а остальные деньги отдал матери.

В трудовой книжке, которую он получил, красовалась запись:
«Зачислен на строительство МТС грузчиком на машину».

28. Друг Виктор.

Начался новый учебный год, решающий 10-й класс. Фёдор как прежде ходил в школу, учился он хорошо, дружил с учителем физики, занимался на перекладине, заканчивал сборку и настройку приемника. Когда приемник был закончен и настроен, он натянул во дворе антену. С замиранием сердца включил тумблер и повернул ручку настройки. И вдруг по всей комнате разнеслась песня «Широка страна моя родная...». Он продолжал крутить ручку настройки.

— Сколько же станций он берет?

Включил коротковолновой диапазон. В динамике раздался рев.

— Глушитель? - подумал он и немного повернул ручку настройки, сквозь шум глушителя Фёдор отчетливо услышал: «Вы слушаете голос Америки из Вашингтона».

Трудно было поверить, но приемник прекрасно работал на всех диапазонах и принимал множество станций. Можно было, хотя и с сильными помехами, слушать и голос Америки и радиостанцию Свобода, Би-би-си.

Как-то раз мать сказала ему:

— А ты знаешь? Недалеко от нас живет мальчик, который тоже учиться в десятом классе, но ходит в Липецкую школу. Говорят он очень хороший мальчишка. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

— С удовольствием.

В школу он ходил в другое село, и по этой причине в Липцах у него друзей не было.

Парня звали Виктор, он был худощав с добрым улыбающимся лицом.

— Знаешь, Виктор, я ведь радиолобитель, — похвастался Фёдор, — хочешь, покажу приемник, который я сам сделал.

Он повел Виктора в комнату и включил приемник. В то время даже приемник в селе был в диковину. У Виктора загорелся глаза.

— А я сумею такой сделать, — смущенно спросил он.

— Конечно, я и деталями могу тебе помочь.

В молодости люди сдруживаются очень быстро и эта, родившаяся очень быстро дружба, порой остается на всю жизнь. Так было и на этот раз. Однажды Виктор пришел в гости и застал его за работой.

— Что ты делаешь.

— Да вот хочу перекладину соорудить, а то в школу ездить далеко, хочется, чтобы своя была.

— А, ты что спортом занимаешься?

— Да, в основном на перекладине, меня наш учитель физики уже даже солнце крутить научил.

— Да ну! — не поверил Виктор.

— Могу показать.

Они сели на велосипеды и поехали. Уже вечерело, но было еще достаточно светло. Фёдор ехал впереди по уже знакомой дорожке, Виктор ехал сзади. Ездили они, конечно, на велосипедах быстро и лихо. Вот уже за очередным поворотом и школа. И вдруг Фёдор услышал, что сзади что-то сильно лязгнуло, а через несколько мгновений он услышал звук, как будто бы что-то тяжелое упало на землю. Он оглянулся. Около самого поворота лежал велосипед, а еще в метрах в пяти впереди на дорожке сидел Виктор.

— Что случилось? — в недоумении спросил Фёдор, подъехав к нему.

— Да вот какая-то зараза около самой дорожки лом забила, а я не заметил и педалью зацепился. Так меня через руль перенесло, а после сальто я прямо тут вот и приземлился.

— Слава богу, хоть еще на мягкое место.

Дело случая играет в жизни человека очень важную, иногда даже решающую роль, и в этом Фёдор на протяжении всей своей жизни убеждался не один раз. Встреча с Виктором предопределяла, по крайней мере, два момента. Во-первых, для Виктора встреча с ним и знакомство с супергетеродинным приемником предопределила его дальнейшую судьбу, в лице же Виктора Фёдор на всю жизнь приобрел хорошего друга.

27. Медалисты.

В Ворошиловской средней школе никогда ранее не бывало медалистов. Контроль за выдачей медалей был в то время очень строгим. Облоно запрашивало не только контрольные работы, но и журналы тех классов, ученикам которых выдавались медали. По всему видно было, что школа готовится к тому, чтобы впервые выпустить из своих стен медалистов. Классный журнал был обернут в белую бумагу, чтобы к концу года он не выглядел потрепанным. Но, конечно, причиной тому был не Фёдор. В одном классе с ним учился сын директора школы Анатолий Удовиченко, и это, конечно, было основной причиной. Кроме него и Фёдора в классе было еще два отличника Виктор Черкашин и Станислав Пароша..

Наступили выпускные экзамены. Фёдор прекрасно понимал, что по всем предметам, в том числе и по русскому языку, он вполне заслуживал отличных оценок. Но, если по математике контрольная работа подлежит совершенно объективной оценке, то по сочинению всегда можно поставить четверку, если даже сочинение написано на пятерку. И директор школы, по видимому, решила не рисковать, заявляя первый раз золотые медали для выпускников, и это был вполне правильный шаг. Все четверо получили серебряные медали. Четверку Фёдор получил по сочинению. Куда поступать было ясно. Ирина в то время уже четыре года училась на радиофизическом факультете Харьковского госуниверситета, который был закрытым факультетом, и его в справочниках просто не было. Этот закрытый факультет был образован в свое время из студентов физико-математического факультета, ко-

гда лучшим его студентам предложили по желанию избрать новую перспективную специальность. Подготовка на этом факультете была основательная. Наряду с целым рядом фундаментальных курсов, таких как термодинамика, электродинамика, квантовая механика, читался целый ряд спецкурсов по электротехнике, радиоэлектронике, измерительной технике, физике СВЧ и др. Учеба Ирине нравилась и, зная увлечения брата, она советовала и Фёдору поступить именно на этот факультет.

В то время выпускники, окончившие с золотой медалью, проходили собеседование, а с серебряной медалью нужно было сдавать экзамены по профильным предметам, в данном случае по физике письменно и устно.

— Хочешь поступить в университет? - спросил у Фёдора отец.

— Хочу.

— Ты знаешь, какие сейчас конкурсы?

— Да, говорят, что больше десяти человек на место.

— Как ты понимаешь, подготовка в городских школах значительно основательнее, чем в сельских, поэтому для тебя конкурс будет еще больше.

— Так что, может и не пытаться, пойду работать?

— Плох тот солдат, который не хочет стать генералом. Хочешь поступить, возьми задачник Знаменского по физике и реши все задачи от корки до корки, тогда поступишь.

Делать было нечего, Фёдор знал, что отец даром советовать не будет, и взялся за задачник.

Абитуриентами с серебряной медалью была набита Бекетовская аудитория, одна из самых больших аудиторий старого корпуса. Все задачи были трудные И Федор их до сих пор помнит напамять.

Электрон с заданной скоростью влетает между двумя пластинами с заданными размерами. Давалась также разность потенциалов между пластинами, следовало узнать, ударится ли электрон о пластины.

Системы СИ тогда еще не было, и задачу следовало решать в системе CGSE, при этом нужно было хорошо знать все размерности и переводные коэффициенты.

На закреплённом обруче, в верхней его части лежит шарик. Определить на какой высоте он оторвётся от обруча, если считать, что он соскальзывает без трения.

В воду с заданным весом и с заданной температурой бросают кусок льда с заданной температурой и с заданным весом. Определить температуру конечного продукта.

Коварство последней задачи заключалось в том, что теплоёмкости воды не хватало, чтобы растопить весь лёд.

По письменному экзамену Фёдор получил четверку, а три четверти абитуриентов после этого экзамена отсеялись. Допустили к следующему экзамену только тех, кто сдал письменный на 4 и 5.

Устный экзамен у Фёдора принимал очень приятный молодой человек, фамилия его была Благой. Судьба сложилась так, что с этим самым Благой Фёдору пришлось потом многие годы работать в одном и том же институте, и они были в очень хороших отношениях, но, конечно, тогда этого он ещё не знал.

Последним вопросом в билете был опыт Майкельсона по определению скорости света. Фёдор хорошо знал постановку самого опыта, но точные цифры, которые получены во время эксперимента, не помнил. После того как он ответил на этот вопрос, Благой спросил:

— Так все же, какое значение скорости света было получено Майкельсоном.

И Фёдор не задумываясь, назвал первую, пришедшую ему в голову цифру, близкую к реальной скорости света. Экзаменатор улыбнулся.

— Хвалю за сообразительность, — сказал он и взял зачетный лист.

— Ставлю вам пятерку!

На крыльях вылетел из аудитории Фёдор, он понимал, что практически уже в университете. Но все-таки нужно еще было ждать решения приемной комиссии.

Фёдор с Ириной сидели около деканата и о чем-то разговаривали, как вдруг Ирина сказала:

— Наш декан!

К ним приближался достаточно молодой человек с круглым добродушным лицом. Он был с палкой и хромал, видимо у него вместо ноги был протез. Ирина встала и обратилась к нему.

— Здравствуйте, Алексей Иванович.

Декан улыбнулся и тоже поздоровался.

— Алексей Иванович, это мой брат, он медалист и сдавал вступительные экзамены на наш факультет.

— А какие оценки получил?

— Письменный - четыре, устный - пять.

— Принят, — спокойно ответил декан и пошел дальше.

Сомнений больше не было, можно было ехать домой, и отдыхать все лето.

Решение приемной комиссии вышло вскоре, но оказалось, что все зачисленные должны были еще месяц отработать на стройке университета.

Так началась студенческая жизнь.

Ирина перешла уже на пятый курс, и ей дали общежитие, а он поселился у той же Марии Яковлевны, у которой жила Ирина.

«Студенческие годы и лыжные походы, и шумный молодежный карнавал» и даже нечто большее – все это было в этой студенческой жизни.

30. Станция Каланчак.

Сразу же после отработки на стройке и двух недель занятий весь курс поехал на два месяца работать в колхоз. Вот здесь и начали будущие однокурсники узнавать друг друга и друг к другу притираться. Среди поступивших большинство были городскими, иногородних и из села было очень мало, но ребят из села было сразу видно, к ним принадлежал и Фёдор. Он сразу почувствовал разницу, и это его первое время сковывало. Конечно, городские были более развиты, более уверены, более остры на слово, и было чему учиться у них и чему подражать. Небольшой процент поступивших составили ребята после армии и еще старше. Эти тоже выделялись среди всех. Они были гораздо серьезнее и казались совсем взрослыми.

К счастью, к месту назначения пришлось ехать не в теплушках, как на первые комсомольские стройки, а в плацкартных вагонах, где у каждого было свое спальное место. Курс состоял в основном из мальчишек, и на курсе было всего несколько девчонок. Все знали, что конечным пунктом является Херсонская область, станция Коланчак. Ехали почти двое суток, причем, когда приехали на конечную станцию, всем почему-то показалось, что солнце всходит не на востоке, а на западе. По-видимому, где-то по пути следования локомотив перецепили, и состав поехал в обратную сторону. Так или иначе, но избавиться от чувства, что солнце всходит не там, где нужно, удалось не сразу.

Были хрущевские времена, время всяких нововведений в политике и жизни общества. Хрущев был ярким сторонником кукурузы, и хозяйства начали осваивать эту культуру. Но технических средств для ее уборки не было, и для этих целей использовали студентов. Курсу выделили кукурузное поле, и началась уборка. И тут на курсе поняли, что по скорости сбора кочанов Фёдору на курсе нет равных, он успевал иногда выполнить норму до обеда. Единственно, кто хоть как-то с ним тягался, был бывший моряк Ваня Вольвач, оказалось, правда, что до срочной службы на флоте, он работал на заводе токарем. Ваня был очень представительным парнем, и уже вскоре у него появилась местная симпатия, опыт в этом вопросе у Ивана уже был достаточный.

Фёдор ни красотой, ни представительностью, ни подобным опытом не отличался, впрочем, как и большинство его однокурсников. Вечерами они обычно играли в карты или домино, и здесь Фёдор впервые увидел, как играют в преферанс. Он не сразу понял вкус в этой игре, но когда научился, понял, что она ничуть не хуже шахмат. Жизнь текла довольно однообразно, кормили хорошо, молока и арбузов было вдоволь. Электричества, и, следовательно, музыки не было. В конце концов, собрали деньги и решили купить обычный патефон. Делегацию из трех человек, в которую вошел и Фёдор, отправили за патефоном в Новую Каховку. Он никогда до этого не видел такой большой реки и, конечно, Днепр его потряс. Удивительно красивый парк над рекой, а дальше море воды и плывущие по этому морю корабли. Грязные

маленькие буксиры толкали перед собой громадные баржи, а белые величавые теплоходы везли веселых пассажиров. Днепр, парк в Новой Каховке, буксиры и теплоходы запомнились Фёдору на всю жизнь.

Комплект старых затертых пластинок взяли у тетки одного из студентов, которая жила в Новой Каховке. Это были пластинки еще довоенного времени. Накрутили патефон и поставили одну из них.

На карнавале под сенью ночи
Вы мне шептали, люблю вас очень!
Запел незнакомый голос.

Не обошлось в колхозе и без инцидентов. Один из местных хулиганов начал приставать к однокурснице. Дошло дело до того, что в присутствии одного из студентов, звали его Володя, он ударил ее по лицу. В ответ на это Володя отвел его в сторону и там начал уговаривать больше так не делать.

— Что ты за мужик? — сказал ему как-то Фёдор. — При тебе девченку бьют, а ты его уговариваешь. Нужно было дать ему хорошенько.

— Так их там трое было!

— Хоть десять, все равно нужно было драться. Пускай бы даже избили до полусмерти, так хоть лицо бы не потерял.

Студенческая жизнь - полная свобода, хочешь ходить на лекции - ходи, хочешь не ходить - не ходи, хочешь писать конспекты - пиши, хочешь не писать - не пиши. Никто за тобой не присматривает, никто уроки учить не заставляет. Но она-то, эта полная свобода, многих студентов и погубила.

Первую сессию Фёдор сдал на все пятерки, только по математике получил четверку, хотя на лекции практически не ходил. Сказывалась хорошая школьная подготовка. За вторую сессию была только одна пятерка, остальные были четверки. Так продолжалось до середины третьего курса, когда в зимнюю сессию он получил первый неуд.

Но оценки оценками, а студенческая жизнь студенческой жизнью, как в той старой студенческой песне: «Студент бывает весел от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год».

31. Под фикусом.

В те годы престиж высшего образования был очень высок, но количество абитуриентов было несоизмеримо больше, чем количество мест в высших учебных заведениях, страна только начинала создавать мощную сеть высшего образования. Многие выпускники, особенно из сельских школ, в связи с большими конкурсами, даже и не пытались поступать в высшие учебные заведения. Только Фёдор из Ворошиловской средней школы поступил в университет. Пароша и Удовиченко поступили в сельскохозяйственный институт на лесной факультет. Все остальные даже и не пробовали поступать в высшие учебные заведения. Не стал пробовать это и друг Фёдора Виктор. Он, как и многие другие, поступил в ПТУ по специальности слесарь. Но их

дружба на этом не закончилась. Они часто встречались, вместе ездили в Липцы, вместе ходили в кино и на танцы, вместе ухаживали за девушками. Фёдору казалось, да, наверное оно так и было, что особым расположением у девушек он не пользуется, к тому же жил он полностью на свою стипендию и для того, чтобы хорошо одеваться просто не было денег. Он же тогда по наивности думал, что вот начнет он красиво одеваться и девушки его сразу полюбят. Не понимал тогда Фёдор, что девушкам нравится совсем другое. Когда же приходило время получать стипендию, он шел в магазин и практически все деньги тратил на радиодетали. Радиолобительство оно чем-то похоже на алкоголизм, когда человек, тратя деньги, не очень-то задумывается над тем, а что же он будет завтра есть. Наверное, к счастью, но Виктор был болен той же болезнью. Это и побудило их искать выход из сложившейся ситуации. То, с чего они начали, это разгрузка вагонов. Многие студенты в то время пользовались этой возможностью дополнительного заработка. Самым неприятным было разгружать пульманы с насыпным цементом. Сорок тонн цемента на двоих, когда никакая повязка не спасает от вездесущей пыли, дело не шуточное. Но и платили за эту работу хорошо, за день можно было заработать приличные деньги и на еду и на прочие расходы. Обычно после этого Фёдор с Виктором брали бутылку водки и шли в столовую. Это мероприятие у них называлось «Под фикусом». Неподалеку была столовая, та самая, в которую они вместе с отцом ходили, когда приезжали лечить ожоженный глаз. В этой столовой в укромном углу стоял большой фикус, а под ним стоял столик на двоих. Это-то место и облюбовали друзья. Пить в столовых тогда не разрешалось, но обслуживающий персонал относился к этому благосклонно, наверное потому что после пьющих всегда оставались пустые бутылки, которые можно было забрать. В то время во всех столовых в пользовании были граненые стаканы вместимостью по 250 граммов, если налить его до краев. Это и делали утомленные грузчики, причем выпивали стакан сразу за один раз. После хорошей закуски, а отсутствием аппетита ребята не страдали, их начинало тянуть на подвиги. Вот что такое молодость – сорок тонн цемента за спиной, а сил еще хватало, чтобы еще и на танцы в студенческое общежитие пойти.

Вскоре начали вырисовываться и другие, так сказать, интеллектуальные пути заработка. Как ни странно, но радиолобительство начало приносить доходы. Ремонт телевизоров оказался гораздо более доходным делом, и, конечно же, не таким утомительным, как разгрузка вагонов. К тому же на поверку оказалось, что и Фёдор и Виктор прекрасно ориентировались в любых марках и модификациях телевизоров, и найти неисправность и отремонтировать любой телевизор им не составляло никакого труда. Многие схемы они знали практически на память. Ценили их и за то, что они никогда никого не обманывали, а ремонтировали, как говорится, по совести, и, когда они приезжали в Липцы, то желающих было хоть отбавляй. Но в селе есть такая традиция – любой ремонт заканчивается бутылкой.

Отец Фёдора был очень трудолюбивым человеком, но сказать, что он был деловым человеком, особенно если это касалось интересов семьи, было

нельзя. Денег всегда не хватало, нужно было выплачивать бестолку потраченный кредит. Впрочем, жили плохо. Мать, напротив, была очень деловым и инициативным человеком и этим восполняла недостатки отца. Матери очень хотелось, и это трудно было не заметить, чтобы Фёдор вырос сильным и инициативным мужчиной, чтобы и он сам и его семья не влачили нищенское существование на грани постоянной нужды. И мать всячески поощряли в нем всякую инициативу. Но вопрос в семье никогда не стоял так, что при этом нужно заниматься деляжеством и идти на сделки с собственной совестью. Наоборот, и своими делами и словами родители всегда давали понять, как отвратительно быть негодяем, ловкачем и проходимцем, и что не все методы хороши для достижения даже самой высокой цели.

Да, ремонт телевизоров и бутылка были в селе неотделимыми понятиями, так было принято, да и сам Фёдор тоже считал, что какой же это мужик, если не может одним залпом стакан водки выпить. Но, с другой стороны, он видел, что это очень удручает родителей, поэтому всегда старался придти после этого домой поздно и лечь незаметно спать, или шел ночевать к Виктору.

30. Мельница.

Фёдор очень любил спорт. Уже к концу школы он был накачанным и крепким парнем, и иногда, когда приходил на речку купаться, даже замечал, что девушки на него поглядывают. В секцию спортивной гимнастики он поступил сразу же после поступления в университет, тем более что это освобождало от посещения обязательных занятий по физкультуре. Уже на первом же занятии в секции он решил всех удивить. Конечно, никто из новичков солнце на перекладине крутить не умел, и Фёдор решил показать класс. На перекладине он начал одевать страховочные петли.

— Еще раз увижу, выгоню! — услышал он голос за спиной.

Фёдор оглянулся, сзади стоял тренер.

— Не хватало мне, чтобы ты голову себе свернул. Еще раз увижу — выгоню, — членораздельно повторил тот. По серьезности лица тренера он понял, что тот не шутит. С тех пор он запомнил, что тренер это тот человек, указания которого нужно неукоснительно выполнять.

У Фёдора было много литературы по радиолобительству, и он регулярно посещал магазин технической книги, чтобы посмотреть или купить какую-нибудь новинку. Как всегда книги продавали не только с витрины, но и с лотков, которые располагались в самом магазине. Однажды, проходя мимо одного из них, он обратил внимание на одну из книг. На обложке был изображен борец, который вот- вот собирался бросить на пол своего противника, который в почти перевернутом состоянии находился у него на плечах. На обложке было написано «Борьба самбо». Фёдор начал листать книгу. В предисловии было сказано, что борьба самбо это самооборона без оружия и далее описывались различные приемы этой борьбы. Он, конечно, не мог не купить

эту книгу. С тех пор и он, и Виктор увлеклись этим видом спорта. Они методически, шаг за шагом, оттачивали различные приемы, тем более что в книге очень доходчиво и понятно было написано, как их осуществлять где и при каких обстоятельствах применять. В книге очень настоятельно подчеркивалось, что приемы самбо нужно применять только в случае вынужденной обороны, но ни в коем случае не для нападения.

Из всех описанных приемов и Виктору, и Фёдору особенно нравился прием мельница, он то и был изображен на обложке книги. Это был действительно очень эффективный прием, когда противник практически мгновенно оказывался безоружным, а тот, кто такого приема не знал, оказывался в совершенно беспомощном положении на плечах у противника да еще практически вверх ногами. Конец такого поединка тоже был неизбежным. Нападающий, падая с большой высоты, оказывался на полу, и защищающийся мог сделать с ним все что угодно. Именно этот прием у друзей был отточен до автоматизма. Со стороны он выглядел тоже очень эффектно. Когда, где-нибудь на пляже, Фёдор и Виктор хотели произвести особое впечатление, они начинали бороться друг с другом, причем каждый уже хорошо знал, когда и какой прием нужно применять, кто его применяет, когда нужно нападать, а когда нужно поддаваться. Непосвященному казалось, что два парня действительно серьезно дерутся, их накачанные тела буквально летали в воздухе, приемы следовали один за другим, на каждый прием находился контрприем. Да, это производило впечатление и на их сверстников и на их сверстниц.

Увлечение борьбой, все эти тренировки и набитые синяки пригодились Фёдору в жизни всего два раза, но тогда-то он и понял, что настоящая драка это не тот спектакль, который можно разыграть очень красиво, а это тот случай, когда на кон поставлена твоя честь, а может быть и жизнь. Но именно эти случаи дали возможность Фёдору хорошо понять, что даже ради только одного такого случая в жизни не жаль потраченных ни времени, ни сил.

33. Первым делом, первым делом парашюты!

Вскоре появилось еще одно спортивное увлечение. Набирали в секцию парашютистов. Фёдор записался и туда. Начались занятия, но руководителю секции его сразу не взлюбил, толи потому, что за словом в карман Фёдор не лез, то ли по какой-то другой причине, их взаимную антипатию было видно даже со стороны. Но, несмотря на все притеснения, Фёдор упорно ходил на занятия: «Хоть раз прыгну, — думал он, — а там видно будет». Дни летели быстро, наконец, инструктор объявил, что на следующей неделе группа поедет на аэродром.

Выехали рано утром, сутра был небольшой туман, но, пока доехали до аэродрома, он рассеялся, выглянуло солнце. Одели парашюты, сзади основной, спереди запасной. Инструктор провел последний инструктаж, подробно еще раз рассказал, как действовать, если основной парашют не раскроется. Погрузились в самолет. Фёдор до этого никогда не летал в самолете, и когда

самолет начал взлет у него засосало под ложечкой, он посмотрел на товарищей, лица у них были напряженные. Самолет быстро набирал высоту. Волнение мало помалу начало проходить, все начали шутить. Инструктор встал со своего места и велел приготовиться, затем открыл боковую дверь и свежий ветер ворвался в кабину. Фёдор прыгал четвертым.

Первое впечатление было необычным. Фёдору показалось, что он стоит на месте, а самолёт начал делать вокруг него оборот. Только потом он узнал, что в состоянии невесомости, в котором некоторое время находится падающий человек, у него нет понятия верха и низа, а он сам является той системой отсчёта, относительно которой и ощущает своё положение в пространстве. Когда парашют раскрылся, Фёдор увидел вокруг себя картину, которую запомнил на всю жизнь. Где-то далеко внизу виднелись ровные, как будто нарисованные, линии лесополос и четкие квадраты полей. Аэродромные постройки казались совсем крохотными, но больше всего Фёдора поразило ощущение окружающего его пространства, казалось, что он является какой-то маленькой мошкой, а кругом пустота, пустота. Он огляделся вокруг, где-то совсем недалеко, но немного ниже на парашютах болталось еще несколько таких мошек.

Конечно, о своих впечатлениях от первого прыжка Фёдор подробно рассказал Виктору.

— А ты знаешь, ведь у нас в центральном парке есть парашютная вышка, — сказал он Фёдору, — пойдем как-нибудь с нее попрыгаем.

Но оказалось, что прыгать с парашютной вышки гораздо страшнее, чем с самолета, земля то совсем рядом.

32. Галина.

Заканчивался второй курс. На дворе было замечательное время, когда все кругом цветет и благоухает. Впереди лето, каникулы, но впереди и сессия! Как-то Фёдор на выходные приехал в Липцы, и мать послала его в магазин за хлебом. Купив хлеб, он направился обратно. Нужно было идти через мост по узкой пешеходной дорожке. Он о чем-то задумался и механически шагал по мосту, навстречу кто-то шел. Фёдор поднял голову и чуть не уронил хлеб, перед ним стояла милая очаровательная девченка: губки бантиком, курносый носик, чуть раскосые глазки. Много девушек мы встречаем в жизни: бывают не очень красивые, бывают красивые, бываю очень красивые. Бывают лица запоминающиеся, бываю не очень, бывают оригинальные, бывают, как у всех. Но то, что увидел Фёдор, не поддавалось никакому описанию, какое-то неземное существо стояло перед ним. Конечно, все молодые парни иногда склонны воспринимать все слишком возвышенно, особенно если это касается молодых девушек, но в данном случае это было не так. Фёдор действительно воспринял облик этой девушки так точно, как воспринимали ее и все остальные.

Фёдор что-то пробормотал, вроде того, что очень извиняется, девушка мило улыбнулась и прошла мимо. «Ну, и идиот же я! — выругал себя Фёдор, — такая замечательная девченка, а я как олух царя небесного. Вот му-дак!»

Придя домой, он отдал хлеб матери и пошел к Виктору.

— Ты знаешь, Виктор, какую я сегодня в центре девченку встретил! — и Фёдор начал рассказывать.

Не дослушав до конца, Виктор перебил его.

— Известное дело. Это Галя Залогина, в прошлом году школу закончила, сейчас на швейной фабрике работает.

— Ну и девченка!

— Да, тут по ней все Липцы сохнут. Но боюсь, что это задача не из простых, ведь ты знаешь в селе свои законы и нарушать их не безопасно.

— Да что мы драться не умеем?

— Да драться то мы умеем, — немного задумавшись ответил Виктор.

Вечером они пошли в клуб на танцы. Поскольку Фёдор заканчивал школу в другом селе, то он не слишком хорошо знал местных ребят, плохо знал он и местных девушек, и для них по сути дела был чужаком. Купив билеты, они вошли в зал. Тогда еще не танцевали так, как танцуют сейчас - каждый сам по себе. Нужно было подойти и пригласить девушку на танец. Девушка могла согласиться или нет, и в случае несогласия приглашающий оказывался в дурацкой ситуации.

Танцы были в разгаре. Вальс сменялся фокстротом, фокстрот - танго. Но девушки, которую Фёдор встретил на мосту, не было.

— Виктор, что-то не видно этой девчѐнки, — пожаловался он.

— Говорят у нее мать строгая, и на танцы не пускает, а из клуба и, когда ночью домой с фабрики идет, так встречать ходит.

— Этого еще не хватало! — возмутился Фёдор, и в этот же самый момент в дверях увидел Галину. Вместе с ней шла невысокая миловидная девушка, по всей видимости ее подруга.

— А вот и она, — весело улыбаясь, сказал Виктор, и Фёдор решил, что если он упустит этот шанс, то его уже может не быть никогда.

Тем временем девушки вошли в зал и скромно стали у окна. Заиграла музыка, и Фёдор смело шагнул вперед. Казалось, что земля проваливается под ним, сердце бешено билось.

— Разрешите пригласить, — сказал он чуть заикаясь.

Девушка опять мило улыбнулась и сделала шаг вперед.

— Разрешаю, — так же мило улыбаясь, ответила она.

Фёдор взял ее за талию и вдруг почувствовал легкую дрожь.

Протанцевали они весь вечер вместе.
К концу танцев к Фёдору подошел Виктор.

— С тобой хотят поговорить, — сказал он и кивнул в сторону двери. Там стояли двое, один из них был богатырского телосложения, другой поменьше. Фёдор подошел к ним.

— Слыш паря, — сказал тот, что постарше, — это девка не для тебя, я тебя предупредил!

Фёдор молча кивнул головой, круто повернулся и пошел к Галине. Танцы заканчивались. Вышли на улицу.

— Можно вас проводить, — смело спросил Фёдор.
Девушка опять мило улыбнулась, давая понять, что согласна.

— Я буду на страховке, — тихо сказал Виктор, отозвав его в сторону.

Фёдор проводил Галину домой, но ни матери, ни супостатов они не встретили, а, когда попрощался и начал идти домой, услышал голос Виктора.

— Все хорошо, что хорошо кончается, но думаю, что нам повезло.

33. Тиф.

Фёдор опять уехал в город. Впереди была сессия, он встреча с Галиной не выходила из головы, и он твердо решил, что плох тот солдат, который не станет генералом.

Как ни странно, хоть Фёдор на лекции практически и не ходил, но сессию он сдал на все четверки, получив только одну тройку. Была хорошая память, и, что особенно удивительно, но до сих пор сказывалась хорошая школьная подготовка. С физикой вообще проблем не было никаких, задачи он решал лучше всех в группе. Особые проблемы были с английским, т. к. в школе учили немецкий, а с языками у него всегда были нелады.

Отметить окончание сессии решили всей группой и гурьбой поехали на пригородное водохранилище купаться. Жара стояла невероятная, на пляже не было, куда яйцу упасть. Вода была мутная и грязная. Жара и водка вещи плохо совместимые, но чего не бывало в молодости. К концу дня многие уже лыка не вязали, изрядно выпивши был и Фёдор, но сельская закалка и встречи под фикусом сделали свое дело, да и физически он был намного крепче других. Напоследок решили искупаться все вместе, и пьяная гурьба бросилась в воду. Фёдор споткнулся и ничком упал в воду, сзади на него навалилось еще несколько человек. Вдоволь нахлебавшись грязной воды, он с трудом вылез на берег.

После сессии Фёдор еще на несколько дней задержался в городе, и совсем уже собирался ехать домой, как почувствовал себя очень плохо. Поднялась температура и самочувствие было ужасное, но, несмотря на это, он все-

таки решил ехать домой. С большим трудом он добрался до автовокзала, его трясло, как в лихорадке. Асфальтированной дороги до Липец не было, а ходили обычные грузовые такси крытые брезентом. Приехал он домой в полубессознательном состоянии.

— Что с тобой, — с тревогой спросила мать.

— Да, сам не пойму, всего трусит и ломает, как будто меня в молотилке молотили.

Померяли температуру.

— Да у тебя же под сорок, — с ужасом сказала мать.

Несколько дней Фёдор метался в бреду, но температура не падала. Местная врач только разводила руками, и ничего конкретного сказать не могла. Диагноза не было. Наконец, вызвали консультанта из города, но тот тоже ничего конкретного сказать не смог.

Через неделю сильно начал болеть живот, и подозрение упало на дизентерию, но диагноз не подтвердился, хотя его и забрали в местное инфекционное отделение. Каких только ему лекарств не давали, но ничто не помогало. Больше месяца провалялся он в постели, но живот продолжал болеть. Наконец, его отправили в городскую инфекционную больницу, отделением руководил известный инфекционист профессор Кричевский.

— Вам делали анализ на тиф? — спросил он у Фёдора при осмотре.

— По-моему нет, а что есть подозрение?

— Сделаем анализ, увидим.

Через два дня во время обхода он задал вопрос профессору.

— У вас молодой человек тиф и два паратифа, благодарите судьбу, что при том, как вас раньше лечили, вы богу душу не отдали.

Фёдора перевели в отдельный бокс и начали лечить. В боксе вместе с ним лежал еще больной, у которого кроме основного заболевания была еще и инфезема легких, он часто начинал кашлять и задыхался, и по всему было видно, что жить ему осталось недолго. Больной производил какое-то странное впечатление и практически все время молчал. Фёдор тоже к нему особо в душу не лез, но, видя, что его сопалатник плохо себя чувствует, пытался его всячески подбодрить. Это пошло на пользу их общению, они начали чаще разговаривать, и сосед немного повеселел. И уже где-то на пятый или шестой день он начал рассказывать о своей жизни. То, что он говорил, было похоже на исповедь но исповедь особую, не было в этой исповеди ни раскаяния, ни сожаления, хотя вещи он рассказывал страшные, и поведал он Фёдору эту историю только как строжайшую тайну. Но от того, что он рассказывал, мурашки ползли по коже. Оказалось, что Рябинин, такая была у него фамилия, служил в органах НКВД в сталинские времена и занимался перевозкой заключенных с пересыльной тюрьмы в Харькове в лагеря, он также был исполнителем по приведению в исполнение смертных приговоров. И вот

тут-то Фёдор понял, что не зря опасались сталинского строя и отец и мать, и что не зря они говорили, что страной управляют палачи.

Оказалось, что сам процесс перевозки заключенных тщательно спланированное мероприятие и основной задачей его начального этапа было запугать и деморализовать перевозимых. На подготовительном этапе заключенных избивали, издевались над ними, а при погрузке нередко правили собаками и затем до отказа набивали заключенными товарные вагоны. В лютые сибирские холода и в невыносимый зной составы шли и шли в Сибирь и не было им конца. Сколько десятков тысяч заключенных перевез в лагерь Рябинин, он даже приблизительно сказать не мог.

Но даже в таких условиях находились смельчаки, которые разбирали пол в вагонах и выбрасывались на железнодорожное полотно. Шансы остаться в живых при этом были практически нулевые, т.к. даже, если, выбрасываясь на шпалы, заключенный и оставался живым, то его все равно расстреливали из пулемета, который стоял на платформе заднего вагона. Но, зная все это, люди все равно решались на такие поступки. Чтобы максимально уменьшить такие случаи, за заключенными велась постоянная слежка при помощи осведомителей, которых подбирали из самих же заключенных, предварительно просмотрев их личные дела. Подходящего кандидата выводили из вагона и якобы за какую-то провинность несколько раз избивали на глазах у всех. Это делалось для того, чтобы никто не мог заподозрить, что это будущий тихарь. Затем били его еще в вагоне, где ехал сопровождающий персонал. Одни соглашались сотрудничать сразу, других били до тех пор, пока соглашались. Провал вербовки считался наиболее тяжелой служебной провинностью, поэтому это дело всегда доводили до конца. Как-то Фёдор спросил, приходилось ли Рябинину стрелять в беглецов.

— Еще и как приходилось, я ведь был лучшим стрелком в отряде, я любого даже на расстоянии в двести метров уложу, — не без гордости ответил собеседник.

— Ну, и много же ты за свою жизнь людей расстрелял, — опять спросил Фёдор.

— Очень много, — не колеблясь ответил Рябинин, — ведь я еще приводил в исполнение и смертные приговоры. За это очень хорошо платили и поручалось это лучшим бойцам, а я всегда был на очень хорошем счету.

— Ну, а какая же провинность считалась самой тяжелой?

— Самой тяжелой провинностью конвоира считался удавшийся побег заключенного. У нас был случай, когда убежала беременная женщина, мало того, что конвоира понизили в звании, так еще и на каждом собрании вспоминали, что мол есть у нас такие чекисты, от которых беременные бабы убегают.

Все эти рассказы очень подействовали на Фёдора. Ничего подобного он до сих пор не слышал. Рядом в одной палате с ним лежал человек, который собственноручно расстреливал людей, и самое главное, что говорил этот

человек об этом совершенно спокойно, как о чем-то само собой разумеющимся. «А сколько еще таких? — думал Фёдор, — а сколько еще палачей безнаказанно ходит по свету?»

По ночам Фёдору снились кошмары, ему то самому казалось, что его на мушку берет конвоир Рябинин, то снилось, что он пришел арестовывать родителей. «Сколько же мук и издевательств перенес этот несчастный народ, сколько страхов и лишений пришлось пережить родителям», — думал он.

Но однажды ночью Фёдор проснулся от душераздирающего кашля. Его сосед хрипел и из его рта текла кровавая пена. Фёдор бросился за дежурной сестрой, прибежал дежурный врач. Рябинин умирал. На какое-то время он перестал хрипеть посмотрел на Фёдора и тихо прошептал: «Прости меня Господи». К утру его не стало.

Когда Фёдор вышел из больницы, здоровым он себя все равно не чувствовал, живот продолжал болеть. Летние каникулы и лето заканчивались. Виктор закончил ПТУ, и его направили работать на сборочный конвейер на Харьковский тракторный завод. Но, несмотря на тяжелую и изнурительную работу, он часто навещал Фёдора и когда тот лежал в больнице, и когда был дома.

— Как там моя Галина, — однажды с грустью спросил Фёдор.

— Да я, ведь, в клубе практически и не бываю. С тех пор, как мы тогда были с тобой, ее и не видел.

— А работа как?

— Работа не говори, если с собой кусок сала не возьму, так до конца смены могу и не выдержать.

И Фёдор увидел в глазах Виктора и тоску, и грусть, и полную безисходность. И ему страшно жалко стало друга. Вот он сам студент превилигированного вуза, у него есть будущее, он станет инженером, а какое, кроме изнурительной работы на конвейере, есть будущее у Виктора?

— Виктор, тебе тоже нужно поступать учиться, я в этом уверен.

— Но как?

— А вот так, терпение и труд все перетрут, не будешь хотеть, не будешь стремиться, так и не поступишь, а захочешь, поставишь перед собой цель так и поступишь.

Виктор радостно заулыбался.

— Неужели это возможно?

— Все возможно, если захотим, вот выйду из больницы, начнем физику и математику долбить, бороться же мы научились.

— Так то ж бороться, — опять недоверчиво ответил Виктор.

36. Бывает не до шуток!

Оставалась последняя неделя каникул, а Фёдор так до сих пор ни разу и не встретил Галину. Силы мало по-малу начали возвращаться, но, конечно, он был не в такой спортивной форме, как раньше. Несколько раз он ходил в клуб, но она там не появлялась. Только потом он узнал, что мать у неё была действительно очень строгая и в клуб отпускала не часто. Наконец, он решил встретить ее около фабрики и пошел туда к началу второй смены. Было непонятно, на какой смене работает Галина, и он пошел заранее. Ждать пришлось не долго. Женщины начали сходить на вторую смену, и вдруг он увидел её. Фёдора охватило какое-то странное чувство, чувство восторга и радости. Он широко открыл глаза и смотрел, смотрел и смотрел.

— Здравствуй, Галя, — тихо сказал он, когда Галина была почти рядом.

— Здравствуй, Фёдор, — ответила она также тихо, немного смутившись, — где это ты так долго пропадал?

— Болел.

— А я за тобой скучала, — совершенно искренне ответила она. И Фёдор вдруг почувствовал, что у него вырастают крылья.

— Я тоже за тобой очень скучал, — выпалил он, давай встретимся.

— Давай, а где?

— Приходи в воскресенье на танцы.

— Хорошо.

И она пошла к проходной.

Фёдор летел домой на крыльях: «Неужели, неужели я ей действительно понравился. Нет, этого не может быть, такая девушка. Наверное шутит».

До этого он с девушками практически не встречался. Конечно, ходили они с Виктором на танцы и в городской парк и в студенческое общежитие, но девушки, с которой бы постоянно встречался Фёдор, у него не было. Слишком он много внимания уделял радиолюбительству, и слишком мало веры у него было в том, что он кому-нибудь из них может понравиться.

Время текло медленно, а воскресенье не приходило. Чтобы как-то подогнать время, Фёдор начал делать шасси к новому телевизору, который собирался собрать самостоятельно. Вот, наконец, и желанный день. Он вычистил и выгладил свою скромную одежду и по пути зашел к Виктору, но оказалось, что он не приехал.

Возле клуба и в фойе было много молодежи, но Галины не было. Фёдор купил билет на танцы, зашел в зал. Галины там тоже не было. «Наверное пошутила», — подумал он, но почти одновременно со своими мыслями он по-

смотрел на входные двери и увидел ее. Была она с той же подружкой. Но не успели они войти в зал, как к ней подошел уже знакомый ему верзила, и по всему было видно, что приглашает ее танцевать, а она отказывается. Фёдор понял, что сейчас решается все, или да или никогда. Он подошел и спокойно сказал:

— Этот танец она уже пообещала мне, — и протянул ей руку. Она ответила тем же.

Фёдору казалось, что более счастливого вечера у него не было в жизни. Галина отвечала взаимностью. Ее подружка, а называла она ее Крпачкой, тоже была очень приветливой девушкой.

Танцы близились к концу.

— Можно проводить тебя домой? — спросил Фёдор, когда танцы закончились.

— Можно, — смеясь, ответила Галина. — Только не меня, а нас двоих, мы рядом живем.

Фёдор был веселым и общительным парнем, и, если хотел, то вокруг никому не было скучно. Пока шли домой много смеялись. Подружка жила немного ближе, и дальше они пошли вдвоем. Фёдор обнял Галину за талию, та немного смутилась, но не возражала. Подошли к дому. Наступило неловкое молчание. И вдруг Фёдор, сам того не понимая, сказал: «Можно я тебя поцелую». Галина очень смутилась и опустила глаза. Он обнял ее и поцеловал, губы ее дрожали.

Возвращался Фёдор домой уже за полночь, с неба струился лунный свет, над головой было бездонное небо.

— Я тебе предупреждав, — вдруг услышал он. На его пути стояли два уже знакомых ему парня.

Мысли молнией пронеслись в голове. Он прекрасно понимал, что его сейчас избьют до полусмерти. «До самого последнего момента не считай положение потерянным», снова резонуло по мозгам. Нужно было нападать первым, это был единственный шанс. В такие моменты человек обычно не думает, а все происходит само собой. Фёдор на какое-то мгновение подался вперед и присел, делая вид, что тянется к шнуркам ботинок, а затем разгибаясь как пружина молниеносно ударил носком ботинка в коленную чашечку стоящего справа. Тот взвыл от боли, но в то же самое мгновение второй всей своей тяжестью навалился на него. Они барахтались на земле, пытаясь завладеть инициативой, а рядом тоже барахтался и выл от боли напарник.

— Ногy відбив, ногy відбив, — истошно кричал он.

Но силы были неравные. Фёдор недавно перенес тяжелую болезнь и был еще очень слаб, чтобы справиться с таким исполином. Силы Фёдора начали покидать, и тут он понял, что если не поймает противника на какой-нибудь прием, то его здесь и прикончат. Руки у Фёдора были очень сильные, хотя по весовой категории он сильно уступал противнику. Есть такой прием, когда противника двумя руками захватывают снизу за запястье и выламы-

вают руку вверх. Даже опытный боец, попавшийся на такой прием, никогда уже не вырвется, к тому же это очень болезненный прием. На этот прием и поймал, в конце концов, своего противника Фёдор. Тот взвыл от боли, а Фёдор все давил и давил.

— Пусты, — наконец взмолился верзила. Фёдор отпустил руку, встал и, не оглядываясь, пошел прочь. Его никто не догонял.

35. Крещение.

Как же она рождается эта самая любовь. А рождается в молодости она очень просто, встретились двое молодых людей, очень понравились друг другу, а дальше для них уже ничего не существует, только они и больше ничего, сплошное восхищение и сплошная радость. И сколько бы они не встречались им все мало, и они ждут не дождутся, когда встретятся снова. Так случилось и с Фёдором, и с Галиной. У Галины закончились вторые смены и вечерами она была свободна, у Фёдора была еще целая неделя каникул. Каждый день они встречались в клубе и обоим радовались и с нетерпением ждали этих встреч. Спрашивают, бывает ли любовь с первого взгляда. На этот вопрос Фёдор ответить не смог бы, но вот, что она бывает после первых двух встреч, так это он уже точно знал. И непонятно как это так получается, что еще вчера незнакомый человек за такое короткое время становится таким родным и близким и очень часто на всю жизнь. Но видимо в природе действительно бывают чудеса и первым чудом является та жизнь, которая дана человеку, а вторым чудом является любовь.

Ребята, с которыми пришлось драться Фёдору в клубе не появлялись и уже очень скоро он и Галина поняли, что друг без друга они просто жить не могут. Конечно, обо всем этом Фёдор рассказывал Виктору, и ему даже показалось, что тот ему немного завидует.

Но все когда-то кончается. Наступило первое сентября, и Фёдор уехал на учебу. Тогда был только один выходной день – воскресенье, и он с большим нетерпением ждал этого дня, чтобы поехать в Липцы. Ездил он туда и в будние дни, и родители сразу поняли что происходит. В деревне секретов не бывает, тем более мать его работала в школе. Но Фёдору по этому поводу никто вопросов не задавал, хотя он и видел, что родителям все это не безразлично.

Время шло, но Фёдор по-прежнему никак не мог оправиться от перенесенной болезни, не переставал болеть живот. Он несколько раз ходил в студенческую поликлинику, но там только разводили руками. Диагноза опять не было. Все это очень тяготило Фёдора и в первую очередь потому, что ему пришлось бросить спортивную гимнастику, а спорт он очень любил.

В поликлинике работала очень опытный хирург Ирина Васильевна Снига, она в свое время была военным хирургом, прошла всю войну, и скальпель в ее руках творил чудеса. К ней то на консультацию и попал Фёдор. Внимательно выслушав и осмотрев его, она, наконец, сказала:

— Кокой-то воспалительный процесс в брюшной полости, очень похоже на хронический аппендицит.

— Так вырежьте его, — обрадовался Фёдор.

— Нет, надо разобраться. Положим вас в клинику и обследуем.

Через день Фёдор лег в больницу. Палаты в студенческой поликлинике были большими, и в каждой лежало по пять, шесть, а то и более человек. В такую палату и его и определили.

Приближался обед и он пошел помыть руки. Посреди просторного умывальника стоял стул, и солидный парикмахер в белом халате сбрасывал усы какому-то студенту. Фёдор еще подумал: «Какой солидный мужчина, ну вылитый профессор». Когда он вернулся в палату, его сосед по койке сказал, что приходила сестра и велела сдать анализы мочи и пота. Фёдор сразу понял, что это розыгрыш, но виду не подал.

— А как же сдавать анализ пота? — серьезно спросил он.

— Мы тебя сейчас накроем одеялами, ты потей, а пот вымакивай ватой и отжимай его в эту банку.

— Ладно, — улыбаясь сказал Фёдор, понимая что его разыгрывают,

— только сделаю я это немного позже. Ну, а мочу куда сдавать?

— А вон под кроватью пузырек стоит, — серьезно ответил сосед.

Фёдор посмотрел под кровать, там стоял пузырек из под одеколona, куда и воду просто не нальешь.

Ладно, когда это нужно сделать? — сказала срочно.

Фёдор лег на кровать и начал ждать, что будет дальше. Через некоторое время в палату заглянул кто-то из больных и сообщил, что сейчас будет профессорский обход. «Странно, — подумал Фёдор, — ведь обходы обычно сутра бывают».

Дверь открылась, и в белом халате важно вошел тот самый парикмахер, который в умывальнике брил студента.

— Профессор, — обратился к нему кто-то из сопалатников, — у нас новенький.

— Вижу, — невозмутимо ответил парикмахер и направился к кровати. Усевшись с важным видом на стул, он начал задавать вопросы.

— Расскажите, пожалуйста, свою биографию.

— А вы что по биографии лечите? — последовал невозмутимый ответ.

Парикмахер немного смутился и продолжал задавать вопросы уже по поводу болезни. Фёдор уже прекрасно понимал, что происходит, но решил играть до конца. Он серьезно отвечал на вопросы и ждал, что будет дальше. Наконец, парикмахер встал и серьезно сказал.

— Перед сдачей анализов нужно поставить клизму.

И тут вошла няня с клизмой в руках, и Фёдор понял, что дело приобретает серьезный оборот.

— Я думаю, что вам тут всем нужно поставить клизмы, чтобы мозги промыть, и не простые, а ведерные, — улыбаясь сказал он, вставая с кровати, — это что у вас школа молодого бойца?

Все засмеялись.

— Ты у нас первый, который это раскусил, а все остальные крещеные.

— Смотрите, чтобы такие крестины кому-то боком не вылезли.

Но на этом дело не кончилось. Когда вечером Фёдор лег спать и уже начал дремать, он вдруг почувствовал, что под ним что-то ползает. Ощущение было такое, что под простыней бегают какая-то живая тварь, было слышно даже, как она шуршит. Чтобы никого не разбудить, тихо встал с постели, шуршание прекратилось. Он снял одеяло и начал осматривать кровать, ничего, вызывающего подозрение, там не было. Он снова лег в постель, и только начал дремать, как под ним снова что-то зашевелилось. Фёдор вскочил и снова пересмотрел постель, сняв даже простыню. Опять ничего. Он лег и стал ждать, но все было спокойно. Так и не дождавшись пришествия незнакомого существа, он заснул.

Удивительно, но на следующий день, как только он начал дремать, под ним опять что-то зашевелилось.

— Нет, здесь что-то не так, — подумал Фёдор, — наверное, опять какой-то розыгрыш.

Встав с кровати, он обошел ее вокруг и вдруг наткнулся на нитку. Она шла от кровати сосед к его кровати и уходила под простыню. Он сразу все понял, со злостью разорвал нитку и улегся спать. Вредное существо его больше не посещало.

На следующий день, когда Фёдор вышел в коридор, он увидел, что на стене висит громадная стенгазета, оказалось, что она выходила почти каждую неделю. Там был нарисован парикмахер с большим помазком, а внизу было написано четверостишье:

Наш профессор-парикмахер с гигиеной не знаком,

Бреет щеки, бреет коки тем же самым помазком.

Рядом с парикмахером стояла няня с громадной клизмой. Далее были нарисованы две кровати, между которыми была натянута нитка, а по нитке бежали крысы. Еще дальше была нарисована кровать, возле которой стоял огромный пузырек из под одеколона, а на кровати лежал больной, укрытый одеялом, а из под одеяла шел пар.

36. Туберкулёз.

На очередном обходе хирург долго щупала живот Фёдора.

— Ну, хоть убейте меня, это не аппендицит, — наконец заключила она.

— А что же тогда болит? Ведь не может же болеть просто так?

— Конечно, просто так болеть не может, скорее всего, это последствия тифа.

— Знаете что, — сказал Фёдор, — давайте действовать методом исключения, ведь когда разрежете, тогда и увидите, аппендицит, так аппендицит, а нет, так хоть узнаем что.

— Я подумаю, — немного поколебавшись ответила врач.

Через несколько дней на утреннем обходе хирург шутливо спросила:

— Ну так будем делать операцию?

— Мы же договорились, — тоже шутя ответил Фёдор.

— Тогда готовьтесь, операция завтра.

Фёдор знал, что аппендицит одна из простейших операций и поэтому особенно не переживал, но после операции у него долго болел весь живот и он никак не мог вычухаться.

Как-то во время обхода он пожаловался Ирине Васильевне.

— Видите ли, аппендицита у вас не оказалось, но впечатление такое, что у вас был перитонит и до сих пор железы на брызжейке очень увеличены. Пришлось взять две из них на анализ, с этим и связаны боли и то, что вы медленнее других выздоравливаете после операции. Железы ваши мы отправили на анализ в туберкулезный институт известному гистологу Марии Георгиевне Ивановой, и вам туда после выписки нужно будет поехать.

Не вызвали эти слова у Фёдора особой радости. Слово туберкулез нехорошее слово и по сути и по форме. В городе еще, куда ни шло, ведь образовательный уровень у людей выше, да и люди практически друг друга не знают. Другое дело в деревне, там все друг о друге все знают, а слово туберкулез воспринимается почти как проказа.

С тяжелым сердцем шел Фёдор в тубинститут к знаменитому гистологу, и ему от этой знаменитости было ни чуть не легче. Сделали реакцию манти, она оказалась архиположительной, вся рука распухла. Попытались уменьшить концентрацию вводимой сыворотки, и оказалось, что Фёдор реагирует на микроскопические разведения.

Мезаденит смешанной этиологии: туберкулез плюс кандидоз значилось в заключении. Так из одной клиники он сразу же попал в другую.

Эта больница очень отличалась по своему духу и составу больных от студенческой, очень много было людей из села, по возрасту также были большие различия. Но самое главное, и это Фёдор почувствовал сразу, чувст-

вовалась какая-то обреченность. Процветало пьянство. В одной палате с Андреем лежал молодой парень, только что вернувшийся из заключения, он страшно кашлял, приступы кашля были ужасными. Парень отбывал наказание на севере и отморозил бронхи. Он был наркоманом и самого раннего утра начинал поиски кодеина, а кодеин тогда свободно продавался в аптеках, и, приняв соответствующую дозу, ходил довольный и радостный. Если не удавалось достать кодеин, варил себе чефир, высыпая пачку чая на литр воды. Попал он в тюрьму за изнасилование, и о тюрьме и о порядках там рассказывал страшные вещи. Тогда впервые Фёдор и узнал, что такое наркомания и гомосексуализм, что многие заключенные живут парами, что у паханов всегда есть «хозяйки» из мужского состава, которые их обслуживают. Звали парня Николай, у него было любимое четверостишие:

Тебе ли выступать,
Тебе ли быть душой актрисы,
Ведь ты же подлинная блядь,
А рвешься в майке за кулисы.

Повторял он его десятки раз в день по поводу и без всякого повода. Все его поведение сильно отличалось от поведения других.

В палате лежал еще один мужик из села, который подхватил туберкулез прямо-таки по дурочке. Сам он работал каменщиком, и решили они с другом где-то уже в начале декабря бреднем рыбу половить. Ловили часа два и страшно замерзли. Потом, конечно, выпили хорошенько, но и это не помогло. Кончилось все воспалением легких, затем плеврит и в итоге туберкулез.

Фёдор же никак не мог понять, откуда у него туберкулез, да еще в животе. Ведь был здоровым сильным парнем, ничем особенно не болел и вдруг на тебе. Разве что осложнение после тифа, но какое отношение имеет туберкулез к тифу. Уже, будучи взрослым и опытным человеком и имея большой опыт взаимодействия с врачами, зная их нравы и специфику работы, Фёдор понял, что умышленно или неумышленно они в то время совершили грубую ошибку, которая чуть не стоила Фёдору и будущего, и карьеры и его любимой девушки. Но в то время он был обычным сельским парнем, который, как и миллионы ему подобных, спотыкаясь и ошибаясь, пробивался сквозь запутанные и неизведанные дебри самостоятельной жизни.

Но как ни тяжело было вживаться в новую роль чяхоточного, не был приучен Фёдор падать духом или впадать в отчаяние. Самое ужасное для него заключалось в том, что, попав в такую ситуацию, он теряет Галину, потому как понимал, что никогда себе не позволит продолжать контакты с ней, прежде всего потому, что в неё же будут тыкать пальцем и говорить, что связалась с чяхоточным.

Пролежал он в клинике почти полтора месяца и все это время его усиленно лечили, но активность туберкулиновой пробы не снижалась. Моральное состояние Фёдора было ужасным, он все время думал о Галине и с каждым днем все больше понимал, как он ее любит. Но выхода не было. В конце концов он принял решение просто больше не встречаться с ней. Но такое ре-

шение еще больше усугубило положение дел. Полнейшая апатия ко всему, что происходило вокруг давила на Фёдора все сильнее и сильнее. Он говорил себе, уговаривал себя, ругал себя – но чувство апатии нарастало.

Выписавшись из больницы, он вообще практически перестал ходить на лекции. Единственной отдушенной было или когда он напивался, или когда встречался с Виктором. Тот, понимая что дела плохи, всячески старался его утешить, и Фёдор чувствовал, что Виктор искренне ему сочувствует. Единственно с чем Виктор не был согласен, так это с тем, что Фёдор порвал с Галиной.

— В какое ты ее положение ставишь? она, что не человек? если любит, поймет, ведь ты же ни в чем не виноват.

— Я понимаю, что не виноват, но кто давал мне право испортить ей жизнь? Ведь ты же знаешь, что в селе означает слово туберкулез.

— Конечно, знаю, но не на сельских же предрассудках жизнь построена?

— Виктор, не трави душу, ты же меня знаешь, нет выхода.

Часто, когда Виктор приходил к нему, Фёдор говорил:

— Пойдем поседим под фикусом.

В Липцы Фёдор ездить практически перестал.

Приближалась зимняя сессия, и он понимал, что ее полностью провалит. Нужно было что-то решать.

Можно было взять академотпуск по болезни, но это означало ехать на всю зиму в Липцы, а там была Галина. Что он ей скажет, если придется встретиться, как он ей в глаза посмотрит, как объяснит все случившееся. Фёдору снились кошмары, по ночам он бредил, вскакивал, что-то кричал.

— Федюща, ты не заболел, — как-то спросила Мария Яковлевна.

— Ох, Мария Яковлевна, и не спрашивайте, — только и ответил Фёдор.

Но академотпуск взять все же пришлось.

39. Снова в деревне.

Предстояла длинная и нудная зима в Липцах. Фёдор уже привык к веселой и бесшабашной студенческой жизни, привык к тому, что практически рядом с ним всегда был его хороший товарищ Виктор, привык к городской жизни. И это вдруг все оборвалось, и очень даже может быть, что навсегда. Какие-то смутные и тревожные мысли бродили в его голове, полная неопределенность. И не будь прожитой до этого времени жизни, не будь тех семейных дружеских отношений, не будь той хоть и небольшой жизненной школы, которую он уже прошел, сломался бы он, и не писал бы по прошествию

очень многих лет эти печальные воспоминания. Да, до самого последнего момента не считай положение потерянным!

Фёдора поставили на учет в туберкулезном диспансере в Липцах, и он должен был туда время от времени ходить. Но самое ужасное заключалось в том, что сам диспансер располагался практически рядом с домом Галины. Фёдор прекрасно понимал, что так или иначе там он, в конце концов, ее встретит. Понимал он и то, что Галина уже знает о его болезни.

Около диспансера был колодец, где все брали воду. Путь туда и обратно проходил мимо него. Фёдор вышел из диспансера и вдруг увидел, что около колодца с ведром стоит Галина. Кровь ударила в виски, и все внутри оборвалось: «Только не остановиться, только не остановиться звенело в ушах». Дистанция сокращалась, они практически поравнялись. Фёдор с трудом поднял голову, на него ласково смотрели глаза Галины.

— Федюша, почему ты меня избегаешь, — ласково спросила она.

Фёдор чуть не провалился на месте, такого смятения он не испытывал никогда в жизни. Промямлив вроде того, что никого не избегает, он прошел мимо не оглядываясь. Земля под ним горела, слезы катились по щекам. «Галочка, родная моя» — прошептал он.

«Так дальше нельзя, — окончательно сказал себе он, — нужно что-то делать». Но где искать выход. Что после всего случившегося думает о нем Галина, ох как не безразличен для него был этот вопрос. Он понимал, что безгранично ее любит, но и о том, чтобы попытаться снова наладить с ней отношения тоже и речи быть не могло.

В селе ничего не бывает тайной, и нельзя сказать, что тот случай, когда ему пришлось выяснять отношения сразу с двумя его недоброжелателями, тоже прошел даром. Липецкая молодежь знала об этом, конечно знали и то, что он хороший спортсмен, что на перекладине крутит солнце, что владеет приемами самбо, другими словами его начали уважать и с ним считаться. И такое уважение не заставило себя ждать. Рядом была река, и Фёдор там часто катался на коньках, он очень любил это занятие и хотя и был самоучкой, но умел делать довольно сложные упражнения и это тоже восхищало сельских ребят. Как-то к нему подъехал веснучатый паренек, он был высокого роста, но очень плохо одет.

— Фёдор, научи меня, пожалуйста, кататься, как ты, — скромно обратился он к Фёдору.

Звали парня Анатолием, в последствии Фёдор узнал, что он сирота и живет у бабушки. На парне были обычные бурки, а коньки были привязаны обычными веревками. У Фёдора сжалось сердце. Он сам ходил в школу в бурках, и ему очень хотелось иметь сапоги, но на сапоги в то время у родителей денег не было. Он, конечно, понимал, что при такой экипировке и думать нельзя о пируэтах, но, тем не менее, доброжелательно улыбнулся.

— Давай попробуем. У меня есть старые коньки с ботинками, я тебе их дам на время.

Они очень быстро сдружился. Это был очень простой и доброжелательный паренек, и Фёдор был для него непререкаемым авторитетом. Вскоре к ним присоединился и друг Анатолия Виктор. Все были увлечены и горели спортом. Вскоре к конькам присоединились лижи. Если осваивать какое-то дело с душой и желанием, то будут и результаты. Очень скоро в умении делать виражи на горных спусках или крутить пируэты на льду в Липцах им не было равных. Конечно, это не был уровень городских горнолыжников, да и какие горы были в Чипцах, это, конечно, был и не уровень городских фигуристов, но все-таки это был уже и не сельский уровень. На то, как они катаются на коньках, или делают виражи при спуске с гор с восхищением смотрели их сверстники.

— Фёдор, — однажды задал ему вопрос Анатолий, — говорят, что ты и солнце на перекладине крутишь и приемы самбо знаешь, это правда ?

— Да, вроде, правда.

— Так и нас научи.

— Но где? Ведь для этого спортивный зал нужен.

— Так в школе же есть, ведь он там практически всегда пустует. Мы договоримся.

Фёдор с волнением подошел к перекладине, давно он не чувствовал в руках ее холодного металла. Натер руки мелом и начал одевать страховочные ремни. На тех людей, которые никогда не видели, как крутят большие обороты, это упражнение производит неизгладимое впечатление. Так было и с ним, когда он впервые увидел, как крутит солнце Александр Иванович. Фёдор сделал мощную отмашку назад, почти став на перекладине на вытянутых руках. Еще мгновение и его тело, прогибая перекладину, понеслось вниз. Сделав несколько оборотов, Фёдор соскочил с перекладины. Анатолий и Виктор стояли как замороженные, на их лицах было восхищение.

— Ну как? — спросил Фёдор, — хотите научиться? — и тут почувствовал сильную боль в ладонях. При постоянных тренировках на перекладине кожа на ладонях около пальцев грубеет и превращается в мозоли, и эти мозоли нельзя уже сорвать вместе с кожей. Если же таких мозолей нет, то кожу можно сорвать. Так и случилось, кожа около пальцев на правой ладони была сорвана.

— Вот видите, ребята, прежде, чем крутить большие обороты, нужно на руках мозоли нарастить.

В клуб Фёдор не ходил, не хотелось опять где-нибудь встретиться с Галиной. Постоянные занятия спортом отвлекали его от грустных мыслей, и ему стало немного легче, хотя, конечно, в его памяти очень часто появлялся ее образ.

Как-то вечером к нему зашел Анатолий и сказал:

— У меня есть предложение заняться еще и гириями.

— А не слишком ли много будет?

— Спорта никогда много не бывает.

— Но где же мы возьмем гири?

— По этой причине я и пришел к тебе. Около стадиона живет женщина, и у нее во дворе лежит двухпудовая гиря, ну зачем она ей, а мы тренироваться будем.

— С кем тренироваться, с женщиной, — пошутил Фёдор.

— Можно и с женщиной, — ответил тоже шуткой Анатолий.

— Ну, так что пойдём? — только там во дворе собака, так что возьми чего-нибудь, чтобы ей бросить.

— Ох, Анатолий, я уже когда-то огурцы воровал!

— Так то же огурцы, их есть можно, а это гиря! Ну зачем она женщине? Да она ещё и хромая.

— Ну ладно, уговорил!

Когда собака начала лаять Анатолий бросил ей кусок хлеба, и собака успокоилась. Они мигом перемахнули через ворота и схватили гирю. Но тут на крыльце вспыхнула электрическая лампочка и собака, бросив хлеб, бросилась на них. Они кинулись к забору, но собака схватила Фёдора за штанину брюк. Щелкнула щеколда входной двери, Фёдор рванул ногу, и они мигом перескочили через забор. Очнулись они с гирей в руках уже только на другом конце стадиона. Штанина на правой ноге была разорвана.

40. Переправа, переправа, берег левый, берег правый!

Но на этом злоключения не закончились. Пришла весна, в те времена еще не было водохранилища вверх по течению реки, и она сильно весной разливалась. Случалось даже так, что то место, где жил Фёдор превращалось в остров. Но даже, если это и не случалось, то все равно вода заливала обширные территории. Для того, чтобы попасть в другое село, куда когда-то ходил в школу Фёдор и где жил его новый друг Виктор, нужно было обходить несколько километров, в то время как через затапливаемые луга напрямую было всего минут десять ходу.

Весна была очень ранняя и река сильно разлилась. Как-то к нему пришли Виктор и Анатолий.

— Ты знаешь, Виктору срочно нужно домой, а обходить ему знаешь сколько?

— Да знаю, но чем же я могу помочь?

— Дай лодку, мы туда сюда мигом.

— Э нет, ребята, вы ведь на ней плавать не умеете, мигом перевернетесь.

— Да ты что? Разве мы не спортсмены?

— Если вы и спортсмены, так это совсем не означает, что вы на лодке плавать умеете.

— Не хочешь дать так и скажи.

— Да вы что, ребята!?! — не на шутку рассердился Фёдор.

— Понимаешь, ну позарез нужно.

— Ну, раз позарез, берите, только смотрите, точно выкупаетесь.

Ребята браво сели в лодку и начали грести, и Фёдор сразу понял, что ничего хорошего то плавание не предвещает. Уже где-то на середине Фёдор увидел, как лодка бортом черпнула воду, а еще спустя несколько минут, Анатолий и Виктор, размахивая руками, вплавь добирались до противоположного берега. Плыть в фуфайках совсем непросто, но, тем не менее, уже минут через десять оба пловца выбежали на другой берег. Лодка же осталась посреди плавней.

На следующий день, когда Фёдор вышел посмотреть, где лодка, он увидел, что ее ветром пригнало к противоположному берегу. Нужно было идти ее вытаскивать.

Он взял с собой Ивана, надел охотничьи сапоги и они отправились обходным путем выручать лодку. Издали казалось, что лодка находится около самого берега, но когда они пришли на место, то оказалось, что ее прибило ко льду, который своей кромкой уходит под воду, причем лодка стояла метров за двадцать от берега. Делать было нечего, и Фёдор побрел по скользкому льду к лодке. Где-то уже почти около самой лодки лед уходил под воду, и он вдруг почувствовал, что плавно скользит по скользкому льду и остановиться не может. Скорость скольжения нарастала, и он все глубже и глубже погружался в воду. Около самой лодки лед вдруг оборвался, и Фёдор мигом оказался по пояс в воде. Лодку никак не удавалось вытащить на берег, мешала кромка льда. В конце концов, мокрый с ног до головы он все-таки вытащил ее на берег.

— Ну, что будем делать, — покатывался от смеха Иван.

— Да что, домой нужно опять вокруг идти, — со злостью сказал Фёдор.

— А ты знаешь, тут недалеко брод есть, я его знаю, так километра два и сократим.

— Ну, веди.

Иван бодро шагал впереди, время от времени ощупывал палкой дно и все время подшучивал над Фёдором.

До конца брода оставалось совсем немного, как вдруг Иван споткнулся и с головой окунулся в воду.

— Проклятая копанка, я про нее совсем забыл, — бурчал он всю оставшуюся дорогу.

41. Опять тубинститут.

Близилось лето, Фёдора опять вызвали в тубинститут и положили на лечение. Он не понимал, что у самих врачей нет никакой уверенности в том, что это туберкулез, ведь сейчас, когда многие люди страдают самыми разнообразными аллергиями, у многих из них положительная реакция Манту, но его интенсивно лечили, по сути дела производя над ним эксперименты.

К больничной атмосфере он быстро привык, люди, оказывается, очень быстро ко всему привыкают. Подобралась команда преферансистов, и это как-то скрашивало жизнь. Было уже совсем тепло и в карты играли за столиком прямо во дворе. Партнеры подобрались опытные, и ничего не составляло прилично проиграть, тем более что сам он особым опытом пока не обладал. Пару раз его прилично накрыли, и Фёдор понял, что когда играешь с неизвестными партнерами, то нужно быть очень осторожным, и никогда не рисковать. Конечно, при такой игре особо не выиграешь, но, если и проиграешь, то немного. Придерживаясь такой тактики, он достаточно быстро подтянулся до уровня партнеров и далее играл с ними на равных.

Но в картах как и в любой другой игре иногда везет, как говорится идет карта. Карта шла, и он чувствовал, что сегодня он точно прилично выиграет, чувствовали это и партнеры. Фёдора кто-то тронул за плечё, он обернулся и увидел улыбающееся лицо Галины.

— Ты, наверное, думал, что от меня здесь спрятался, — продолжая улыбаться, сказала она.

— Был уверен!

— Ну, вот видишь, не вышло, — сказала Галина, и они дружно рассмеялись.

— Ребята я пас, не возражаете?

— Да разве при такой девчёнке можно возражать, — заулыбались партнеры.

— Я ведь теперь тоже живу в Харькове, и работаю на фабрике мороженого.

— Как же ты меня нашла?

— Это военная тайна.

— Но ты хоть знаешь, как называется то учреждение, в котором сейчас находишься?

— Понятия не имею, потому и пришла.

— Ну, ты смелая девчёнка, — пошутил Фёдор.

— У тебя учусь, с хитринкой ответила Галина, — Я, ведь, тоже некоторые приемчики знаю.

И они опять дружно рассмеялись.

— А давай махнем в кино, — предложил Фёдор.

— Давай.

Вернулся Фёдор в тот день поздно. Лег на больничную койку. Рядом на койках мирно спали такие же ребята как он, скольким из них эти койки испортили все: и будущее, и любовь, и жизнь. Фёдор долго не мог заснуть, чувства переполняли его, все это казалось ему каким-то несбыточным сном. Галина, его любимая Галина! Он вдруг широко открыл глаза. «Да это же сон, с ужасом подумал он», — ощупал кровать, встал и посмотрел в окно. На кроватях мирно посапывали ребята, и только теперь он понял, какой он счастливый. Заснул он, когда уже начало светать.

— На уколы! — вдруг сквозь сон услышал Фёдор.

— Менде, сегодня в одиннадцать часов пойдете на консультацию к профессору, — дружелюбно сказала сестра.

— К какому профессору? — удивился Фёдор.

— Консультант из Москвы приехал, — делая важный вид, сказала сестра.

Профессор долго спрашивал о болезни, как и при каких обстоятельствах он заболел, как и чем его лечили, имел ли дело с ядовитыми веществами. И когда Фёдор сказал ему, что практически с детства занимается радиолюбительством, и очень много в своей жизни паял, профессор улыбнулся и сказал:

— В этом и кроется ответ. По анализам вы абсолютно здоровый человек, а вот чрезвычайно высокая чувствительность к туберкулину, может быть связана с вашим увлечением. Свинец, который вы постоянно вдыхаете во время пайки, сильный яд и может вызвать различные аллергические реакции. Особенно это опасно в молодом возрасте, а, тем более, в детстве.

— Так что, и туберкулеза у меня нет? — не выдержал Фёдор, — а железы, которые из меня вырезали?

— Моя точка зрения сводится к тому, что у вас просто сильная аллергия, и в частности на туберкулин, ведь это тоже сильный яд. Что же касается желез, так гистология показывает, что у вас просто в прошлом был сильный воспалительный процесс в брюшной полости. А скажите, нет ли у вас аллергии, например, на какие-нибудь запахи.

— Я не переношу запаха свежих газет, у меня сразу же начинается жечь во рту.

— Ну, вот видите, типографская печать тоже содержит свинец.

— Так что, я столько препаратов переглотал, и все напрасно?

— Думаю, что это только усугубило вашу аллергию, ведь практически все препараты от туберкулеза тоже ядовиты. Мой вам совет, забудьте о своём туберкулезе, живите нормальной жизнью и вообще поменьше лечитесь. Вы крепкий нормальный парень, а то ведь, знаете, и залечить могут, — и на лице профессора появилась лукавая улыбка. — Конечно, то, что я сказал, по понятным причинам я не могу записать в вашу карточку. Считайте, что это просто мой дружеский совет.

На крыльях вылетел из кабинета Фёдор, а еще через два дня выписался из тубинститута. О том, что сказал ему профессор, Галине он решил не рассказывать. „Подумает еще, что оправдываюсь”, — а оправдываться не хотелось.

42. Электромусыка.

Зайдя как-то в книжный магазин, Фёдор увидел на прилавке брошюру «Электоромусыкальные инструменты». Бегло просмотрев ее содержание, он с удивлением узнал, что при помощи электроники можно создавать самые разнообразные музыкальные инструменты. Он никогда не верил в какую-то телепатию или в еще какие-либо другие «загадочные» явления типа передачи мыслей на расстояние, но как он потом узнал в этом же магазине купил эту же книгу и декан его факультета. Да, дело случая вещь очень интересная, и если на этот вопрос посмотреть немного глубже, то можно заметить, что этот самый господин случай часто руководит не только крупными событиями и делами, но и постоянно вмешивается в нашу повседневную жизнь. Приходит домой пьяный муж, жена, конечно, спрашивает, где напился. Оказывается, случайно встретил старого друга. Казалось бы мелочь, а приятно. Правда, кому приятно, а кому и не очень.

Покупка этой небольшой брошюрки, казалось бы такая небольшая мелочь, существенным образом повлияла на творческие интересы Фёдора. Как-то на очередном собрании, а нужно отдать должное, декан часто выступал на таких собраниях, он настоятельно посоветовал студентам старших курсов начинать работать на профильных кафедрах. Конечно, это был очень правильный подход, так как интерес к какому-либо вопросу это та главная пружина, которая заставляет нас интенсивно работать, а воспитание и поощрение этого интереса и есть работа на кафедрах.

На следующий день Фёдор пошел на кафедру СВЧ, и там его очень радушно встретили. На любой кафедре всегда есть масса черновой работы и ее кому-то нужно делать. Он прекрасно понимал это и с усердием взялся за порученное ему дело. Работа заключалась в том, чтобы привести в порядок лабораторные работы, которые студенты обрабатывали на кафедре. И тут ему сразу же очень пригодились радиоловительские навыки. Фёдор очень быст-

ро находил неисправности в аппаратуре, все то, что нуждалось в ремонте, быстро ремонтировал. Он очень быстро сдружился с лаборантами и руководителями лабораторных работ и скоро на кафедре уже был своим. Конечно, его уже никто не заставлял отрабатывать лабораторные работы на кафедре, а ставили зачеты автоматом. С тех пор Фёдор хорошо понял, что если ты делаешь порученную тебе работу лучше, чем от тебя ожидают, тебя быстро заметят.

Как-то он ремонтировал неисправные шнуры на одной из лабораторных работ, сзади к нему кто-то подошел. Фёдор оглянулся. Позади стоял декан.

— Фёдор Фёдорович, сотрудники нашей кафедры очень похвально отзываются о вас.

Прошло несколько дней. Как-то он наткнулся на купленную брошюру и начал ее читать. Не отрываясь, он прочел ее от корки до корки и твердо решил, что в самом скором будущем у него будет электромузыкальный инструмент. Но где взять деньги, ведь для создания такого инструмента требовалось очень много деталей. Раздумий не было, взял рюкзак и в тот же день уехал в Липцы. Вечером в воскресенье он встретился с Галиной и рассказал обо всем случившемся. Галина всегда с интересом слушала его нехитрые рассказы о студенческой жизни, и он всегда ей с удовольствием обо всем рассказывал. Пробыл Фёдор в Липцах почти месяц.

— А тебя из университета не выгонят? — как-то спросила Галина, приехав на выходной в Липцы, — ведь ты уже целый месяц на занятия не ходишь.

— Пойдем ко мне, я тебе что-то покажу.

На столе в светлом лакированном футляре стояло небольшое настольное пианино, на его передней крышке красовались две тисненые буквы ЗГ. Фёдор коснулся пальцами клавишей и нежные вибрирующие звуки, похожие на пение гавайской гитары, заполнили комнату.

— Что это? — изумленно спросила Галина.

— Электромузыкальный инструмент.

Но все когда-то кончается, нужно было опять ехать на учебу.

— Тебя вызывают в деканат, — сказал Фёдору староста группы, когда он пришел на занятия, — ты ведь больше месяца отсутствовал, все уже тут всполошились, где ты подевался.

— Вас хотел видеть декан, — сказала секретарша, когда Фёдор пришел в деканат.

— Где вы подевались? — строго спросил декан, — ведь мы уже не знали, что и думать.

Фёдор всё честно рассказал.

— То, что вы увлеченный человек, это похвально, но ведь занятия для вас тоже никто не отменял.

— Алексей Иванович, я все наверстаю.

— Не сомневаюсь, но, впрочем, брошюра, о которой вы говорите, есть и меня, и я ее с удовольствием прочел. Я, ведь немного играю на пианино, но вот что-то мало вериться, чтобы электромузыкальный инструмент может конкурировать с роялем.

— Я не музыкант, и насколько прибор совершенен судить не могу, но звуки он издает изумительные.

— А не могли бы вы привезти его на кафедру и продемонстрировать нам.

— С удовольствием, — радостно ответил Фёдор.

43. Студенческая конференция.

Приближалась ежегодная общеуниверситетская студенческая научная конференция. Радиофизический факультет выдвинул на нее две работы: электромузыкальный инструмент и кибернетическую черепаху. Конечно сейчас, когда кибернетика делает такие громадные успехи, такой черепахой никого не удивишь, но тогда это было в диковину. Двигалась эта самая черепаха на колесиках, приводимых в движение электромотором. Но самым удивительным её свойством было то, что у неё была система обратной связи, она могла самостоятельно объезжать встречающиеся на ее пути препятствия. Делала она это очень просто. Когда на пути встречалось препятствие, она отъезжала немного назад, ее передние колесики немного поворачивались, и она снова двигалась вперед. Если не удавалось объехать препятствие с первого раза, то она повторяла этот маневр несколько раз. Если в комнате на пол клали много всяких препятствий, то черепаха как сумасшедшая металась между ними последовательно объезжая одно препятствие за другим, и это вызывало восторг у наблюдающих.

Перед докладом Фёдор очень волновался, на итоговой конференции присутствовали деканы всех факультетов во главе с ректором университета Буланкиным. Сам ректор был биологом и возглавлял биологический факультет. То было время, когда кибернетика еще не получила прав гражданства и, впрочем как и генетику, ее считали лженаукой.

Фёдор заметил, что волнуется не только он, но и декан, но никак не мог понять, почему. Фёдор сам не умел играть на пианино и поэтому продемонстрировать игру его инструмента декан пригласил его же сокурсника Игоря Янсона. Игорь закончил музыкальную школу и прекрасно играл на пианино.

Фёдор очень гордился тем, что его работа выдвинута на итоговую студенческую научную конференцию, и попросил разрешения у декана пригласить на нее отца.

Доклады от факультета в программе значились в самом конце. Все с нескрываемым интересом следили за тем, как черепаха героически расправляется с препятствиями на ее пути, а когда сразу вслед за этим раздались поющие звуки гавайской гитары, все зааплодировали. Затем Фёдор подробно рассказал, как инструмент работает и сказал, что у этого направление большое будущее. Казалось, что успех докладам был обеспечен, однако не тут-то было. После окончания докладов слово взял ректор университета. Похвально оценив работу студенческого научного общества и отметив ряд докладов, ректор особо остановился на работах радиофизического факультета. И тут Фёдор понял, почему так волновался декан. Слова ректора звучали угрожающе, он говорил, что некоторые лжеученые пытаются смоделировать живых существ при помощи каких-то черепах, а другие забыли заветы Мичюрина и учение Лысенко. А когда он спросил у Янсона, какое у него впечатление от «электроинструмента», и тот ответил, что, конечно, это не пианино, декан помрачнел.

Выходили после конференции с тяжелым сердцем.

— Да, музыканта мы из вас вырастили, а вот радиофизика пока нет, — хмуро сказал декан Янсону.

— Не грусти, дружок, — сказал отец Фёдору, похлопав его по плечу, — за одного битого двух небитых дают, и то не берут. И все рассмеялись.

На следующий день декан вызвал Фёдора.

— Я принял решение добиваться создания лаборатории электромузыкальных инструментов при кафедре СВЧ. В городе не только мы занимаемся этим, я вас скоро познакомлю еще с одним человеком, который тоже сделал очень хороший электромузыкальный инструмент, и мы объединим наши усилия.

Но демонстрации электромузыкального инструмента на этом не закончились. Вскоре начали снимать фильм об университете, и Фёдор вместе с Янсоном попали в кадры этого фильма.

44. 15 суток!

Близилось лето. Фёдор был дружелюбным парнем, но особенно он сдружился с Леней Махиной и Володей Емцом. Вместе с друзьями, особенно часто с Володей, он часто бывал в Чипцах. Уже начался купальный сезон, и друзья приезжали, чтобы покупаться и отдохнуть. Родители были очень гостеприимными людьми и всегда радушно встречали его друзей. Уже сформировалась веселая компания, и её любимым местом сбора была река, и когда в воскресные дни они собирались все вместе, то всем было всегда

очень весело. Купались, загорали, ходили в клуб на танцы, не дураки были выпить, и победокурить, жили весело и дружно.

В один из таких приездов, когда на реке было очень много народа, кому-то пришла в голову мысль бросать девченок в реку. Все начали мазать друг друга грязью и бросать в воду. Визг и хохот разносились далеко вокруг. Вволю накупавшись и насмеявшись все вечером пошли в клуб. Когда уже ночью Володя и Фёдор вернулись домой, родители по непонятным причинам не спали, по их виду Фёдор понял, что произошло что-то очень серьезное.

— Вы что там сегодня на речке натворили, — хмуро спросила мать.

— А что?

— А то, что приезжала милиция, чтобы вас арестовать.

— Еще чего? А за что?

— Как за что? Вы же дочь Яворовского в платье и в часах в речку вбросили.

Фёдор недоумевающе посмотрел на Володю, тот смущенно моргал глазами.

— Так я же думал, что она тоже из нашей компании.

— Думал, думал, а ты не заметил, что ей уже за тридцать.

— Знаешь, когда я ее уже вбросил, так тогда вроде почувствовал, что ошибся.

— А вы знаете, что недавно вышло постановление о наказании за мелкое хулиганство, но если заберут на 15 суток, так и из университета исключат.

— Ну и ну, — только и сказал Фёдор.

— Вот наше решение с отцом, идите сейчас куда хотите, но чтобы до утра вас и завтра целый день дома не было, потому что если заберут, то пути назад не будет. У меня в вечерней школе учится сотрудник милиции, может он поможет.

— Не сердись, мать, осечка вышла, но, как видишь, не по нашей вине. Мы будем у Виктора.

На следующий день где-то к обеду мать зашла за ними.

— Ну, герои, идите к Яворовским и просите у женщины прощение, если простит, акт о ваших проделках аннулируют.

Фёдор и Владимир не возражали, но ноги просто не слушались. На их стук в калитку вышел отец и хмуро посмотрел на них. Язык тоже не слушался и Фёдор с трудом выдавил: « Мы хотим попросить прощение у вашей дочери».

Этот позор Фёдор тоже запомнил на всю жизнь. К счастью женщина оказалась очень доброжелательной, и сказала, что была против вызова милиции, но отец настоял.

Придя домой, он сказал, что конфликт улажен, и мать опять ушла в милицию. Возвратилась она скоро, на её лице была улыбка.

45. Экзамен.

Уже в течение года Фёдор с Виктором вели интенсивную подготовку к вступительным экзаменам, но Фёдор понимал, что у Виктора не очень много шансов, чтобы выдержать конкурс. Но все-таки они решили попробовать. Камнем преткновения все-таки была математика, которую нужно было сдавать письменно. Фёдор выработал план, но Виктору пока о нём ничего не говорил. Известно было, что экзамен будет проходить в старом корпусе в той самой Бекетовской аудитории, в которой он когда-то сдавал вступительный экзамен по физике. Она была выполнена в виде амфитеатра и даже центральная секция парт была полукруглой, так что проход между сидением парты и столом насквозь не просматривался.

Правила были такими, что абитуриенты занимали места в аудитории еще до прихода экзаменационной комиссии, а выпускали только по предъявлению экзаменационного листа. План был простой, зайти в аудиторию вместе с Виктором, помочь решить ему задачи, а потом спрятаться под парту и дожидаться, пока комиссия уйдет. На недоумевающий вопрос Виктора, почему он идет с ним в аудиторию, Фёдор только хмыкнул. Понятно было, что открой Виктору он свой план, так Виктор никогда бы не согласился.

Фёдор сказал ему, что лучше всего сидеть по центру средней секции и они заняли места. На вопрос, почему он садится с ним, он ответил: «Узнаешь потом».

Вошла экзаменационная комиссия, входную дверь закрыли, и Фёдор с ужасом увидел, что в составе комиссии преподаватель, который вел у них на курсе практические занятия по матанализу. Время на раздумья не было, нужно было или вставать и уходить, ну, подумаешь криминал, вовремя не успел выйти. Или нужно было прятаться под парту. И Фёдор сделал последнее.

Разные мысли приходили в голову Фёдора, пока он в полумраке под партой решал задачи, которые ему подавали. Но, конечно, главная из них говорила ему, что, если уж на этот раз поймают, так из университета точно выгонят.

Экзамен подходил к концу, аудитория начала пустеть.

— Что же делать? — наклонившись к нему, в растерянности спросил Виктор.

— Спокойно уходи из аудитории, — ответил Фёдор.

Он отчетливо слышал, как ушел последний абитуриент, как члены комиссии начали собирать документы. И вдруг кто-то из ее членов спросил: «А чернильницы будем собирать?» В то время авторучки были еще мало рас-

пространены, и обязательным условием проведения экзаменов было наличие на партах чернильниц. Кровь ударила в виски. «Конец» — подумал Фёдор. Но, немного посоветовавшись, комиссия решила, что это дело уборщицы.

Хлопнула выходная дверь, в аудитории наступила тишина. Еще немного подождав, Фёдор выглянул из под парты. В аудитории никого не было, Он быстро спустился по ступенькам и приоткрыл дверь, в коридоре тоже никого.

46. Людмила и Тамара.

Сбылась давняя мечта Виктора, он стал студентом. Впереди было лето. Настроение у ребят было отличное, они победили, победила дружба.

Виктор уехал в Липцы, а Фёдор остался в городе, чтобы доделать некоторые дела. Через несколько дней он вернулся на прекрасном гоночном велосипеде. Этот велосипед дал ему во временное пользование Леня Махиня. Леня был мастером спорта по велосипедному спорту и велосипед получил на лето в секции, в которой тренировался, а поскольку у него дома был свой собственный велосипед, то полученный он отдал на все лето Фёдору.

— Фёдор, ты знаешь, пока тебя не было, я познакомился с очень хорошей девушкой.

— Она из Липец?

— Нет, она не местная, она из Стерлитамака. Здесь гостит у бабушки. Сегодня пойдем в клуб, я тебя с ней познакомлю.

Фёдору Людмила сразу не понравилась, было в ней что-то неестественное и наигранное, казалось, что она не живет, а играет роль, но была чертовски красива. Конечно, о своих впечатлениях Фёдор ничего Виктору не сказал и решил, что самый хороший судья время.

Отпуск, который Виктор брал для сдачи вступительных экзаменов, заканчивался, и ему нужно было возвращаться на работу, так как зачислен он был на вечерний факультет.

— Ты тут ее в обиду не давай, — пошутил Виктор, уезжая на работу.

— Э, Виктор, в Липцах и в памяти уже ни у кого нет, что наших протеже обижать можно, — пошутил Фёдор.

Тамара жила недалеко от него и в клуб они ходили вместе. И тут он почувствовал, что он в буквальном смысле слова к нему ластиться. «Ну и стерва!», — подумал Фёдор.

Ласковые знаки продолжались, но он и виду не подавал, а делал вид, что воспринимает это все как искреннюю дружбу. Но этим не закончилось. Как-то раз, когда они шли из клуба, она была особенно ласкова, и когда пришло время прощаться, прижалась к Фёдору.

— Поцелуй меня, — тихо сказала она, почти касаясь его губ своими.

Каждый парень знает, как трудно устоять перед таким предложением молодой красивой девушки. Фёдор обнял ее, чуть приподнял и несколько раз добродушно встряхнул.

— Ты замечательная девчёнка, но ведь ты знаешь, что у меня есть Галина и я люблю её.

Людмила немного смутилась, а потом тихо сказала: «Как я ей завидую».

Дни бежали быстро. Тогда был только один выходной, но на воскресенье Виктор всегда приезжал в Липцы. У них здесь уже было много друзей, и Фёдор среди местных ребят уже был крупным авторитетом. Была футбольная команда, и многие из ее членов были его друзьями. Как-то после очередной игры, празднуя победу, напившись так, что Фёдор всю ночь рвал, и мать его на несколько дней выгнала из дома и сказала, что ее глаза его видеть не хотят. Впрочем, жить было весело и интересно.

Не дружил Фёдор только с капитаном команды Касимовым, но это был номинальный капитан, и был им только потому, что являлся сыном директором местной швейной фабрики, где работала когда-то и Галина.

В один прекрасный день, когда Фёдор с Людмилой возвращались домой, она вроде мимоходом сказала, что ей нравится капитан футбольной команды. Она уже, конечно, довольно хорошо знала ситуацию и понимала, что через его точку зрения по этому вопросу в Липцах никто не переступит.

Фёдор просто пропустил это признание мимо ушей, но решил на этом вопросе поставить точку. Конечно, будь это другая девушка, Фёдор, никаких мер не предпринимал бы, но поскольку он понимал, что имеет дело с прожженной стервой, решил действовать. В клуб Фёдор с Людмилой ходили вместе, и он решил провести один показательный эксперимент. У капитана команды, как у сына состоятельных родителей, был мотоцикл, и приезжал он в клуб обычно на нем с особым шиком, ставил мотоцикл напротив клуба, а после окончания танцев отвозил домой свою протезе.

Перед клубом была площадка, на которой всегда перед танцами собиралось много молодежи, здесь-то и подждал капитана команды Фёдор. Он весело делился интересными последствиями предыдущей футбольной победы, после празднования которой, как оказалось, не все даже домой добрались. У всех от хохота болели животы, смеялась и Людмила. Подъехал мотоцикл.

— Я на секунду, — обратился Фёдор к ней и пошел к мотоциклу.

— Я тебе советую не трогать Людмилу, тебе что, других мало? — глядя в упор, сурово сказал Фёдор.

— А ты, что запретить мне можешь, мы с ней уже встречались, не очень уверенно ответил тот.

— Ты же знаешь, что могу.

— А если я не слушаюсь? — последовал вызывающий ответ.

— Да куда ты денешься! — при этих словах Фёдор со всей силы толкнул капитана и тот кубарем перелетел через мотоцикл.

Не оборачиваясь Фёдор подошел к Людмиле.

— Пойдем, потанцуем.

Больше никаких комментариев по поводу капитана футбольной команды он от неё не слышал.

47. Дубы.

Хоть о проделках Людмилы Виктору Фёдор и не рассказывал, но он очень быстро сам понял, что она из себя представляет и порвал с ней. Вскоре у него появилась новая знакомая, и звали её Тамарой. Тамара училась на математическом факультете и, хоть особой красотой и не отличалась, но была очень доброжелательной и обаятельной девушкой. Все вместе быстро сдружились и она очень скоро влилась в их дружную компанию.

У Галины тоже начался отпуск и она приехала в Липцы, и теперь они каждый день встречались. Встречались они не только в клубе. В доме Галины Фёдора уже хорошо знали, и он часто ездил к ней на велосипеде. В велосипед он был просто влюблен, это была на то время совершенная машина, одних только скоростей у нее было восемь.

Как-то, возвращаясь домой уже довольно поздно, Фёдор крутил педали, но мысли его летали где-то совсем далеко. Дорогу он знал на память. Луны не было, но пешеходная дорожка, по которой он ехал, была хорошо видна и только шуршала под колесами велосипеда. Фёдор очнулся от сильного удара в переднее колесо, и в тот же момент упал на какие-то бревна животом вниз, и в довершение всего сверху на него упал и велосипед. Ничего не понимая, он попытался встать, но ноги были пристегнуты к педалям. Когда он, в конце концов, отстегнул педали и встал, то все понял. Пока он был у Галины, кто-то ночью привез бревна и вывалил их прямо на дорожку «Ах ты, сукин сын, — подумал Фёдор, — а если бы кто-нибудь ехал на мотоцикле? Ну ладно, я тебе покажу!».

Неудобно было будить Анатолия в такое время, но он всё-таки решился на это. За пол часа они перетащили бревна, которые с трудом поднимали вдвоем, на другую сторону улицы к дому соседа напротив.

На следующий день события развивались стремительно. Когда сосед, у которого около дома лежали бревна, утром открыл калитку, то от неожиданности оторопел. Но, немного поразмыслив, решил, что сосед, который жил напротив, хочет использовать площадку перед его домом для хранения ворованных бревен, и, страшно матерясь, направился к нему. Когда же сосед, которому принадлежали бревна, вышел на улицу, то он тоже оторопел, но потом решил, что таким образом сосед хочет присвоить его бревна. Все бы

кончилось мирно, но они, как это часто бывает между соседями в селе, уже давно были в очень натянутых отношениях. Сосед, которому принадлежали бревна, кричал: „Це дубки мої!” А другой, понимая, что бревна ворованные и что документов у соседа нет, кричал: „А чого це вони твої, як біля мого двору лежать?” Владелец бревен кричал: „Я у міліцію піду!” А другой отвечал: „Йди, тільки з документами!”

В конце концов, кончилось все тем, что бревна так и остались лежать на новом месте, а соседи стали врагами на всю жизнь.

А вывод простой, если украл, то не клади украденное на пешеходной дорожке.

48. Маша.

— Фёдор, у нас радостная новость, — сказала мать, — к нам в гости на лето приезжает твоя двоюродная сестра из Ленинграда.

— Маша? с радостью спросил он.

Машу Фёдор никогда не видел, но семьи часто переписывались, и Фёдору очень хотелось повидать сестру. Боялся только он того, что непривычная сельская действительность не понравится ей.

Маша оказалась очень красивой, воспитанной и интеллигентной девушкой. Фёдор даже первое время чувствовал себя при ней несколько стесненно, но рисоваться он не умел и не хотел и решил, что какой есть, такой и есть. Они очень быстро сдружились, и Фёдор всячески старался, чтобы ей не было скучно. Но какие развлечения в деревне кроме клуба? Он прекрасно понимал, что вскоре ему придется повести ее туда, но как она воспримет его сельских друзей, как воспримет Галину?

Пришла суббота, и они заранее договорились, что в этот день пойдут в клуб, тем более что и Галина тоже обещала прийти.

У Фёдора был красивый светлый пиджак и светлокоричневые китайские брюки, белая рубашка и модный галстук. Выглядел он очень прилично. Маша тоже надела нарядное платье, и от того стала еще красивее.

— Какая у тебя красивая попутчица, — улыбаясь сказала мать.

— Знай наших, — тоже весело ответил Фёдор.

Чтобы попасть в клуб, нужно было перейти через мост, которому предшествовала высокая насыпь с крутыми склонами. Не доходя метров тридцать до моста, Фёдор почувствовал, что их кто-то догоняет, и оглянулся. Оказалось, что это тот самый верзила, с которым у него уже были когда-то разборки. Фёдор сразу почувствовал недоброе.

— Куди це ти йдеш? — ехидно спросил верзила, поравнявшись с ними.

Фёдор молчал.

— А що це за краля з тобою, шось я такої в Липцях не бачив.

И тут последовал отборный мат. Фёдору показалось, что под ним проваливается земля, он чувствовал, как кровь бешено бьет в виски. Он начал медленно снимать пиджак, медленно снял галстук и подал их Маше. Верзила с недоумением смотрел на происходящее. Фёдор прекрасно понимал, что против мельницы трудно устоять, еще мгновение и обидчик был уже у него на плечах. Но вес противника был слишком большим, Фёдор оступись, и они кубарем полетели вниз по крутому откосу. Еще минут десять они барахтались в пыли и грязи, но силы были практически равны. И опять спасло самбо. Фёдору, в конце концов, удалось поймать голову противника в замок под правую руку. Тот захрипел и как бешенный зверь начал метаться, чтобы сбросить противника, но Фёдор все давил и давил. Наконец, противник начал изнемогать, но Фёдор продолжал давить.

— Пусты, — наконец прохрипел верзила. Фёдор отпустил замок, встал и начал медленно взбираться на насыпь. Верзила так и остался лежать внизу. С тех пор Фёдор его никогда в жизни не видел и не встречал.

На Маше не было лица.

— Не грусти, сестренка, это село, здесь все бывает, — с напускным спокойствием сказал он. — Пойдем я тебя с Галиной познакомлю.

— Чего ты такой грязный? — с недоумением спросила Галина.

— Да, с дамбы сдуру свалился.

Говорят, что снаряд в одну и ту же воронку никогда второй раз не падает, так нет же! Уже идя домой, они повернув в переулок, Фёдор заметил, что навстречу идет мужчина с велосипедом. Поравнявшись, он со всей силы ударил передним колесом его в ногу и взбешенный Фёдор со всей мощностью своей правой врезал ему в скулу. Но к удивлению мужик только чуть пошатнулся и остался стоять на ногах.

— Ты шо, здурів? Я ж з одробщини йду!

И только тогда Фёдор увидел, что мужик сильно пьян.

— Ты что боксер? — с недоумением спросил он.

— Эге ж, колись був перший розряд, — промямлил мужик.

Ну и ну! — вырвалось у Фёдора.

С этим самым перворазрядником в будущем Фёдор подружился и даже сделал ему телевизор, но Машу с тех пор никак не мог уговорить пойти еще раз в клуб.

49. Американские шпионы.

Утром отец уехал в город, а уже к обеду вернулся. На нем не было лица.

— Что с тобой? — с беспокойством спросила мать.

— Я встретил в Харькове нашу хорошую знакомую из Двуречной Лидию Петровну, она бросилась ко мне, плачет. Я ее спрашиваю, в чем дело, а она говорит, что прошел слух, что мы были американскими шпионами и нас с тобой расстреляли, а детей исключили из университета, что в наших ульях была спрятана рация и мы поддерживали радиосвязь с американской разведкой.

— Ну, у меня сердце как чувствовало, что межа на стадионе в Двуречной тебе даром не пройдет.

— Да, она мне сказала, ведь в деревне секретов не бывает, что слухи эти исходят из райкома партии.

— Вот видишь, значит, я права.

— Конечно, но что делать, что подумают люди, которые нас знали и уважали, ведь все они знали, что мы честные люди. Нужно подать в суд на райком партии.

— Судится с райкомом партии в наше время? Это уже что-то из области фантастики, нет, это ничего не даст, запачкают еще больше.

— Но, что же делать, молчать?

— Отец, — вмешался в разговор Фёдор, — мы этот миф одной левой сделаем.

Федор Фёдорович с недоумением посмотрел на сына.

— Но как?

— Завтра в шесть утра еду в Двуречную, причем на велосипеде, у тебя есть карта области?

Отец широко открыл глаза.

— А зачем на велосипеде?

— Да навещу всех наших знакомых, и, если будут вопросы, отвечу на них.

— Но по проселочным дорогам 150 километров! — всплеснула руками мать.

— Э, мать, забыла ты, как по реке вместе на лодке катались?

— Нет, сынок, не забыла, — и на глазах матери появились слезы, — защитник ты наш.

— Прорвемся, мать, прорвемся, — весело сказал Фёдор. — Давай, отец, карту, ты ведь по этому пути уже ходил.

В шесть утра Фёдор выехал из Липец. Гоночный велосипед это совсем не то, что дорожный. Ноги пристегнуты, все время согнутая спина, он при всех этих неудобствах он, конечно в ходу гораздо легче, чем дорожный. Есть и еще одна особенность, о которой Фёдор просто не знал. У гоночной машины нет покрышек и камер, есть только одна так называемая трубка, которая

одновременно является и камерой и крышкой. Эта особенность сильно облегчает велосипед, но у такой конструкции есть очень большой недостаток. Трубка просто одевается на обод колеса, а чтобы она не соскочила, внешняя часть обода покрывается смолой, к которой и прилипает трубка. Этой-то особенности, отправляясь в путь, он и не учел.

Над горизонтом начало подниматься желтое солнце, становилось все жарче и жарче, а Фёдор гнал и гнал велосипед. Помогало то, что и он, и Виктор летом практически не пользовались услугами транспорта, а ездили в Харьков на велосипедах. Эта постоянная тренировка и помогала ему сейчас. Развивать по проселочной дороге такую скорость как на шоссе нельзя, но преимуществом является то, что проселочная дорога и не накаляется так, как асфальт. По расчетам Фёдора, даже с учетом перерыва на обед, где-то к обеду он должен был быть в Двуречной. Становилось все жарче и жарче, и он решил поесть и отдохнуть.

В лесополосе было прохладно, и вдруг он увидел небольшую землянку. «Наверное, мальчишки смастерили», — подумал Фёдор, — «А, может быть, в такой же землянке, где-то здесь, ждал своей участи и его отец, когда шел за нами в Золочев?» Сердце Фёдора сжалось. «Сколько же горя и бед пришлось пережить родителям. Да никакой памятник не в состоянии отразить их мужество и героизм. Впрочем, нет, неправда, такой памятник есть, он в душах, он в сердцах, он в делах детей». И защищать этот памятник ехал он сейчас.

Он уже проехал Купянск и по его расчетам оставалось каких-нибудь 15 - 20 километров. Вдруг переднее колесо наскочило на кочку, трубка слетела с обода, и он, перелетев через руль, упал на дорогу. Это была катастрофа, сколько он потом не пытался поставить трубку на место, она слетала и слетала. К забитой грязью смоле трубка не прилипала. В то время автомобильный транспорт был развит слабо, и встретить на проселочной сельской дороге грузовой автомобиль была большая редкость. Оставался только один выход. Фёдор взвалил на плечи велосипед, благо он был гораздо легче обычного, и пошел. Пришел он в Двуречную уже когда вечерело.

50. Насилие около памятника вождю пролетариата.

Был ясный тихий летний вечер, который бывает только в деревне. Днем прошел небольшой дождь, и дневной зной сменила легкая прохлада. Громоздкие звезды висели совсем рядом, и казалось их можно достать рукой, и тишина, сельская тишина просо звенела вокруг. К Виктору приехала в гости Тамара, и, хоть и был понедельник, все вместе решили встретиться около клуба. Галина тоже обещала прийти.

В понедельник в клуб никто не ходил, вся молодежь отдыхает после бурных выходных, когда танцевали и дурачились до упада. Около клуба стояли несколько человек, которым, как и им, тоже делать было нечего. Постояли, поговорили, кто-то рассказал анекдот, посмеялись, но все равно было скучно.

— Давай пройдемся к школе, там и Галину встретим.

Шли медленно не торопясь, но никого из друзей не встретили. Напротив школы стоял памятник Ленину, а около него стояла лавочка.

— Может, присядем, — предложил Фёдор.

Просидели где-то минут десять.

— Ты смотри, кто идет! — вдруг воскликнул Виктор.

По дорожке топала Галина.

— Галя, а мы тут тебя уже ждем.

— А я и не сомневалась, — тоже весело ответила она, все рассмеялись, и уселась между ними.

— Это надо отметить, — многозначительно кашлянув, сказал Фёдор.

— Обязательно, — кашлянув громче, ответил Виктор.

Так они, стараясь перекашлять друг друга, кашляли и кашляли и все громче и громче. Порой это кашляние походило на какое-то гикание, и от смеха у всех начали болеть животы. И когда они уже от кашля охрипли, перед ними, как из-под земли, появился милиционер.

— Ах, ви ж паразіти, це ви тут гикаете?

Все оторопели.

— Да мы не очень, — попытался оправдаться Виктор.

— Не очень? Ви знаете де міліція? аж біля клубу. Прибіга мужик і кричить, що на горі коло Вітінарного когось насилують. Я туди, не пойму де кричать, луна по всьому селі йде. Біжу сюді, невже думаю біля пам'ятника Леніну насилують. Аж здригнувся.

— Да, неужели, так слышно? — удивился Фёдор.

— Я ж кажу, луна по усіх Чипцях йде!

— Та чі це ти, Галю?

— Я.

— А що це ти тут з цими хуліганамі робиш?

— Та це не хулігани, це мої друзі.

— Ой-йойой-йойой, отакі в тебе друзі, біля пам'ятника Леніну насилієм занімаютьця. І оце, Галю, ти з таким хуліганамі водишся? Стривай, стривай, а це не вони свою сусідку було не втопили?

Все молчали.

— Як би мати не прийшла, та якби наш Микола в неї не вчився, так точно 15 суток у міліції двір замітали.

При этих словах Фёдор почувствовал облегчение, раз знает, что их сотрудник учится у матери, значит не заберет. И, действительно, пожурился

еще некоторое время, и прочитав им лекцию о недопустимости таких поступков около памятника Ленину, милиционер удалился.

— Ну, и погуляли, — добродушно сказала Галина.

— На всю катушку, — не очень весело ответил Виктор.

— Да, Витя, нас с Володькой Емцом уже совсем недавно чуть не замели на 15 суток, и на тебе! Расскажу вам один анекдот. Два мужика решили быка убить, один схватил за рога, другой молот и быку между рог, а бык стоит, тот его еще раз, а бык стоит. Только замахнулся в третий раз, а тот что быка держал и кричит: „Ну, якщо, Миколо, мене третій раз у лоба влучиш, то, я, мабуть, бугая вже не вдержу”. Так и здесь, попадемся еще раз, точно замрут.

51. Лавочка.

И надо же такому случиться, что, где-то дня через два после происшествия около памятника Ленина, произошел еще один случай, когда в одну и ту же воронку чуть в третий раз не попал снаряд.

Со многими ребятами в Липцах Фёдор поддерживал дружеские отношения. Особые дружеские чувства он испытывал к Анатолию. Толя, как мы уже говорили, был сиротой, жил у бабушки, всегда плохо одевался, но был на редкость добрым и честным парнем. Как и Фёдор, особой красотой не отличался и особой популярностью у девушек не пользовался. Во всех его трудностях Фёдору всегда хотелось ему помочь. Не будь этого, он, конечно, никогда бы не согласился воровать гирю, и такой поступок он совершил только потому, что не мог ему отказать.

Фёдор знал, что у Толи была зазноба, но она не отвечала ему особой взаимностью. В таких случаях парню обычно хочется сделать что-нибудь такое, чтобы девушка его заметила.

Когда Толя пришел к нему в гости, он сразу понял, что у Анатолия есть какая-то серьезная просьба.

— Фёдор, у меня к тебе есть большая просьба, — немного помявшись начал он.

— Ну, что значит большая? У нас все просьбы нормальные, помнишь, как мне собака штаны разорвала, и как вы на лодке плавали?

— Конечно, помню, — воодушевившись сказал Анатолий, — но просьба очень необычная.

— Все просьбы нормальные, валяй.

— Ты, конечно, Олю знаешь?

— Я подруг всех своих друзей знаю.

— Гуляли мы с ней вчера по парку около школы, а там ведь всего одна лавочка и та под фонарями около самого памятника Ленину, и поговорить по душам негде.

— Так там же есть алеи и потемнее, ходи по ним и говори по душам.

— Я так и сделал, но стоя долго не поговоришь, а ей так со мной на лавочке в этой алее посидеть хотелось.

— Что-то никак не пойму что ты буровишь.

— Пообещал я ей, что в алее завтра будет лавочка, а она сказала, что если это случится, то меня поцелует.

— Ничего себе расценки, — рассмеялся Фёдор, — но где же мы возьмем эту золотую лавочку?

— Около комунхоза внизу внизу около дамбы есть лавочка, ну кому она там нужна?

— Ну, конечно, никому, — поддержал друга Фёдор, вспоминая, что около этой самой лавочки ему пришлось общаться с верзилай, когда они с Машей в клуб шли.

— Давай сегодня ночью и перенесем ее в парк.

— Толя, идея, конечно, замечательная, но, ты знаешь, в продолжение месяца я уже дважды чуть на 15 суток не загудел. Попадусь в третий раз - пропал.

Толя смутился и опустил глаза.

— Ну, ладно, в котором часу пойдем?

Лавочка с литыми чугунными боковинами была очень тяжелой. Тем более нести ее нужно было через мост, который хорошо освещался.

— Нет, Толя, нести ее через мост нельзя, а вдруг кто-то увидит, давай нести через реку, здесь ведь она неглубокая.

— Через реку так через реку.

Подтащили лавочку к реке. Раздевшись и привязав одежду к сидению лавочки, двинулись дальше. Дно оказалось илистым и они загрузали в грязи все больше и больше. Фёдор шел первым, а река становилась все глубже и глубже. Идя задом наперед, он тщательно ощупывал дно ногами, но вдруг нога куда-то провалилась, и он упал спиной назад, лавочка всей своей тяжестью навалилась на него. И тут Анатолий проявил в буквальном смысле слова героизм. Трудно понять, как ему удалось одному, да еще стоя по плечи в воде, поднять лавочку, но, не сделай он этого, не пришлось бы писать эти воспоминания.

Так или иначе, но товарищи все-таки вытащили лавочку на другой берег, правда, тащить ее дальше сил не было. Фёдор сильно наглотался воды, да и чугунная боковина при падении сильно ударила его в грудь.

— Вот дела, — с досадой сказал Фёдор.

— Скажи спасибо, что живой, — с беспокойством ответил Анатолий.

— Что же ты скажешь Оле?

— Да так и скажу, что чуть тебя не утопил.

— Нет, это не годится, столько трудов и все впустую. Давай все-таки что-нибудь придумаем, но такое, что бы об этом вся молодежь говорила. Оле скажешь, что это ты специально для нее сделал, но это глубочайшая тайна. Женщины всякие тайны очень любят, и, как ты знаешь, очень умеют их хранить, — и Фёдор рассмеялся, — через неделю все только о тебе и говорить будут, а женщины это любят. Помнишь, как целую машину бревен мы через улицу перетаскали.

— Так о том, кто это сделал, так никто и не узнал.

— Так то ж совсем другое дело, и морду набить могли. И правильно бы сделали. Лавочка это не то, она ничья.

Идея Анатолию очень понравилась.

— Это даже лучше, чем нести лавочку в парк, тем более что мы туда ее уже и не донесем, — заключил Анатолий, — но что же мы такого интересного придумаем?

Посоветовались и сначала решили затащить лавочку на крышу клуба, но опять, взявшись за нее, поняли, что это они не осият.

— Толя, вон видишь сломанный сук на дереве. Давай зацепим лавочку за него спинкой так, чтобы на лавочке там и сидеть можно было.

Сук был на высоте около двух метров. Лавочку поставили вертикально, подняли и зцепили за сук, а затем залезли на дерево и развернули ее так, что бы на ней можно было сидеть.

— Представляешь, пригласишь сюда Олю, возьмешь ее на руки, посадишь на лавочку, и будете болтать ногами и о жизни разговаривать.

Толя был в восторге. Он представил себе, как он будет усаживать ее на лавочку, как она скажет какой он молодец, а потом и поцелует его.

— Ну, ты гений, — сказал он Фёдору.

Грязный и мокрый с головы до ног вернулся в ту ночь домой Фёдор. Проснулся он поздно и решил поехать посмотреть, что происходит около клуба.

Там уже собралось много зевак, и они активно обсуждали происходящее. Никто никак не мог понять, как и зачем лавочка оказалась на дереве. Фёдор и сам не мог понять, как такая дурацкая мысль могла прийти им в голову. В то время около дерева трудились работники комунхоза. Они тоже недоумевали, как могла такая тяжелая лавочка оказаться на дереве, да ещё в таком положении. Принесли лестницу, они пытались ее снять, но у них ничего не получалось. «И как это мы умудрились ее вчера на дерево повесить,

если пятеро мужиков снять не могут, Видать все-таки адреналин большая сила».

Тем временем работники продолжали пытаться снять лавочку, наконец, кто-то из них предложил принести пилу и распилить спинку. Лавочка рухнула на землю. Затем ее отнесли на старое место, а разрезанную спинку сбили доской. В таком виде она и простояла еще много лет.

Такие события в деревне очень быстро обрастают всякими слухами и домыслами. Толя ждал, когда Оля спросит его об этом. И когда она спросила, под большим секретом рассказал ей о том, что вместе с Фёдором хотели отнести ее в школьный парк в их любимую алею, что Фёдор при этом чуть не утонул, и что только это обстоятельство не позволило донести ее до алеи.

Через неделю уже вся местная молодежь знала, чьих это рук дело, и по этому поводу многие при встрече жали руку и многозначительно улыбались, а вскоре Анатолий сообщил Фёдору, что Оля его поцеловала.

— Вот видишь, как нужно побеждать женщин, — улыбаясь, сказал Фёдор.

52. Трамвай.

В то время и Фёдор и Галина уже давно жили в городе, они часто встречались. Но он жил в центре, а Галина на окраине, и, естественно, он всегда провожал её домой. Возвращался, конечно, поздно, обычно последним трамваем. Ехать приходилось долго, и он уже начал дремать, как вдруг услышал шум. Во втором вагоне, в котором он ехал почти никого не было, в тамбуре три парня тискали девушку, она как могла сопротивлялась. Фёдор вскочил с места. По виду это были настоящие уголовники, один из них был пострижен под нулевку, его глаза были налиты кровью, все они были пьяные. Он схватил одного из них и отбросил к двери. В то время у трамваев не было автоматических дверей и двери представляли две створки, которые практически всегда были открыты. Фёдор хорошо знал много приемов самбо, в том числе и против удара ножом, но их можно применить, когда у противника нож и ты его видишь, но в действительности все происходит не так. Он только увидел, как сверкнул нож, и в то же мгновение почувствовал сильный удар в правую руку. То, что произошло дальше трудно было предвидеть. Фёдор озверел, в бешенстве отскочил назад и почти уже падая ударил головой в челюсть стоящего у двери, тот запрокинув голову на ходу вылетел в открытую дверь. Его партнеры оторопел, один из них бросился к открытой двери но Фёдор со всей силы ударил его в пах ногой, тот скрючился и Фёдор в прыжке обоими ногами ударил его в голову. Третий бросился наутек, но Фёдор догнал его, схватил за шиворот и со всего маху ударил головой в стекло и почувствовал, как обмякает его тело. Рядом была открытая дверь, и он вышвырнул в нее бандита. Фёдор оглянулся, бандитов в вагоне не было, девушка, закрыв лицо руками, рыдала, вся его рубашка была залита кровью. Он вышел на следующей остановке, разорвал рубаху и замотал рану.

С тех пор у него на теле сохранилось два шрама, один от немецкого осколка, другой - от ножа бандита.

53. Идиот.

Жизнь устроена так, что в ней сплошные полосы, то белая полоса, то черная и опять черная, и опять такая же. Мы уже видели, к каким последствиям приводит баловство. Но беда заключается в том, что молодые люди слишком беззаботны и бесшабашны и часто пренебрегают порой даже очень большой опасностью, которая сопутствует их поступкам. Так было и на этот раз. Фёдор решил навестить Галину, и они договорились пойти вместе на пляж. Когда он пришел к ней, то оказалось, что она с подружкой ушла на речку и сказала, что будет его ждать там.

Он отправился на речку и обнаружил их, сидящими на берегу, около самой воды. Они его не видели. И тут он решил удивить и свою возлюбленную и ее подружку. Он разогнался и длинным настильным прыжком, пролетев над ними, прыгнул в воду. То, что прыжок был и длинным и настильным спасло ему жизнь. Но даже при таком прыжке, упав он в воду чуть правее или левее, смертельный исход был бы обеспечен. Во время прыжка он сильно ударился об воду животом и практически не вошел в воду, а когда начал вылезать из воды, оказалось, что глубина там не более, чем по колено. Но самое страшное заключалось в том, что справа и слева от того места, куда он прыгнул, практически в нескольких сантиметрах от поверхности воды находились два острых пня. Напорись он на один из них при такой силе прыжка, от шейного позвоночника ничего бы не осталось. Фёдор по своей натуре не был трусом, но, когда он осознал, что случилось, и понял, что смерть была практически рядом, ему стало страшно. Поняли это и сидящие, в глазах Галины он прочитал ужас.

С тех пор он никогда в жизни не прыгал вниз головой в воду в незнакомых местах.

Да, если бы молодость знала, а старость могла!

54. Клин.

Практически все молодые пары часто ссорятся, особенно если они искренне относятся друг к другу. Ссоры эти происходят по самым различным поводам, и не потому, что они не любят друг друга, а, наоборот, чаще всего потому что очень любят. Только начинают рождаться их взаимоотношения и тут сталкиваются и различие во взглядах, и в воспитании, различное отношение к событиям и людям, даже то, что одна половина мужского пола, а другая - женского, является большим противоречием. Вобщем, единство и борьба противоположностей налицо. И эта борьба, которая в начальный пери-

од становления взаимоотношений между мужчиной и женщиной достаточно острая, и рождает в конце концов и единство взглядов, и единство целей, а в конечном итоге и настоящую любовь, и семью.

Ссорились, конечно, и они, причем чаще всего по каким-нибудь пустякам. После ссоры они достаточно быстро мирились, и вперди опять синели небеса.

Мелкие ссоры обычно ведут к сближению позиций и взглядов, а вот крупные, ведущие порой к полному разрыву, испытывают любовь на прочность. И, если любовь выдерживает такие испытания, значит она крепкая, значит на всю жизнь. Если боль утраты обоюдная, и если оба при этом понимают, что жить друг без друга не могут, рождается не только настоящая любовь, но и настоящая дружба, ибо без настоящей дружбы и любви настоящей не бывает. Не ссорятся только безразличные люди, но у таких и любовь какая-то не настоящая.

Выпало такое испытание и на их долю. И виноват в этом был Фёдор. Знакомы они были уже больше двух лет и, конечно, во всех отношениях были уже очень близкими людьми, но как-то малу помалу в их отношения начал вползать червь безразличия. Фёдор слишком уверовав в свои силы, и, думая, что Галина от него никуда не денется, начал относиться к ней несколько свысока. Ей это, конечно, не нравилось, и она всячески пыталась изменить такие отношения. Но однажды он все-таки сделал роковую ошибку.

— Да куда ты денешься! — сказал он ей как-то во время очередной ссоры.

Галина ничего не ответила, повернулась и ушла. «Подумаешь, — решил он, — все равно придет».

Прошла неделя, прошла вторая - Галина не появлялась. Фёдор подождал еще неделю, но Галины не было. Что делать? Фёдор долго колебался, но, в конце концов, решил пойти первым. Галина жила на квартире на окраине города, и на улице, по которой они часто ходили вместе, их знала даже детвора.

Дома Галину Фёдор не застал, но когда шел обратно к нему подбежал мальчишка: „А к вашей тете другой дядя ходит”, — закричал он. И вот только тогда Фёдор понял, что произошло. Слова мальчишки звучали и звучали в его ушах. В ту ночь заснуть не смог.

С каждым днем состояние становилось все тяжелее и тяжелее, угнетенное состояние нарастало, по ночам снились кошмары. Нужно, необходимо было искать какой-то выход. Сколько бы Фёдор отдал за то, чтобы вернуть все обратно, чтобы его любимая Галина была с ним. Навязчивый мотив: „От луны дорожка загляни в окошко боль и муки сердца заслони” все время вертелся в голове.. Фёдор чувствовал, что начинает сходить с ума.

Кто - то тихо постучал в дверь. Мария Яковлевна подошла к двери и открыла ее. На пороге стояла Галина.

— Моя родная, как я тебя ждал, — бросился к ней Фёдор.

— Я без тебя жить не могу! — ответила она.

— Федюша, что с тобой? — тихо спросила Мария Яковлевна, — ты всю ночь кричишь и вскакиваешь.

— Сон, Мария Яковлевна, несбыточный сон.

В эту ночь ему кошмары больше не снились. Наступило какое-то просветление. Фёдор вдруг отчетливо увидел старый суковатый ствол дерева, в который были вбиты острые клинья, видимо кто-то хотел его расколоть. „Постой, постой так ведь клин выбивается только клином,“ отчетливо прозвучали слова отца. „Да, клин можно выбить только клином.“

55. Теплоход Советский Союз.

Наступили летние каникулы, Виктор уже к этому времени стал студентом стационара.

— В профкоме есть путевки на круиз по Днепру на теплоходе „Советский Союз.“ Такой красавец, в газете „Правда“ фотография есть.

— А дорого стоит путевка?

— Да, довольно дорого, две стипендии.

— А, где же такие деньги взять?

— Заработаем!

— Пока мы заработаем, так уже точно путевки сгорят.

— Но, есть же какой-то выход?

— Есть. Нужно одолжить у Марии Яковлевны, выкупить путевки, а до отъезда заработать деньги и отдать долг.

Денег нужно было много, и заработать их, ремонтируя телевизоры, за такой короткий срок было невозможно. Вот тут-то и пригодился Фёдору опыт грузчика. Разгрузить за день вдвоем пультман цемента в 40 тонн, тем более, если цемент не в мешках, а насыпью, дело не шуточное. В вагоне света белого не видно, никакие повязки не спасают от вездесущей пыли, пыль кругом: в глазах, в ушах, в носу, во рту. Но Фёдор и Виктор были уже закаленными бойцами. Железная дисциплина, никаких фикусов, только одна цель впереди. Все эмоции по поводу Галины исчезли, и они как гладиаторы шли напролом к своей цели. Очень скоро они завоевали авторитет не только у начальства, но и среди грузчиков станции.

Напоследок перед самым расчетом, в знак благодарности за хорошую работу, им поручили разгрузку вагона с водкой. При разгрузке товаров в стеклянной таре допускается определенный процент боя, и кроме денежной оплаты они получили ящик водки.

И Виктор, и Фёдор умели и дружить, и любить, пить они тоже умели. Местные грузчики хорошо понимали, что эти два трудолюбивые парня хоть на время освободили их от каторжных работ по разгрузке пульманов с насыпным цементом. Расставание было трогательным. Выпили почти весь ящик, все клялись в вечной любви, и все вместе так и остались ночевать в станционных бараках, так как дойти даже до трамвая для многих составляло неразрешимую проблему.

Вид ночного города над громадной рекой и сам ночной Днепр, и сказочный теплоход у причала поразили воображение ребят. Теплоход был изготовлен в Чехословакии и Фёдор, и Виктор поняли, что недаром эту страну называли европейской Америкой. Кругом чистота и блеск, все красиво и аккуратно. Даже каюты третьего класса на нижней палубе, которые соответствовали их путевкам, выглядели изумительно, хоть и не представляли отдельных номеров, а были построены по принципу плацкартного вагона. Но вот эти то каюты и были заполнены в основном такими же молодыми людьми, как и они, с таким же уровнем достатка, с такими же взглядами и с очень похожим прошлым.

Конечно, и Фёдор и Виктор привезли с собой не только вещи. Они работали достаточно много денег для того, чтобы достойно провести время. В первый же вечер совместного проживания на теплоходе произошло братание, и весь третий класс на нижней палубе превратился в единую дружную команду, готовую к настоящему продуктивному отдыху.

Не обошлось в тот вечер и без недоразумений. Мы уже сказали, что планировка кают третьего класса была подобна планировке плацкартного вагона. Были верхние и нижние полки. Фёдору попала верхняя. Это было неудобно, так как у этой полки не было ящика для вещей. Но такой ящик был на нижней полке, где должен был спать Виктор. Вторым недостатком верхних полки оказалось то, что перегородка между двумя купе была слишком слабой и, когда на полку в соседнем купе кто-то залазил или спрыгивал с нее, партнера на другой стороне слегка подбрасывало.

К концу встречи все уже были в очень веселом настроении. Фёдор залез на полку и решил лечь спать. В это время его сосед по полке в соседнем купе тоже начал взбираться на полку, и Фёдора закачало, как на волнах. Когда сосед, в конце концов, лёг на полку, он подпрыгнул на своей. Соседа подбросило и он сделал то же самое. Тогда Фёдор подпрыгнул как можно выше. Раздался треск, петли, на которых висела полка, обломались, и он вместе с полкой рухнул на внизу лежащего Виктора. Дело кончилось легкими ушибами, но спать ему уже было негде.

Кое-как, скоротав ночь на полу около Виктора, а пьяным идти в техническую службу не хотелось, он пошел к боцману и начал возмущаться по поводу плохого качества петель. Тот заверил, что на корабле есть запасные части на все случаи жизни, но сколько не искали, необходимых запасных петель не оказалось. Видать не был готов этот замечательный теплоход к эксплуатации в советских условиях. Благо не все места в каютах третьего класса были заняты.

Теплоход медленно плыл вниз по Днепру, на несколько дней останавливаясь в каждом приднепровском городе. Но у теплохода была еще одна замечательная особенность, у него была очень мелкая посадка, и он мог пристать просто к берегу. Если это случалось, а о таком факте и времени стоянки всегда предупреждали заранее, то уже полностью подготовленное и в техническом и в ожидательном плане население теплохода вываливало на берег, расстилали скатерти, и начиналось всеобщее братание.

Во время одной из таких остановок, а перед этим теплоход проплыл мимо старинной разрушенной церкви, которая красовалась на высоком берегу, друзья, будучи уже немного навеселе, решили сходить туда на экскурсию.

Видно было, что это очень старая церковь, может даже времен запорожских казаков. Многие стены обрушились, часть пристроек рухнула. Фёдор и Виктору очень захотелось взобраться на церковь. Будь они в другом состоянии, им, наверное, хватило ума понять, что это очень опасная затея. Часть боковой кирпичной стены рухнула, а не обвалившаяся сторона почти вертикально поднималась вверх. По ней и решили наши герои взбираться наверх. Первым полез Фёдор, кирпичи обветшалой стены вываливались из под ног, и это сильно усложняло подъем. Когда он прошел примерно половину пути, подъем начал Виктор. Они оба никогда ранее не бывали на такой высоте и старались не смотреть вниз. Прыжки с парашютом ни в какое сравнение не шли со сложившейся ситуацией, когда ты в любую минуту можешь сорваться с обветшалой стены. Но, когда Фёдор достиг верхней точки, там к счастью оказалась небольшая круглая площадка. На площадке появился и Виктор, на нем тоже лица не было. Оба понимали, что положение очень серьезное и в таком состоянии спускаться вниз нельзя. Интересно, что хмель как рукой сняло.

Они уселись на площадке и начали вспоминать всякие истории.

— А помнишь, Витя, — говорил Фёдор и рассказывал какую-нибудь смешную историю из их жизни.

— А помнишь, Федя, — и далее следовал не менее смешной случай. Ребята смеялись и хохотали от души и опасность начала отступать.

— Ну, так что в путь?

— Конечно, там нас ждет фикус, расхохотался Виктор.

Фёдор начал спускаться первым, и, не поступи он так, там бы они и остались. Он понимал, что если у Виктора сдадут нервы, то, находясь внизу, он хоть как-то сможет ему помочь или подстраховать. Вслед за ним начал спуск Виктор. Фёдор старался быть почти рядом, так как камни, которые срывались из под ног Виктора, падали прямо ему на голову. Преодолели уже почти половину расстояния, когда большой камень вывалился из под ноги Виктора и сильно ударил Фёдора по плечу. И тут случилось самое страшное. Виктор смертельно испугался, ему показалось, что он вот-вот сорвется вниз, и он мертвой хваткой схватился обеими руками за стену, ноги же беспомощно

висели, не находя опоры. Фёдор понимал, что еще несколько мгновений и его друг сорвется вниз. Он лихорадочно полез вверх.

— Держись, Викторка! Я рядом, — прохрипел Фёдор, — дотягиваясь до его ноги. — Это моя рука, обопрись на неё.

Так шаг за шагом, ощупывая стену, они находил место, куда Виктор мог поставить ногу.

Долго сидели молча. Наконец Виктор сказал:

— А ты знаешь, когда я там завис на стене, мне показалось, что вся моя жизнь промелькнула перед глазами, я думал, что конец.

— Идиоты, мало нас жизнь учит, — только и сказал Фёдор.

56. Днепрогес.

Плавание на теплоходе имело большое познавательное значение. Особенно впечатляющим был процесс прохождения теплохода через шлюзы. Громадный корабль как по мановению палочки, переходя из одной шлюзовой камеры в другую, опускался все ниже и ниже и, наконец, оказался по другую сторону плотины. Все отдыхающие высыпали на палубу и с восторгом наблюдали это незабываемое действие, когда во время уменьшения уровня воды в шлюзовой камере теплоход как на лифте опускается вниз.

Днепрогес тоже поразил всех, с одной стороны плотины до воды рукой подать и море воды, а с другой пропасть, и даже страшно, а вдруг плотина обрушится. В машинном зале станции тоже было много интересного. Оказалось, что могучие генераторы вращаются совсем не так быстро, как думал Фёдор, и в машинном зале почти нет шума, и что эти генераторы без ремонта работают десятки лет, и что в качестве подшипников в них используется обычная резина. А когда экскурсовод сказал, что силовые трансформаторы на подстанциях Днепрогеса не менялись со времени их установки и пережили оккупацию, многие засомневались. Но на трансформаторах действительно были таблички с названием фирмы и с датой выпуска. Оказалось, что изготовила трансформаторы фирма General electric. И именно здесь Фёдор воочию начал понимать, как велик и могуч человеческий разум, и ему тоже захотелось сделать что-нибудь большое и значительное, но он прекрасно понимал, что для этого нужно очень много знать.

На Никопольском трубном заводе экскурсантам показали, как делают трубы, и они с удивлением узнали, что для того, чтобы пробить первичное отверстие в болванке, из которой в последствии будут делать цельнотянутую трубу, в нее стреляют из пушки.

57. Снова Новая Каховка.

Впереди была Новая Каховка, которая чуть не вмешалась в жизнь Фёдора самым существенным образом. Теплоход пристал к пристани чуть выше городского парка, и все отправились туда. Ранее он уже бывал здесь, когда со своими однокурсниками ездил за патефоном. Парк у такой громадной реки, что может быть прекраснее, тем бодем, в ночное время, когда с реки доносятся гудки теплоходов, а в парке звучит музыка.

Вечером все братство третьего класса отправилось в парк на танцплощадку. Весело кружились пары, вальс сменялся фокстротом, фокстрот - танго. Фёдор стал в стороне и начал наблюдать. И вдруг он увидел необычную пару, очень милая молоденькая девушка танцевала с каким-то босяком. Видно было что девушка не хочет танцевать с партнером, а тот, причем будучи гораздо старше, чуть ли не демонстративно делает замысловатые пируэты и замысловатые па. „Ну и ну! — подумал Фёдор. — Наверное местный авторитет”.

Фёдор в принципе не терпел насилия, он хорошо помнил, как ему пришлось бороться за Галину, и он решил защитить девушку. Конечно, он понимает, что местные кланы дело не шуточное, но он понимал и то, что на площадке несколько десятков жителей нижней палубы. Окончился танец. Фёдор вплотную приблизился к стоящей неподалеку необычной паре, и, как только заиграла музыка, он подошел и пригласил девушку танцевать. Она буквально бросилась к нему, а стоящий рябом авторитет, схватил девушку за талию: „Ты же милая мне обещала!” „Я тебе все обещалки поотбиваю милый,” — нагло ответил Фёдор и со всей сили толкнул его. Тот за что-то перецепился и упал. Девушка вся дрожала.

— Ты знаешь, кто это такой, тебя же убить могут.

— Так то же будет после танцев, а сейчас давайте познакомимся, — улыбаясь сказал Фёдор.

— Меня зовут Федюша, а вас?

— А меня — Элла.

Рядом с ними с какой-то девушкой танцевал Виктор, он все понимал.

— Собирай наших в том углу, — кивнул ему Фёдор.

После окончания танца он нарочито медленно шел с Эллой к указанному месту. Там уже стояло человек восемь своих ребят.

— Моя знакомая, зовут ее Элла, прошу любить и жаловать, — представил он девушку собравшимся. — Мы ее в обиду не дадим, — нарочито громко, обращаясь к ребятам, продолжал Фёдор. И ребята, он даже такой реакции не ожидал, дружно рявкнули: «Не дадим!»

— Вот видишь, какие у нас защитники, а ты боялась.

Вечер удался на славу, ребята быстро находили себе партнерш, некоторые имели их уже на корабле, и вскоре весёлая гурьба была главным действующим лицом на танцплощадке. Но он понимал, что главное еще впереди. Нужно было провожать Эллу домой.

Закончились танцы. На предложение проводить домой он получил положительный ответ, и они пошли. Фёдор никого ни о чем не просил, но прекрасно понимал, что плечо друга не подведет. Это замечательное чувство солидарности, которое с возрастом, к сожалению, притупляется, и есть юность. К счастью, все закончилось благополучно, никто Фёдора, ни когда он провожал Эллу, ни когда шел обратно, не встретил.

Элла Мятникова была ученицей десятого класса. Жила она вместе с сестрой и матерью, отец ее, военный хирург, умер два года назад от рака. Фёдор и Элла начали переписываться.

Приближались октябрьские торжества, и он решил на несколько дней съездить в Новую Каховку. Там его очень радушно приняли, правда мать сказала всем знакомым, что Фёдор двоюродный брат Эллы, но это и понятно, так как она была еще школьницей.

57. Это любовь.

Что же происходило за все это время с Галиной. Она действительно начала встречаться с новым парнем. Но чем больше проходило времени, тем больше она начинала понимать, что любит только Фёдора. И все те ужасные муки, которые чуть не погубили его, только с некоторым запозданием, настигли и её. Наконец, она рассказала об этом своему новому знакомому. Тот долго упрашивал ее, но она была непоколебима. Не зная, удастся ли помириться с Фёдором, она все-таки решила порвать с ним.

Где-то в конце ноября на воскресенье Фёдор с Виктором приехали в Липцы. Когда уже начало темнеть, пришел Виктор, он был очень взволнован.

— Ко мне пришла Галина, она очень хочет с тобой поговорить.

— Но, ведь ты знаешь, мои отношения с Эллой, — колебался Фёдор.

— Ты веришь мне?

— Верю.

— То ведь дружба, а это любовь.

Комок подступил к горлу.

— Да ты прав, — наконец сказал Фёдор, — это любовь.

Второго декабря Фёдор и Галина поженились. У них не было ни пышной свадьбы, ни богатого приданного, хотя мать Галины, отказывая себе во всем, и постаралась сделать все возможное. Но у них было главное, они любили друг друга, и им не нужны были никакие золотые горы в обмен на это ничем неоценимое сокровище.

Год пролетел быстро, родилась дочь, и ее по настоянию Фёдора назвали Галей. Он окончил университет и получил направление на работу. Прошла юность «исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман», начиналась тяжелая трудовая жизнь.

Конечно, Фёдор написал большое обстоятельное письмо Элле, где попытался объяснить все происшедшее, и они некоторое время еще переписывались, и Галина против этого не возражала. Наконец, он получил письмо, в котором она сообщала, что вышла замуж. На этом переписка оборвалась.